

50342 -
4 и (монг)
Д-20

А. А. ДАРБЕЕВА

**ИСТОРИКО -
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ГРАММАТИКЕ
МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ**

ФОНЕТИКА

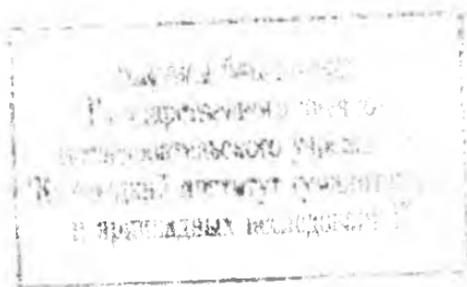
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт языкознания

А. А. ДАРБЕЕВА

ИСТОРИКО-
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ГРАММАТИКЕ
МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ

ФОНЕТИКА

МОСКВА «НАУКА» 1996

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект 96-04-16026*

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН Э.Р. Тенишев

Рецензенты:

доктора филологических наук
М.Н. Орловская, Г.Ц. Пюрбеев

Дарбеева А.А.

Д20 Историко-сопоставительные исследования по грамматике
монгольских языков. Фонетика. – М.: Наука, 1996. – 171 с.
ISBN 5-02-011262-3

Книга посвящена изучению фонетики монгольских языков в историко-сопоставительном освещении. В монографии прослеживается эволюция древнемонгольских гласных и согласных, а также исследуются явления гармонии гласных и дистрибуции звуков в структуре слова, по-разному проявляющиеся в письменных и бесписьменных языках; показано влияние контактов с иноструктурными языками на фонетическое развитие письменных и бесписьменных языков.

Для монголоведов и алтаистов, а также для студентов, аспирантов, преподавателей вузов – специалистов по монгольским языкам.

Д $\frac{4602020400-138}{042(02)-96}$ 254-96, II полугодие

ББК 81.2

ISBN 5-02-011262-3

© А.А. Дарбеева, 1996
© Издательство "Наука", художественное
оформление, 1996
© Российская академия наук, 1996

ВВЕДЕНИЕ

При решении проблем сравнительно-исторического монголоведения исследователи обычно исходят из данных старописьменного монгольского языка. По признанию монголистов, старописьменный монгольский язык отражает самое древнее его состояние, близкое к праязыку. Г. Рамстедт полагал, что формы старописьменного монгольского языка передают живое произношение монгольских диалектов XII–XIII вв., на основе которых сложился письменный монгольский язык. Вместе с тем он считал, что "письменный монгольский язык не есть нечто чистое, однородное, стройное... требуется большая критическая осторожность для того, чтобы правильно выделить древние элементы письменного языка из позднейших примесей и чтобы правильно читать эти, сохранившиеся пока, остатки древнего первоначального языка" [Рамстедт, 1908, 2]. Иначе говоря, Рамстедт полагал, что в старописьменном монгольском языке образовались напластования различных периодов его развития, сохранились следы влияния многих диалектов прошлого и что в нем наряду с более древними праязыковыми формами имеются и явления инновации.

Относительно времени происхождения старописьменного монгольского языка существует предположение, что данный язык возник до эпохи Чингисхана [Ramstedt, 1902, 3] (см. также: [Владимирцов, 1929, 20]).

Б.Я. Владимирцов отмечал, что Чингисхан ввел для нужд своей державы уже готовый литературный язык на уйгурской графике и что этот литературный язык образовался на основе какого-то очень древнего монгольского диалекта, который выявляет древнюю стадию развития монгольского языка. По мнению Б.Я. Владимирцова, этот монгольский письменный язык "оказывается представителем более древнего периода развития монгольского языка, чем самые старые монгольские наречия" [там же, 19].

Все это дает основание монголистам прибегать к помощи старомонгольского письменного языка для установления более древних, или праязыковых, форм. Таким образом, старописьменный монгольский язык, являясь эталоном для сопоставления фонетических, грамматических и лексических элементов разных монгольских языков и их говоров, диалектов, служит подспорьем для реконструкции прамонгольских форм. Г.Д. Санжеев указывает, что формы старописьменного монгольского языка во многих случаях совпадают с прамонгольскими или весьма близки к таковым. «В этом смысле старописьменный язык сыграл для монголистики примерно такую же роль, какую сыграла

классическая латынь на первичной фазе становления сравнительно-исторической романистики... Монголистика существенно и, может быть, выгодно отличается от тюркологии, не имеющей подобного рода "латыни", роль которой не смогли сыграть языки орхоно-енисейской и древнеуйгурской вертикальной письменности» [Санжеев, 1981, 241]. Вместе с тем Г.Д. Санжеев отмечает, что старописьменный монгольский язык не во всем и не всегда является вполне надежным подспорьем для реконструкции прамонгольского языка и его элементов (из-за специфики графической системы), но на три четверти совпадает с прамонгольским [там же, 243]. Иначе говоря, старомонгольский язык, функционирующий с конца XII – начала XIII в., отражает состояние, близкое к прамонгольскому языку. Другие же источники квадратной (XIV в.), ойратской (XVI в.) письменностей, ранние монголизмы в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках, материалы арабских, китайских филологов, армянских и грузинских историков фиксируют не прамонгольские и не древнемонгольские, а среднемонгольские (по периодизации Б.Я. Владимирцова) формы.

Однако вопрос о монгольском праязыке остается открытым, как и многие проблемы сравнительно-исторической фонетики монгольских языков. Так, например, до сих пор не решен вопрос о происхождении монгольской письменности, т.е. вопрос о том, на основе каких монгольских диалектов сложился старописьменный или письменный монгольский язык. Существуют разные предположения. Б.Я. Владимирцов выдвинул керейтскую [Владимирцов, 1932, 6–7] и керейтско-найманскую [Владимирцов, 1929, 19–20] версии. Найманскую версию поддержали Г.Д. Санжеев [Санжеев, 1953, 15], Э. Хениш [Haenisch, 1948, 183], Н. Поппе [Porre, 1951, 7] и др. Впоследствии было установлено, что керейты и найманы не монгольского, а тюркского происхождения (см. [Лигети, 1955, 136]). Третья версия, связывающая происхождение письменного монгольского языка с киданями, получила широкое распространение среди современных исследователей (см., например: [Викторова, 1961, 137–155; 1980; Таскин, 1979, 16; Рудов, 1963, 148–151; Лигети, 1955, 138; Кара, 1972, 10]). Л. Лигети, а также Д. Кара указывают, что киданьские глоссы, сохранившиеся в китайских источниках, обнаруживают более древние черты киданьского языка по сравнению с монгольским языком XIII–XIV вв. Из российских монголоведов М.Н. Орловская [Орловская, 1984, 10] и Е.А. Кузьменков [Кузьменков, 1980, 71–72] также полагают, что монгольский письменный язык возник на базе киданьского языка и что, возможно, кидане являются одним из первых монгольских народов, создавших свою письменность [Орловская, 1984, 7]. По мнению некоторых историков, монгольский литературный язык образовался на основе языка семиречинских киданей – кара-кытаев, к которому была приспособлена уйгурская письменность [Викторова, 1961, 155]. Однако и киданьская версия остается пока лишь версией, ибо первые попытки дешифровки киданьского письма не дали желаемых результатов (см., например: [Таскин, 1963, 127–147; Рудов, 1963, 148–151]).

Возникновение сравнительно-исторического монголоведения связа-

но с именем Г. Рамстедта, который считается пионером компаративистики в области монгольского языкознания (см.: [Санжеев, 1981, 235–258]). Действительно, первый опыт сравнительно-исторического изучения фонетики монгольских языков представлен в работе Г. Рамстедта "Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаургинского говора" [Рамстедт, 1908], которая является переработанным и дополненным изданием его книги, вышедшей на немецком языке [Ramstedt, 1902].

Г. Рамстедт, впервые в истории монголистики исследовавший халхаургинский говор в историческом плане, полагал, что самым прочным основанием для исторического изучения всех языков, в том числе и монгольского, является исследование живых наречий и говоров. И потому он очень хотел, "чтобы эта точка зрения была наконец усвоена всеми монголоведами" [Рамстедт, 1908, 11].

Г. Рамстедт впервые отметил крайнюю необходимость создания сравнительной фонетики в связи с тем, что современный разговорный язык монголов существенно отличается от "старого письменного языка", что "гласные неударяемых слогов современного монгольского языка (халхаского наречия и др.) настолько редуцированы по количеству и качеству, что их нелегко отличать даже фонетическим письмом" [там же].

Материалом изучения послужил говор г. Урги (совр. Улан-Батор), который местными жителями назывался просто разговорным языком в отличие от письменного. Этот говор исследован Рамстедтом осенью 1899 г. Фонетическая система халхаургинского говора дана в историческом освещении в сравнении со звуками старописьменного монгольского языка. Анализируются согласные смьчные (слабые и сильные) *k, k, t, г, г, д*; согласные *с, ш, j, л, р*; носовые *ң, н, м*, а также гласные *а, е, і, о, у, ö, ү*; дифтонги, ударение и некоторые фонетические явления халхаургинского говора в сравнении с данными старописьменного монгольского языка.

Более полная и обстоятельная картина дана в работе Б.Я. Владимирцова "Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия..." [Владимирцов, 1929]. Это – первый труд, в котором изложены фонетические системы современного халхаского "наречия" и того "монгольского диалекта", для которого было создано монгольское письмо. Б.Я. Владимирцов указывал, что этот письменный язык, хотя он и отражает более "древнее наречие", не является общемонгольским праязыком [там же, 95]. Труд этот до сих пор остается настольной книгой монголистов, ибо в нем впервые в истории мирового монголоведения даны: а) классификация монгольских языков и их говоров, диалектов; б) периодизация истории развития монгольского письменного языка с указанием главнейших памятников, характеризующих хронологию изменения старописьменного монгольского языка в соответствии с выделенными периодами. Впервые в монголоведении были исследованы проблемы происхождения монгольских языков и их диалектов, существование различных видов письменности, вопросы контактов монгольских языков с иноструктурными языками.

Б.Я. Владимирцов рассматривает монгольские языки в их отношении к алтайской семье языков и связь монгольских языков с другими языками с указанием фактов двуязычия русских, китайцев, тувинцев, теленгитов, киргизов, сартов, говоривших на одном из монгольских наречий, а также двуязычие самих монгольских народов, владевших преимущественно русским языком.

Многие теоретические положения Б.Я. Владимирцова не устарели и в настоящее время, например его периодизация старописьменного монгольского языка с выделением трех хронологических периодов (с лингвистической и исторической характеристикой каждого периода): I. Древний период – до начала XIV в. II. Средний период – от начала XIV в. до второй половины XVI в. III. Переходный период – с конца XVI в. до начала XVII в. [Владимирцов, 1929, 33]. Дальнейшие исследования в целом придерживаются основных принципов этой периодизации [Санжеев, 1953, 15–16; 1959, 9–10], но с некоторыми изменениями в хронологии отдельных периодов (см., например: [Лигети, 1955, 136; Поппе, 1955, 14–15; Лувсандэндэв, 1972, 19–21; 1977, 11; Төмөртоого, 1972, 47–57]). Этот вопрос подробно освещен в работе М.Н. Орловской [Орловская, 1984, 8–12].

Второй крупной работой в области сравнительной монголистики является книга Г.Д. Санжеева "Сравнительная грамматика монгольских языков" [Санжеев, 1953], в которой автор дал общий обзор монгольских языков и диалектов, краткий очерк фонетики с развернутым изложением истории аффрикат *дж*, *дз*, *ч*, *ц* и явления перелома гласного *i*. В разделе "Грамматический строй" достаточно подробно представлены система склонения имен, употребление падежей и послелогов.

Второй том "Сравнительной грамматики монгольских языков" [Санжеев, 1963] посвящен морфологии и синтаксису глагола. В этом томе нашли отражение новые материалы по дунсянскому и баоаньскому языкам, а также новые исследования по другим письменно-литературным языкам и их диалектам.

Из зарубежных исследований по сравнительной грамматике монгольских языков следует отметить работы Н. Поппе и М. Вайерса. Книга Н. Поппе "Introduction to Mongolian comparative studies" [Poppe, 1955] состоит из "Введения" и разделов "Фонология" и "Морфология". Во Введении изложена краткая история сравнительного изучения халха-монгольского, бурятского, ойратского (калмыцкого) языков и диалектов языка Внутренней Монголии; показано изучение островных языков: могольского, шира-югурского, монгорского и дагурского; исследуется старописьменный монгольский язык преимущественно на материале "Сокровенного сказания монголов". Данный труд составлен на основе материалов по указанным языкам, опубликованным с начала XX в. по 40-е годы XX в. Автор, классифицируя указанные выше монгольские языки, дает краткую фонетическую характеристику каждого из них. При анализе звукового состава (раздел "Фонология") автор исходит из архетипов древних гласных и согласных и прослеживает их фонетические рефлексy только в тех монгольских языках и диалектах, которые были описаны по 40-е годы XX в.

Оригинальным представляется "Исследование по исторической грамматике доклассического письменного монгольского языка" М. Вайерса [Weiers, 1969]. Целью работы было изложение фонетики и морфолого-синтаксических особенностей монгольского языка, нашедших отражение в текстах начиная с XII в. до начала XVII в., с обзором материала источников наряду с кратким обзором лингвистических воззрений источников и исследователей, работавших с монгольскими оригинальными источниками по морфологии. Иначе говоря, это – грамматика только доклассического монгольского языка, и в ней исследуются лишь отдельные явления фонетики и морфологии языка памятников. Данная работа состоит из Введения, кратких очерков по фонетике и морфологии. Во Введении даны классификация и краткое описание источников XIII, XIV, XVI и начала XVII вв. Каждое описание памятника сопровождается указателем изданий и литературы, посвященной изучению данного памятника в разных аспектах, т.е. не только в лингвистическом.

Автор широко использует работы, изданные в разных странах (СССР, ФРГ, ГДР, Франция, Венгрия, Чехословакия, Япония, Китай, Монголия, Англия, США, Польша, Турция). Это очень ценный справочный материал для компаративиста и историка языка. Когда Б.Я. Владимирцов издавал свои работы в тот период, т.е. до начала 30-х годов XX в., многие памятники не были опубликованы. М. Вайерс показывает, что этот пробел в дальнейшем был во многом восполнен зарубежными монголоведами. В этой области работали ученые из разных стран – Л. Лигети, П. Аалто, С. Хаттори, Ф. Кливз, Э. Хениш, В. Хайссиг, Д. Кара, А. Рона-Таш, Ст. Калужинский, С. Мураяма, П. Пельо, Б.Я. Владимирцов и др.

В разделе "Краткий очерк фонетики" в основном прослеживаются отдельные изменения согласных в определенных комбинаторных условиях в тех или иных памятниках доклассического периода. Например, рассматриваются слабые звонкие заднеязычные смычные согласные в начале, середине и конце слова в различных фонетических условиях, т.е. в словах с передне- и заднерядными гласными. В таком же аспекте рассматриваются и сильные глухие смычные заднеязычные согласные, а также согласные *д*, *т* и фарингальный спирант *h* в начале слова.

Параграф 11 книги Вайерса посвящен "Die Vokalfärbung" – под этим термином автор понимает употребление гласных фонем в структуре слова, включая и гармонию гласных, порядок следования их в разных памятниках. Например, монгольский язык (в транскрипции на китайском слоговом письме) имел гласные фонемы *a*, *e*, *i*, *o*, *ö*, *u*, *ü*. В тексте "Юань-чао-би-ши" автор отмечает нерегулярность в написании гласных, чередование гласных в структуре одного и того же слова. Такие явления встречаются как в начале, так и в середине слова, например: *oĉiqon* (с. 77) ~ *oĉiqen* (с. 84) 'neulich', 'kurzlich', *olĉo* (с. 153) ~ *olĉe* (с. 92) 'Beute, fremdes Gut', *oro* (с. 84) ~ *ore* (с. 69) 'Herz'" [Weiers, 1969].

В квадратной письменности монгольского языка отражено восемь гласных фонем: /a/, /e/, /è/, /i/, /o/, /ö/, /u/, /ü/, которые дифференцируются на переднерядные (/e/, /è/, /ö/, /ü/, /i/) и заднерядные (/a/, /o/, /u/). В та-

ком же плане рассматривается состав вокализма монгольского языка на арабской и уйгуро-монгольской графической основе. Суть анализа состава гласных заключается в том, что М. Вайерс не только отмечает так называемое чередование (*Wechsel*) гласных в структуре одного слова типа: *ödür – edür* 'день', но приводит явные нарушения гармонии гласных в словах типа *tequsüqsad-i* 'die vollendet haben', *kürüqsan* 'angekommen seiend', т.е. нарушение гармонии гласных в суффиксах. Эти явления, отмеченные в некоторых памятниках, касаются отдельных вопросов фонетики, но не вокализма и консонантизма в целом. В разделе "Краткая морфология" представлены суффиксы падежного склонения и некоторые формы глаголов.

Работа В.И. Рассадина "Очерки по исторической фонетике бурятского языка" [Рассадин, 1982] представляет собой первый и очень удачный опыт исследования звукового состава говоров и диалектов бурятского языка в сравнительно-историческом плане. Она отличается от предыдущих работ характером привлекаемого материала: в ней рассматривается только фонетическая система исследуемого языка в сопоставлении с другими языками. Основой исследования служит диалектный материал, ибо из всех литературно-письменных монгольских языков обстоятельно и фронтально изучены говоры и диалекты лишь бурятского языка. В первых двух главах дан сравнительный анализ гласных и согласных фонем бурятских говоров в общемонгольском аспекте с привлечением других монгольских языков. В третьей главе рассматриваются узловыe вопросы бурятской фонетики, т.е. явления, связанные: 1) с историей развития гласного **i* (опереднение гласных, палатализация согласных), 2) с ослаблением напряженности артикулирующих органов (ослабление артикуляции согласных и гласных). На основе данных говоров и диалектов бурятского языка автору удалось определить место звуковой системы последнего в общем строе фонетики и фонологии монгольских языков и выявить причины возникновения отличия бурятского языка от других монгольских языков.

Таким образом, исследователи, изучавшие монгольские языки в сравнительно-историческом плане, оперировали в основном материалами халха-монгольского, ойратского и бурятского языков с привлечением данных отдельных говоров, диалектов языка монголов Внутренней Монголии и некоторых памятников XIII–XVII вв. [Рамстедт, 1908; Владимирцов, 1929; Санжеев, 1953; 1963; Порре, 1955]. Наряду с ними имеются исторические работы, посвященные изучению языка памятников [Weiers, 1969] и исследованию всех говоров, диалектов одного из литературно-письменных языков [Рассадин, 1982].

Изучение древних текстов на старописьменном монгольском языке способствовало восстановлению звукового состава древнемонгольского языка и исследованию фонетической эволюции гласных и согласных в современных письменно-литературных языках и их диалектах на основе материалов исследований того времени.

Ряд бесписьменных монгольских языков и новые исследования по другим монгольским языкам и говорам остались за пределами наблю-

дений компаративистов. Это обстоятельство обязывает исследователей учитывать изменение количества и структуры монгольских языков.

После завершения нашего исследования опубликованы и другие работы, например: книга С. Мөөмөө, Ю. Мөнх-Амгалан "Орчин үеийн монгол хэл, аялгуу" (Улаанбаатар, 1984) объемом 345 страниц, состоящая из Введения и четырех разделов с приложением словаря территориальных диалектов и данных из "Этнолингвистического атласа МНР" (Улаанбаатар, 1979) и других карт, характеризующих территориальное расселение монголоязычных народов (с. 334–339). В обширном Введении анализируются: 1) общие сведения по языку рода, племени, нации; 2) соотношение национального языка и территориальных диалектов; 3) соотношение современного письменно-литературного языка и диалектов; 4) взаимоотношение социальных и территориальных диалектов; 5) социальный диалект и жаргон. Исследователи особо рассматривают историю изучения и классификации монгольских языков в трудах монголистов разных стран, преимущественно российских и монгольских.

В четырех разделах описаны монгольские языки, функционирующие на территории четырех стран мира: I. МНР (халха-монгольский). II. СССР (бурятский и калмыцкий). III. Афганистан (могольский) и IV. КНР (язык монголов Внутренней Монголии, баоаньский, дунсянский, дагурский, монгорский, шира-югурский). В каждом разделе представлены характеристики соответствующих монгольских языков и их говоров, диалектов по данным имеющихся исследований по рассматриваемым проблемам. При этом более подробно показано диалектное членение современного халха-монгольского языка с большей ориентацией на освещение фонетического различия между диалектами. При описании других монгольских языков, особенно бесписьменных, отражены некоторые особенности в фонетике, морфологии и частично лексике этих языков со ссылкой на тех исследователей, в трудах которых это уже было отмечено.

Таким образом, эта книга знакомит читателя с территориально-географическим распространением монгольских языков, с их фонетико-грамматическим строем, с историей изучения монгольских языков исследователями разных стран. Заслуживает внимания и другая сравнительная грамматика – "Монгол хэлнүүдийн харьцуулсан хэл зүй" (Улаанбаатар, 1985) объемом 258 страниц, составленная коллективом монгольских авторов (Б. Базылхан, П. Бямбасан, Ц. Баярсурэн, Х. Лувсанбалдан, Л. Болд, Г. Гантогтох, Б. Сумьябаатар, Ж. Наджид, Ж. Сэржээ).

В книге рассматриваются вопросы сопоставительной фонетики и морфологии монгольских языков. В ней использованы материалы по всем монгольским языкам, включая и бесписьменные. Морфология представлена разделами: существительные, прилагательные, местоимения, числительные, наречия, глагол с характеристикой их грамматических показателей, служебные слова. Глава "Сравнительная фонетика" содержит разделы: гласные (краткие, долгие, дифтонги), согласные. Специфичным для этой книги является принцип подачи материала

без указания источников или ссылок на соответствующие работы, в которых рассматривались те или иные проблемы, особенно касающиеся звукового строя монгольских языков.

Примечательным для обеих книг является то, что монгольскими исследователями частично использованы материалы по бесписьменным монгольским языкам.

На рубеже 90-х годов XX в. зафиксировано наличие десяти монгольских языков: четырех письменно-литературных и шести бесписьменных, островных языков. К письменным языкам относятся халха-монгольский, носители которого живут в Монголии, бурятский и калмыцкий языки – национальные языки народов, живущих в России преимущественно на территории Республики Бурятия и Республики Калмыкия, а также язык монголов Внутренней Монголии на территории КНР. К бесписьменным монгольским языкам следует отнести: монгорский, дунсянский, баоаньский, дагурский, шира-югурский, носители которых проживают на территории КНР, и могольский язык в Афганистане.

Литературно-письменные монгольские языки живут полнокровной жизнью самостоятельных языков, выполняя обширные социальные функции языков современного развитого общества. Носители их имеют свою национальную автономию.

Монгольский язык Монголии, являясь государственным языком, целиком обслуживает нужды своей страны. Бурятский и калмыцкий языки сосуществуют с русским языком как государственные языки на территории компактного расселения носителей этих языков в связи с распространением массового бурятско-русского и калмыцко-русского двуязычия среди бурят и калмыков (см.: [Дарбеева, 1969; Шагдаров, 1969₂; Илишкин, 1972]). Монголы Внутренней Монголии на территории КНР активно пользуются старомонгольской письменностью с вертикальной графикой наряду с китайским языком, который широко распространен среди носителей разных монгольских языков, живущих в КНР [см.: [Cinggeltei, 1957; 1958; Тодаева, 1985]).

Фонетика, морфология, лексика, синтаксис, стилистика литературно-письменных монгольских языков получили глубокое научное освещение в монографических исследованиях современных монголоведов.

Изучением халха-монгольского языка занимаются как монгольские (см., например: [Лувсанвандан, 1967; 1974; 1975; Лувсандэндэв, 1957; 1972; 1977; Вандуй, 1965; 1973; Мөөмөө, 1979; Төмөртоогоо, 1971; Төмөрцэрэн, 1970; Цолоо, 1976; Шагдарсурэн, 1979; 1981]), так и зарубежные монголисты, например российские [Бертагаев, 1964; 1974; Биткеев, 1978; Бураев, 1977; Дарбеева, 1984; 1985; Надеяев, 1957; Орловская, 1961; Пюрбеев, 1972; 1984; Рассадин, 1970; 1975; Санжеев, 1959; Тодаева, 1951; Шагдаров, 1969₁; Шевернина, 1960; 1987].

Имеющиеся исследования по калмыцкому языку и их говорам также вошли в орбиту наблюдения компаративистов (см., например: [Биткеев, 1964, 1965; 1975; Бордаев, 1985; Дораева, 1983; Илишкин, 1972; Кичиков, 1963; 1967; Мушаев, 1977; Монраев, 1974; Номинханов, 1964;

Павлов, 1963; 1968; 1983; Пюрбеев, 1977; 1979; Очиров, 1964; Сусеева, 1978; 1985; Убушаев, 1979).

Следует отметить работы по бурятскому языку (см., например: [Абашеев, 1965; Бертагаев, 1947; 1968; 1971; Будаев, 1965; 1978; Бураев, 1968; 1976; 1987; Дамдинов, 1968; Дарбеева, 1978; 1984; 1985; Дондуков, 1964; Золхоев, 1973; Матхеев, 1957; 1968; Митрошкина, 1968; Раднаев, 1965; Рассадин, 1976; 1977; Санжеев, 1953; 1963; Цыдендамбаев, 1960; 1968; 1972; 1975; Цыдыпов, 1972; Черемисов, 1947; 1973; Шагдаров, 1962; 1967; 1972; 1974].

Начало изучения языка монголов Внутренней Монголии связано с именами А. Руднева [Руднев, 1911] и А. Мостарта [Mostaert, 1927].

В 50-е годы XX в. группа китайских исследователей при участии советской монголистки Б.Х. Тодаевой приступила к фронтальному изучению всех говоров и диалектов монголов Внутренней Монголии в КНР (см.: [Cinggeltei, 1957; 1958; Тодаева, 1981; 1985]).

Из общих монголоведческих работ следует назвать работы Г.Д. Санжеева [Санжеев, 1953; 1963; 1959], Ц.Б. Цыдендамбаева [Цыдендамбаев, 1979], Г.Ц. Пюрбеева [Пюрбеев, 1972; 1979] и Т.А. Бертагаева, особо отметим его работы по лексике современных монгольских литературных языков [Бертагаев, 1974] и по синтаксису современного монгольского языка [Бертагаев, 1964], давшие основные направления в изучении лексики и синтаксиса монгольских языков. Таким образом, строй литературных монгольских языков описан достаточно подробно.

Бесписьменные островные монгольские языки изучены значительно слабее, чем литературные, поэтому следует более подробно остановиться на истории их изучения. Не по всем из этих языков имеются необходимые данные; некоторые из них, например дунсянский и баоаньский, впервые были обнаружены и зафиксированы как самостоятельные языки советскими учеными Г.П. Сердюченко и Б.Х. Тодаевой.

Б.Х. Тодаева – первая российская монголистка, которой удалось в составе китайской экспедиции посетить территорию Китая, населенную монголоязычными народами, ознакомиться с их языком и бытом. Результаты своих наблюдений она опубликовала в ряде работ [Тодаева, 1960; 1961; 1964; 1973; 1981; 1985; 1986], а также в совместной с Э.Р. Тенишевым работе по языку желтых уйгуров [Тенишев, Тодаева, 1966].

Изучением монгорского языка* занимались также ученые других стран, например Д. Шрёдер [Schroder, 1964] и А. Рона-Таш [Rona-Tas, 1960; 1962].

Дагурский язык изучали А.Ф. Ивановский [Ивановский, 1894], Н. Поппе [Поппе, 1930], Ф. Муромский (см.: [Kaluzynski, 1970], Б.Х. Тодаева [Тодаева, 1986].

Язык шира-югуров описан В. Котвичем (по материалам С.Е. Ма-

* В работах бельгийских ученых А. Мостарта и А. Смедта [Mostaert, Smedt, 1930], а также в работе Д. Шрёдера [Schroder, 1964] язык монголов рассматривался как диалект, хотя Н. Поппе считал его самостоятельным языком [Porre, 1955].

лова) [Kotwicz, 1939, 437–440] и Б.Х. Тодаевой [Тенишев, Тодаева, 1966].

Дунсянский и баоаньский языки описаны Б.Х. Тодаевой [Тодаева, 1961; 1964]. Работы Б.Х. Тодаевой содержат обширный фактический материал по фонетике, морфологии, частично по синтаксису и снабжены приложениями в виде текстового материала со словарем.

Следует отметить, что по этим же монгольским языкам китайского региона имеются работы Чингельтея, опубликованные в журн. "Монгол хэл бичиг" (см.: [Cinggeltei, 1957; 1958]).

Могольский язык привлекал внимание ученых разных стран мира (см., например: [Ramstedt, 1906; Лигети, 1954; 1964; Ligeti, 1954; 1964₂; Iwamura, Schurman, 1954; Poucha, 1961; Rawling, 1979; Weiers, 1971]). Научный интерес к нему обусловлен, очевидно, тем, что моголы почти полностью ассимилировались в ираноязычной среде [Лигети, 1954, 99–100].

Наиболее существенные данные по могольскому языку представлены в трудах венгерского ученого Л. Лигети, который не только обработал и дополнил материалы его предшественников, изучавших могольский язык (переиздал с соответствующими комментариями словарь Б. Лича, который был в Афганистане в начале XIX в. в составе английской миссии) [Ligeti, 1954], но также собрал материал в полевых условиях и опубликовал их [Лигети, 1954; 1964]. Лигети отметил, что могольский язык Афганистана не представляет собой единой языковой картины, а имеет диалектное членение, включая в себя диалекты марда и монгут. Кроме того, он указывает на значительное сохранение в могольском языке таких черт, которые характерны для среднемонгольской речи. В частности, подобные факты зафиксированы в монгольских глоссариях, написанных на арабском и персидском языках в XIV–XV вв. [Лигети, 1954, 102; Ligeti, 1963]. Лигети отмечает, что почти все моголы являются двуязычными – кроме родного языка, они прекрасно говорят на местном таджикском диалекте. Значительная часть прежних могольских племен ныне совсем не пользуется могольским языком, а знает только местный таджикский диалект, что обусловило существенные изменения в могольском под влиянием языковых контактов вплоть до полного его вымирания [Лигети, 1954, 102–103].

Исследователи С. Ивamura и Х. Шурман, дважды посетившие Афганистан, также отмечают фактическое вымирание могольского языка [Iwamura, Schurman, 1954]. В 1955 г. японской миссией был обнаружен в афганской деревне Зирни рукописный материал, опубликованный под названием "Zirni Manuscript" (ZM) [Iwamura, 1961]. Ценность этого рукописного памятника могольского языка отмечена во Введении Н. Поппе к ZM и в работе Л. Лигети [Ligeti, 1964₁, 17–44], который считает, что лингвистическая информация, содержащаяся в данной рукописи, характеризует язык этого документа как разговорную речь на диалекте марда могольского языка, на котором говорят в Кундуре.

Памятник отражает язык моголов Афганистана, но в нем, судя по

фонетическому материалу, много звуковых элементов, свойственных монгольскому языку среднего периода – XIII–XIV вв. Это характерно также для могольского и дагурского языков. В области морфологии в этом памятнике встречаются чрезвычайно интересные явления, особенно в категории числительных, где наблюдаются результаты контактов с ираноязычными племенами (заимствована модель образования составных числительных типа 11–25: обычно в монгольских языках вначале называется десяток, потом единица, но в ЗМ – вначале единица, потом десяток, т.е. как в иранских). Имеются заимствования в числительных до десяти, например: числительные от 1 до 5 являются общемонгольскими, а числительные 6, 7, 8, 9 (соответственно 16, 18, 19, 60, 80 и 90) заимствованы, очевидно, из иранских языков. Язык ЗМ очень интересен не только в историческом, но и в ареальном плане.

Структура числительных и местоимений свидетельствует о том, что текст ЗМ отражает язык современных моголов. Еще у Б. Лича подобные явления в морфологии не зафиксированы, хотя его словарь содержит 129 существительных; в нем отражены местоимения, причастия, наречия, имеются числительные, глаголы и 29 фраз. П. Поуха, построивший свою работу на материале Г. Рамстедта, также не указывает на эти данные, которые были обнаружены лишь в 50-е годы [Iwamura, 1961] и потому не могли быть использованы ни в словаре Б. Лича, ни в работе П. Поуха [Poucha, 1961].

С другой стороны, язык рукописи ЗМ имеет много общего с монгольскими словарями на арабской графике, датируемыми XIV и XV вв. Таким образом, монгольские словари на арабской графике, представляющие диалекты среднемонгольского языка, имеют зафиксированную близость с диалектами моголов Афганистана. Все имеющиеся материалы по могольскому языку отражают следы среднемонгольской речи с сохранением элементов более раннего состояния монгольского языка. В частности, Л. Лигети предполагает, что в могольском языке сохранились рудименты первичной долготы благодаря наличию признака долготы гласных в окружающей языковой среде (т.е. в таджикском и частично в некоторых диалектах тюркских языков Афганистана) [Ligeti, 1964₂, 1–48].

Вместе с тем ученые отмечают ощутимое влияние на могольский иранских языков [Poucha, 1961, 251–270]. Однако вопрос об ассимиляции могольского языка в ираноязычной среде пока остается открытым. Монголистам ФРГ, работавшим в Афганистане в 70-е годы XX в., удалось собрать этнолингвистические и фольклорные материалы по могольскому языку. Кроме того, по данным канадского ученого К. Роулинга, моголы деревни Дукуди все еще говорят по-могольски [Rawling, 1979]. Однако утрата социальной функции этим языком, отмеченная исследователями, не вызывает сомнений.

Изучение островных бесписьменных монгольских языков на территории КНР и Афганистана представляет собой одну из серьезных задач монголоведения. Имеющиеся данные по их современному состоянию предоставляют необходимый материал для исторических штудий (хотя и не все уровни языка разработаны в равной мере).

Диалекты и говоры современных бурятского, калмыцкого и монгольского языков изучены значительно лучше, чем диалекты и говоры бесписьменных монгольских языков. Говоры и диалекты бурятского языка подверглись более глубоким и широким исследованиям, чем говоры и диалекты калмыцкого и монгольского языков, им посвящено много монографий. Имеются работы по хоринскому, аларскому, агинскому, тункинскому, цонгольскому, сартульскому, боханскому, кабанскому, баргузинскому, хамниганскому, эхирит-булагатскому и нижнеудинскому диалектам и говорам. Все они подверглись тщательному экспедиционному изучению по единой программе с применением методов экспериментальной фонетики. В итоге исследований были получены интересные сведения и из области контактологии. Установлено, что хамниганский, сартульский, цонгольский, нижнеудинский говоры являют собой пример ассимиляции диалектов и говоров количественно небольшой группы монголов и ойратов в генетически родственной бурятской среде [Дамдинов, 1968; Бураев, 1965; Будаев, 1965; Дарбеева, 1978].

Дербетский и торгутский говоры калмыцкого языка стали объектом монографического описания в ряде кандидатских диссертаций [Кичиков, 1963; Убушаев, 1979]. Дальнейшее изучение подговоров калмыцкого языка несколько замедлилось, очевидно в связи с тем, что в калмыцком языке нет таких существенных различий между говорами, как, например, в бурятском. Однако не только в теоретическом, но и в практическом отношении представляет определенный интерес изучение языка хошутов, бузава наряду с языком сарт-калмыков в Киргизии. Это дает новый материал для теории контактов.

Монголистами МНР многое сделано для исследования говоров и диалектов современного халха-монгольского языка. На территории МНР живут компактными группами буряты и ойраты, однако их язык еще недостаточно изучен. Работы Э. Вандуя и Ж. Цолоо по языку отдельных ойратских родов – малая доля того обширного материала, который мог бы быть получен в результате изучения языков многочисленного ойратского населения МНР, сохранившего в своем языке много архаичных черт и приобретшего новые свойства. Все эти явления не получили пока должного описания, но уже подготовлены труды по бурятскому и ойратскому диалектам. Еще в 20-е годы XX в. Б.Я. Владимирцов отмечал, что язык "западных монголов" (ойратов) подвергся серьезному изменению [Владимирцов, 1923].

Монгольские диалектологи считают, что языки ойратов и бурят, проживающих на территории МНР, – это диалекты современного халха-монгольского языка.

Изучение языка памятников осуществляется неравномерно в разных странах. Б.Я. Владимирцов перечислил 37 главных памятников монгольской письменности по данным на 1928 г. [Владимирцов, 1929]. Впоследствии список памятников значительно пополнился. Многие из них были открыты русскими учеными: П.Н. Козловым, И. Клюкиным, Д. Банзаровым, А.М. Позднеевым, С.Е. Маловым и др.

В области изучения истории языка по материалам памятников мно-

гое сделано венгерскими, монгольскими, немецкими, японскими, чешскими, финскими, польскими, французскими, американскими и российскими исследователями (см., например: [Ligeti, 1962; 1963; 1964₂; Kara, 1962; 1970; Лувсанвандан, 1967₂; 1977; Лувсандэндэв, 1972; 1977; 1980; Poppe, 1928; 1962; Hattori, 1961; Murayama, 1970; Weiers, 1969; Санжеев, 1953; 1963; Цыдендамбаев, 1972; Орловская, 1984; Пюрбеев, 1993].

Для зарубежных исследователей характерны наблюдения над частными вопросами морфологии, фонетики, синтаксиса, семантики (см. [Ozawa, 1955]). Они не ставят перед собой задачи описания всей структуры языка памятника в целом.

Работы российских монголистов велись в другом направлении. В первые годы формирования и становления литературных языков монголоязычных народов СССР внимание ученых уделялось преимущественно вопросам прикладного языкознания, а не изучению языка памятников, однако в последние десятилетия отечественные монголисты обратились к данной проблеме. Так, например, появление работы Ц.Б. Цыдендамбаева "Бурятские родословные и исторические хроники..." [Цыдендамбаев, 1972] было значительным событием в научной жизни. Монография состоит из двух частей: в первой части дается исторический материал, впервые введенный автором в научный обиход; вторая часть посвящена фонетическим, грамматическим, лексическим комментариям, особенностям языка исторических хроник и родословных, а также общей характеристике языка бурятских памятников на старомонгольской графике.

Последовательное изучение языка памятников преимущественно в морфологическом плане осуществлено М.Н. Орловской [Орловская, 1958; 1975; 1984]. В книге "Алтан Тобчи" [Орловская, 1984] проанализированы именные формы, наречия и служебные части речи языка данного памятника.

О результатах изучения средневековых памятников неоднократно докладывали российские монголисты на всесоюзных и международных конференциях.

В целом можно говорить о том, что в сравнительно-исторической монголистике накоплен значительный материал (см. также: [Бертагаев, 1964; 1968; 1974; Биткеев, 1970; Бураев, 1977; 1987; Ligeti, 1962; 1964₂; Лувсанвандан, 1967; 1977; Рассадин, 1975; 1982; Санжеев, 1953; 1963; 1959; 1981; Тодаева, 1961; 1964; 1973; 1985; 1986; Цыдендамбаев, 1972; Шагдаров, 1969; 1974; Орловская, 1961; 1984; Пюрбеев, 1972; 1977; 1979; Döerfer, 1964; Hattori, 1961; Kałużyński, 1970; Kara, 1963; 1970; Poppe, 1955; 1960; 1962; Poucha, 1961; Rona-Tas, 1960; Schröder, 1964; Weiers, 1970. Но созданию сравнительно-исторической грамматики монгольских языков должно предшествовать историко-сопоставительное, типологическое изучение отдельных монгольских языков, ориентированное на исследование внутренних законов развития фонетики, морфологии и синтаксиса письменных и бесписьменных языков. Первый труд в этом направлении выполнен Г.Ц. Пюрбеевым [Пюрбеев, 1993], где впервые в монгольском языкознании исследованы структуры именных и глагольных словосочетаний с учетом соответствующих

данных, зафиксированных в памятниках среднемонгольского, классического монгольского (включая старобурятские тексты), ойратского письменного и старокалмыцкого литературного языков.

После завершения нашей работы вышли в свет два весьма значимых и оригинальных труда российских фонетистов-монголоведов по фонетике монгольских языков, заслуживающих особого внимания.

В работе И.Д. Бураева "Становление звукового строя бурятского языка" впервые в монголоведении разработана проблема формирования звукового строя конкретного языка на основе комплексного подхода к решению вопросов причинно-следственной связи в эволюции звуков, изменении состава и системы фонем исследуемого языка. Автором выявлены внутренние и внешние факторы развития фонетической системы бурятского языка. Фонетические процессы, обусловленные внутривидовыми особенностями, рассматриваются на общем фоне алтаистики в целом с учетом лингвистической теории фонем. Динамика становления системы гласных и согласных бурятского языка показана на историческом фоне взаимодействия его с родственными и неродственными языками. По признанию И.Д. Бураева, фонетическое своеобразие бурятского языка, отличающее его от халха-монгольского и калмыцкого языков, обусловлено наличием эвенкийского субстрата в виде фарингального *h* и сохранением артикуляционной специфики эвенкийского языка. Монотонный, замедленный темп речи с качественной редукцией кратких непервослоговых гласных автор рассматривает как свойство эвенкийского наследия.

В книге П.Ц. Биткеева "Языки и письменные системы монгольских народов" рассматриваются проблемы происхождения редукции и долготности, ударения, сингармонизма, модификации слогов, слов, морфем, частиц, графико-орфографических принципов монгольских письменных систем. В данном труде, основанном на экспериментальном изучении звукового состава калмыцкого языка, автор предлагает свое понимание некоторых дискуссионных проблем исторической фонологии монгольских языков. В частности, П.Ц. Биткеев, отвергая традиционно сложившиеся воззрения монголистов о происхождении долгих гласных от древнемонгольских долготных комплексов *Г + С + Г*, а также о возможной роли "второстепенного ударения", предлагает свою точку зрения. По мнению исследователя, проблема образования долгих гласных неразрывно связана с редукцией кратких гласных непервых слогов, т.е. с "неясными гласными", которые являются самостоятельными фонемами в калмыцком языке (судя по ранее опубликованным трудам П.Ц. Биткеева). Автор предполагает, что "причиной образования долгих гласных фонем и неясных гласных в монгольских языках является редукция протяженности слов, обусловившая в свою очередь и редукцию слогов, морфем и фонем" (с. 170–171). Автор также отвергает традиционное суждение монголоведов о переломе гласного **i* и его роли в исторической фонетике и фонологии монгольских языков.

В настоящей работе представлена историко-сопоставительная фонетика монгольских языков. В ней прослеживаются фонетические реф-

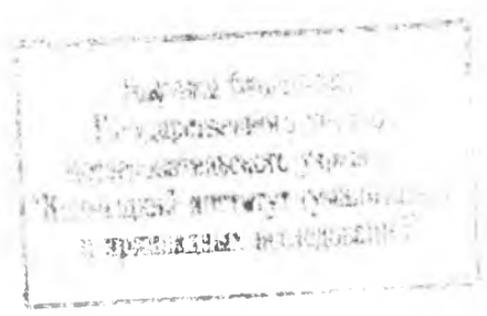
лексы древних гласных и согласных в письменных и бесписьменных монгольских языках, определяются сходства и различия между ними в реализации древних звуков.

Включение материала островных бесписьменных монгольских языков (монгорского, могольского, дагурского, дунсянского, баоаньского, частично шира-югурского) представляется очень существенным для сравнительно-исторической монголистики, ибо они весьма четко демонстрируют сохранение отдельных фонетических черт среднемонгольского периода. Кроме того, в этих языках наблюдается утеря ими исконно монгольских свойств под влиянием китайского, тибетского и иранских языков. Возросший интерес к проблеме языковых взаимодействий в российском и зарубежном языкознании, а также специфика развития самих островных бесписьменных монгольских языков послужили одной из основных причин, побудивших автора данной работы обратить внимание именно на эту группу монгольских языков.

В исследовании сохранены транскрипции, содержащиеся в использованных работах.

Для старописьменного монгольского языка применена общепринятая транслитерация на латинской основе.

- 50342 -

Глава первая

ВОКАЛИЗМ

СОСТАВ ГЛАСНЫХ

Звуковой состав монгольского письменного языка, засвидетельствованный в древнейших памятниках и в монгольском письменном языке классического периода, определен и описан в трудах классиков монголистики (см., например: [Ramstedt, 1902; Рамстедт, 1908; Владимирцов, 1929; Санжеев, 1953; Порре, 1955]).

Б.Я. Владимирцов указывает, что в древнейшую эпоху в монгольском письменном языке обнаружены два ряда гласных: 1) гласные задние ~ гуттуральные: **a*, **o*, **u*, **ĩ*; 2) гласные передние ~ палатальные: **e*, **ö*, **ü*, **i* [Владимирцов, 1929, 118]. Аналогичный состав гласных отмечен в работах других компаративистов [Санжеев, 1953; Порре, 1955]. В грамматике Г.И. Рамстедта выделены эти же два ряда гласных, но среди заднерядных не указан гласный **ĩ*. Исследователи монгольских языков единодушно фиксируют наличие конститутивно-дифференциального признака "заднерядные и переднерядные" гласные. Этот дифференциальный признак гласных фонем не утратил своей фонематической сущности для гласных большинства монгольских языков современного периода, но ряд языков не сохранил это свойство.

Б.Я. Владимирцов отмечал, что стройная система гласных древнего монгольского письменного языка с правильным делением на два ряда просуществовала сравнительно недолго. В монгольском письменном языке очень рано произошло сближение этих двух фонем, **ĩ* перестал отличаться от **i*. На месте двух гласных **ĩ* и **i* оказался только один *i*. Фонема /*i*/ оказалась нейтральной по отношению к ряду и могла встречаться в словах с переднерядным и заднерядным вокализмом. По предположению Б.Я. Владимирцова, монголы уже в первой половине XIII в. перестали различать *ĩ* и *i*. В квадратном письме Пагба ламы (XIII–XIV вв.) встречается только *i*, хотя имеются спорадически встречающиеся указания на существование *ĩ* заднего и *i* более переднего ряда вплоть до конца XVI в. [Владимирцов, 1929, 119–121].

Таким образом, в древнем монгольском языке было восемь гласных фонем, как и в древнем тюркском языке, но в отличие от тюркского они, по-видимому, были лишены признака долготы, которым обладал

древнетюркский язык [Серебренников, Гаджиева, 1979, 9]. При дальнейшем развитии было утрачено заднерядное *i как самостоятельная фонема и в старописьменном монгольском языке осталось семь гласных: *a, *o, *u, *e, *ö, *ü, *i. Относительно данного состава гласных в старописьменном монгольском языке разногласий у монголистов нет.

В связи с тем, что орфография старописьменного монгольского языка XIII в. отражала состояние, близкое к праязыковому, более древнее по сравнению с фонетической нормой монгольских "наречий" того же XIII в. [Владимирцов, 1929; Санжеев, 1981, 247], словоформы старописьменного монгольского языка рассматривались монголистами как наиболее архаичные в противоположность среднемонгольским (XIV–XVI вв.) и новомонгольским (XVI–XX) языкам.

В данной работе употребляются термины "древнемонгольский", "среднемонгольский" и "новомонгольский" языки в соответствии с периодизацией Б.Я. Владимирцова.

Материалы старописьменного монгольского языка (СПМЯ) показывают, что вокализм древнемонгольского языка характеризовался наличием трех дифференциальных признаков гласных фонем: 1) оппозиция двух артикуляционных рядов (задние и передние гласные); 2) оппозиция по степени подъема (узкие, широкие); 3) оппозиция огубленных и неогубленных гласных. Относительно противопоставления гласных по краткости и долготе будет сказано особо в разделе "Долгие гласные".

Таким образом, мы исходим из положения о наличии семи гласных (см. выше), которые дали разные рефлексy в живых современных монгольских языках.

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ

Все гласные старописьменного монгольского языка употребляются в первых слогах слова в большинстве монгольских языков. Некоторые из них подверглись разным формам ассимиляции в разных языках. Они и будут рассмотрены в дальнейшем.

*a

a – заднерядный широкий нелабиализованный гласный СПМЯ сохранился в большинстве монгольских языков в первом слоге, например: СПМЯ *aman 'рот' > х.-монг. ама ~ ам(ан), бур. аман, калм. амн, монгор. ама, баоан. аман, дун. аман; СПМЯ bars 'тигр; барс' > > х.-монг. барас ~ барс ~ бар, бур. бар, калм. барс, монгор. бас, баоан. бас, дун. басы; СПМЯ *ab- 'брат; взять' > КВП ab-, монг. ab-, бур. аба-, монгор. ав̄-, баоан. аб-, дун. аri-, мог. аfuna.

Общемонгольский *a первого слога, сохранившись в некоторых словах большинства монгольских языков, подвергся изменению в определенных фонетических условиях. Характер изменения *a четко разделяет литературно-письменные и бесписьменные монгольские языки.

В первых из них, т.е. в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках, наблюдается разная степень опереднения исторического **a* первого слога.

Переход заднерядного **a* в среднерядный *á* замечен в говорах, диалектах халха-монгольского языка [Владимирцов, 1929, 144; Лувсанвандан, 1967₂, 64–65; Мөөмөө, 1979, 188]. В позиции перед гласным **i* и в окружении палатализованных согласных реализуется более передний *a*, т.е. *ä*. Аналогичное явление отмечено и в языке дархат [Санжеев, 1931, 7]. В бурятском языке в разговорной речи отмечены два основных оттенка гласного /*a*/: 1) переднерядный *ä*, реализующийся в соседстве с переднеязычными, среднеязычными и палатализованными согласными; 2) заднерядный *a*, который употребляется в позиции с увулярными и фарингальными согласными [Бураев, 1959, 129]. При этом исследователями замечена тенденция к переходу оттенка *á* в более переднерядный мягкий звук *ä* (широкий неогубленный гласный переднего ряда пятой ступени подъема) в западных говорах бурятского языка [Рассадин, 1982, 7]. В халха-монгольском и бурятском языках этот *á* является оттенком фонемы /*a*/.

Более последовательный характер опереднения исторического **a* наблюдается в ойратских диалектах халха-монгольского языка и в современном калмыцком языке.

Общемонгольский гласный *a* перед **i* развился в калмыцком языке в переднерядный *ä*, образовав самостоятельную фонему /*ä*/, графически обозначаемую знаками э, э: (краткая и долгая фонемы), например:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	
amin	ами ~ амь	амиң ~ амиң ~	āмин ~ āми ~	'жизнь'
paḡin	нари ~ нарийн	амиң	эмн	'тонкий'
		нарин ~ нариң	нāрн ~ нāрн	

В говорах и диалектах монгольского языка Внутренней Монголии также замечено аналогичное явление, например: СПМЯ *alčiyur* 'платок' > *älčūr* ~ *elčūr* [Руднев, 1911, 188]: СПМЯ *tani* 'узнать', *salkin* 'ветер' реализуются в этом языке как: *tānā*-, *sālхэн* [Тодаева, 1960, 23]: СПМЯ *agi* 'полюнь', *ajan* 'путешествие', *ali* 'который' > *āgi* ~ *āg* ~ *āji*, *äl* [Kara, 1963, 1–2].

Переход **a* > *á* ~ *ä* в первом слоге не свойствен бесписьменным монгольским языкам китайского ареала. Правда, дагурский язык занимает особое положение среди них. По материалам А.Ф. Ивановского, нет опереднения общемонгольского **a* в дагурском языке [Ивановский, 1894], а в материалах Ф.В. Муромского (см.: [Kałużyński, 1969; 1970]) и Н.Н. Поппе отмечается наличие гласного *ä*. Однако Муромский различает *a*, *á*, *ä*, а в исследованиях Поппе указывается наличие только *a* и *á*. При этом одно и то же слово имеет разный звуковой облик у разных авторов, например: СПМЯ **adali* 'подобный, схожий' > даг. *adali* [Ивановский, 1894, 16], *ädil* ~ *ädili* [Kałużyński, 1969, 111], *adli* [Поппе,

1930₂, 67]. Слово 'кто' Муромским зафиксировано в виде *āni* ~ *āni*. Это же слово у Поппе дано в виде *аниң* [там же, 68]. Подобное расхождение в звуковом облике одного и того же слова может объясняться тем, что авторы указанных работ изучали язык носителей разных говоров дагурского языка и в разные периоды времени. А.Ф. Ивановский собирал материал в конце XIX в., Ф.В. Муромский – в 1907–1908 гг., а Н.Н. Поппе летом 1927 г. записал в Урге (современный Улан-Батор) дахурскую речь хайларских дагуров, проживавших в Монголии.

В материалах Б.Х. Тодаевой по дагурскому языку выделены три говора: бутхаский, цицикарский и хайларский. В бутхаском говоре отмечен только заднерядный *a*, а в цицикарском – переднерядный *ā* в словах: *bāri* 'держать', *āriḡ* 'вино', *gādḡir* 'земля' [Тодаева, 1973, 54]. Комплекс данных разных авторов, изучавших дагурский язык, показывает, что древнемонгольский **a* наряду с сохранением своей функции в первом слоге в определенных комбинаторных условиях развился в *ā*, *ā* в хайларском и цицикарском говорах дагурского языка.

В монгорском, дунсянском и баоаньском языках сохраняется исконное **a* в ряде общемонгольских слов, как и в группе литературно-письменных монгольских языков.

В отличие от литературных монгольских языков в указанных бесписьменных островных монгольских языках наблюдается выпадение исторического **a* в первом слоге общемонгольских слов, например: СПМЯ *ауага* 'чашка' > х.-монг. *аяга*, бур. *аяга*, калм. *aah*, орд. *ajaga*, монгор. *jara*, дун. *jiḡa*, баоан. *ajiḡə* ~ *jiḡa*. Процесс выпадения гласного первого слога представляет собой закономерное явление в монгорском и баоаньском языках. Б.Х. Тодаева отмечает ослабление и выпадение гласных первого слога в монгорском, баоаньском и шира-югурском языках. Это явление обусловлено тем, что в этих языках ударение падает на последний слог и потому происходит ослабление гласных первого, неударенного слога. Выпадение наблюдается после начальных шумных – щелевых переднеязычных *s*, *ш* и аффрикаты *ч* [Тодаева, 1973, 17–21]. Материалы Б.Х. Тодаевой показывают выпадение анлаутного *a* в отдельных словах монгорского языка, например:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	монгор.	дун.	баоан.	
anḡisun	ан- жис(ан)	анзаһан	андсх	нджасе	анджа- сун	анд- жасоң	'плуг'
aral	арал	арал	арл	рал 'река'	–	–	'ост- ров'
saqal	сахал	һахал ~ һахуул	сахл	сғал	саған	–	'боро- да'

В баоаньском языке наблюдается выпадение общемонгольского **a*, например: СПМЯ *araki* 'вино', х.-монг. *āriḡ*, бур. *архи*, калм. *эрк*, баоан. *раче*. В дунсянском и монгорском языках не зафиксировано слово *araki*, но в дунсянском употребляется слово *дарасун* (СПМЯ *darasun*) в значении 'вино, водка', а в монгорском языке бытует слово *деpāce* в этом же значении. Слово *дарасун*, так же как и *арахи*, означает молоч-

ную водку, но в литературных монгольских языках сохранилось слово *арахи* ~ *арих* ~ *эрк*. Звуковой вариант слова *дарасун* в виде *тарасун* употребляется в русской речи сибиряков, и оно зафиксировано в "Толковом словаре живого великорусского языка" В. Даля со значением "перегнанная вторичная молочная водка" [Даль, 1882, 391]. Кроме того, слово *дарасун* сохранилось в сибирской топонимии, в обозначении местности *Дарасун*.

Исторический **a* в дунсянском языке дал рефлекс *ы*. Примеры: СПМЯ *takiya* 'курица' > КВП *takiya*, х.-монг. *тах'а*, бур. *тахля*, калм. *така*, монгор. *тағу*, баоан. *тэха*, дун. *тыка*; СПМЯ *gasiγun* 'горький' > х.-монг. *гашу* ~ *гашуу(н)*, бур. *гашуун*, калм. *hashун*, монгор. *гашен*, мог. *qasūn*, дун. *кышун*.

Замена **a* гласным *ы* в дунсянском языке встречается в ряде слов: СПМЯ *χataγu* 'твердый; крепкий' > х.-монг. *хатуу*, бур. *хатуу*, калм. *хату*, дун. *кытун* ~ *кытунни*. При этом заменяется не только *a* первого слога на *ы*, наблюдается замена гласным *ы* и других гласных, о которых будет сказано в соответствующих случаях. Чаще происходит субституция *a* гласным *ы* после согласных *ч*, *ш*, например: *чыган* 'белый', *шынага* 'половник', *шыда* 'у; около; при', *шыра* 'желтый' и т.д.

В приведенных примерах с гласным *ы* в первом слоге дунсянских слов отражены два разных явления процесса субституции. В словах типа *takiya* > *тыка*, *gasiγun* > *кышун*, по-видимому, произошла трансформация **a* под влиянием последующего **i*, который, подвергшись регрессивной ассимиляции перед последующим слогом с заднерядными гласными *a*, *у*, дал заднерядный *ы*. В словах типа *sira* > *шыра* 'желтый', *δina-* > *чына-* 'жарить' имеет место сохранение исторического **i* после шипящих согласных [Тодаева, 1961, 9]. Переход **i* в *ы* обусловлен регрессивной ассимиляцией и отсутствием дифференциального признака "твердость/мягкость" в системе консонантов дунсянского языка.

**o*

Гласный /*o*/ заднего ряда, лабиализованная краткая фонема, встречается во всех монгольских языках и диалектах. Б.Я. Владимирцов отмечает, что такое же *o* заднего ряда, по-видимому, имелось и в монгольском письменном языке [Владимирцов, 1929, 157], т.е. в том монгольском "наречии", на основе которого возник письменный язык. Этот исторический гласный **o* первого слога сохранился в большинстве монгольских языков и говоров. Б.Я. Владимирцов писал, что фонема /*o*/ в ударенных слогах является в монгольском письменном сильной фонемой и халхаское наречие, в общем, сохраняет ее в соответствующих сочетаниях; монг. письм. /*o*/ > // халх. /*o*/ ударенных слогов являются фонемами, сохранившимися от общемонгольской эпохи. Примеры: монг. письм. *ordo* > // халх. *ордд*, 'дворец', 'палата', 'ставка', 'стан', ойрат. письм. *ordo*, Баит., Дэрб.-Кобд. *ордд* 'то же' // тюрк.: орх. *ordu* 'стан', 'ставка' [Владимирцов, 1929, 158]. Рефлексы истори-

ческого **o*, как и **a*, проявляются по-разному в монгольских языках. Несомненно общим является сохранение **o* в некоторых словах типа: СПМЯ *ol-* 'найти', х.-монг. *ол-*, бур. *оло-*, калм. *ол-*, КВП *ol-*, Мук. *ol-*, монгор. *oli-*, дун. *олу-*, даг. *ол-*.

Граница различия проходит между литературно-письменными и бесписьменными островными монгольскими языками. Для литературных монгольских языков свойственно опереднение исторического **o* в позиции перед *i* [Рамстедт, 1908, 37–38; Владимирцов, 1929, 157–159; Санжеев, 1953, 173; Порре, 1955, 28–30; Рассадин, 1982, 9–13], т.е. образование среднерядного *ö* и переднерядного *õ*. В современном калмыцком языке [Павлов, 1963; Биткеев, 1975], ойратских говорах, диалектах халха-монгольского языка [Лувсанвандан, 1967₂, 66], а также в баргузинском [Раднаев, 1865, 84], нижеудинском говоре [Дарбеева, 1978, 64] бурятского языка, у дархатов [Санжеев, 1931, 8–9, 55, 57], в диалектах монгольского языка Внутренней Монголии [Руднев, 1913–1914, 147; Тодаева, 1960, 23; Кара 1970, 242] отмечен процесс опереднения исторического **o*. Наиболее последовательно это явление прослеживается в калмыцком языке, в котором **o* первого слога в позиции перед палатализованными согласными или перед *i* развился в переднерядный *õ*, например: СПМЯ *morin* 'лошадь', калм. *мөрн* (*mörn* Д=Ö, *mör'n* Д, *morᠢ* Т [Ramstedt, 1935, 266]). В современном литературном монгольском языке – *морь* (*морин*). [Лувсандэндэв, 1957, 242], но в отдельных его говорах, диалектах, преимущественно в ойратских, в дархатском, встречаются *õ*, *ö*; например, у дэрбэтов зафиксировано: *mörin* [Вандуй, 1965], у дархатов употребляется среднерядный *ö*: *mör'ič* [Санжеев, 1931].

В монгольском языке Внутренней Монголии в разных его диалектах функционируют два варианта общемонгольского слова *морин*, а именно *морь* (*морин*) и *мөр* [Тодаева, 1981, 168]. Для литературного бурятского языка характерно употребление слова *морин*. Однако в отдельных его говорах встречается переднерядный *õ*, например в баргузинском – *мөрин* [Раднаев, 1965], в нижеудинском *м'örič* [Дарбеева, 1978]. Таким образом заднерядный **o* наряду с сохранением прежнего качества в первом слоге развился в среднерядный *ö* и переднерядный *õ* в отдельных говорах и диалектах халха-монгольского, бурятского языков, а также в калмыцком языке, включая его литературную форму.

В группе островных бесписьменных монгольских языков наблюдаются несколько иные рефлексy **o*, а именно: 1) удлинение краткого *o* в первом слоге и 2) замена *o* гласным *u*. Удлинение встречается в монгорском, могольском и дагурском языках, например: СПМЯ *modun* 'дерево', монгор. *mōdi* [Тодаева, 1973, 345], *mōdi* [Smedt, Mostaert, 1933], могол. *mōdun* [Iwamura, 1961, 116], даг. *mōd* ~ *mōdo* [Поппе, 1939₂, 86], *mōd* [Тодаева, 1960, 55], но в материалах Ивановского зафиксировано *mōdo*, т.е. ударный *o* [Ивановский, 1894, 43], в материалах Ф.М. Муромского –

mōd ~ *mōdo* [Kałużyński, 1970, 121]. Появление долгих *ō*, *ā*, *ē* вместо кратких *o*, *a*, *e* в других монгольских языках отмечено исследователями, но не всегда указывается причина происхождения этих долгот (см.: [Mostaert, Smedt, 1930, 153–154; Поппе, 1930₂, 125]). Б.Х. Тодаева объясняет это явление особенностью самих языков [Тодаева, 1973, 21].

Акад. Л. Лигети, отмечая наличие долгого лабиализованного *a* в диалекте марда могольского языка, которому соответствует долгое *o* в дагурском и монгорском языках, объясняет это явление тем, что в общемонгольскую эпоху моголы имели долгое *ō* [Ligeti, 1964₂, 43–45]. В качестве примера приводится, в частности, слово *mōdun* 'дерево', которое имеет долгое *ō* в первом слоге в памятнике Zīṅṅi и в монгорском и дагурском языках.

Однако как в могольском (см. [ZM, 1961]), Лич в обработке Л. Лигети [Ligeti, 1954, 119–158; Ramstedt, 1906]), так и в дагурском ([Ивановский, 1894], а также у Ф.М. Муромского в обработке Ст. Калужинского [Kałużyński, 1969; Поппе, 1930₂]) употребляются фонетические варианты этого слова с долгим *ō*, кратким *o* в первом слоге. В глоссариях Ибн-Муханны, Мукаддимат ал-Адаб, в языке "Сокровенного сказания" это слово имеет звуковой облик *modun* [Ligeti, 1964₂, 45].

В монгорском, баоаньском и дунсянском языках встречается замена общемонгольского **o* в первом слоге гласным *u*. Примеры: СПМЯ *modun* 'дерево' > *муту* в диалекте минхэ монгорского языка [Тодаева, 1973, 345] > *мутун* в дунсянском [Тодаева, 1961, 129] > *мудоң* в баоаньском [Тодаева, 1964, 143]; СПМЯ *sonus-* 'слышать, слушать' > *sunose-* в монгорском [Smedt, Mostaert, 1933, 362], *суносе-* [Тодаева, 1973, 361].

Аналогичное явление замены гласного *o* гласным *u* отмечено Э.Р. Тенишевым в языке желтых уйгуров. Автор указывает на колебания в произношении открытых гласных лабиализованного и нелабиализованного рядов, т.е. им замечено стремление сарыг-югуров произносить открытые гласные, как закрытые (*e* > *i*, *o* > *u*, *ō* > *ū*) [Тенишев, Тодаева, 1966, 11]. Возможно, это явление обусловлено контактами с иноструктурными языками. В монгорском языке наблюдается замена **o* гласным *e*, в баоаньском – замена **o* гласным *a*, в дунсянском – гласным *ы* в одном и том же слове, например: СПМЯ *toḅči* 'пуговица', монгор. *дебчи* [Тодаева, 1973, 328], *табчэ* [Тодаева, 1964, 147], дун. *тыджы* [Тодаева, 1961, 136].

Таким образом, историческое **o* первого слога в бесписьменных островных монгольских языках подверглось удлинению, замене гласными *a*, *u*, *ы*, *e*.

**u*

Заднерядный **u*, представляющий собой общемонгольскую гласную фонему, сохранился во всех монгольских языках в первом слоге слова: СПМЯ *uri-* 'приглашать', 'звать' > х.-монг. *урих-*, бур. *уриха-*, калм. *урх-*, *уриба* [ИМ, 366], монгор. *ури-*, баоан. *урэ-*, дун. *уру-*; СПМЯ

ишауан > даг. *уiā* 'дым' [Поппе, 1930₂, 94]. Более или менее регулярное сохранение исторического *и /у/ в первом слове наблюдается в литературно-письменных монгольских языках. В бесписьменных островных монгольских языках заметна тенденция к выпадению этого гласного в анлауте, например: СПМЯ *ишауа* 'жеребенок' > х.-монг. *унага(н)*, бур. *унаган*, калм. *унһн*, монгор. *нага*. Выпадение у более характерно для монгорского и баоаньского языков, например: СПМЯ **иқиуа* > *игиуа* 'мыть' [Владимирцов, 1929, 198] > х.-монг. *угаа-*, бур. *угаа-*, калм. *уһах-*, монгор. *һбуа-*; СПМЯ *унтара-* 'спать', 'затухнуть' > монгор. *нтерә-*; СПМЯ *ундан* 'напиток' > монгор. *ндасбу*.

В баоаньском языке выпадение анлаутного гласного, в том числе гласного у, – обычное явление: СПМЯ *исун* 'вода' > х.-монг. *усан*, бур. *уһан*, калм. *усн*, баоан. *сэ*; СПМЯ *ила* ' подошва' > баоан. *ла*; СПМЯ *итасун* 'нить' > х.-монг. *утас*, бур. *утаһан*, калм. *утсн*, баоан. *ндасоң*; СПМЯ *исула-* 'поить водой' > х.-монг. *услах*, бур. *уһалха*, калм. *услх*, баоан. *сэла-*. Выпадение исторического *и в общемонгольских словах в анлаутной позиции, отмеченное в монгорском и баоаньском языках, обусловлено спецификой звукового строя этих языков, в которых ударение падает на последний слог слова и потому происходит ослабление гласных (не только гласного у) первого слога, сопровождающееся их выпадением. Это явление отмечено исследователями данных языков [Mostaert, Smedi, 1930; Тодаева, 1973; 1964]. Следовательно, тенденция к выпадению начальных гласных связана с переменной ударения в указанных языках, отличных от других монгольских языков. Б.Х. Тодаева указывает, что утрата гласных в начальной позиции далеко не универсальна (т.е. выпадение гласных связано не только с переменной ударения), ибо выпадение гласных объясняется также и определенными фонетическими условиями, а именно: выпадает гласный в позиции перед сонорными *л, м, н, ң, р*, перед шумными смычными *д, г* и щелевыми *с, ж*. Выпадают начальные *а, о, у, и*, а также в первом слове после согласных *с, ш, ч* [Тодаева, 1973, 17–19]. Это выпадение трансформирует звуковую структуру общемонгольских слов, которые приобретают звуковой облик слов языка окружения.

Аналогичное явление изменения звукового облика общемонгольских слов замечено в дунсянском языке в связи с заменой гласного *и в анлауте слова, например: **иуиуа* > *игиуа* > *угā* 'мыть' в дунсянском – *вага-*; **ицiра* 'встречать' > х.-монг. *учрах*, бур. *ушарха*, калм. *учрх*, дун. *вочыра-*. Гласный *и в приведенных общемонгольских словах заменился в дунсянском языке слогами *ва-*, *во-*. Из 25 слов с анлаутным *в*, приведенных в словарной части работы Б.Х. Тодаевой, в пяти общемонгольских словах трансформированы начальные звуки: общемонгольское *и* (*у*) заменили слоги *во-*, *ва-*, а *б* > *в*. Остальные 20 слов, начинающиеся с согласного *в*, представляют собой китаизмы в дунсянском языке [Тодаева, 1961, 113–114].

В дунсянском языке историческое *и в общемонгольских словах заменяется также и гласными *ы, о*, например: СПМЯ **судасун*

‘кровеносный сосуд’ > х.-монг. *судас*, бур. *худаһан*, калм. *судсн*, дун. *сыдасун*; СПМЯ **quyi* ~ *quyu*- ‘просить’ > х.-монг. *гуй*- [Владимирцов, 1929, 272], дун. *џоји*- в том же значении.

В баоанском языке тоже наблюдается замена **и* в первом слоге общемонгольских слов гласными *а*, *о*, например: СПМЯ *bulay* ‘источник’ > баоан. *балэг*; СПМЯ *gurhan* ‘три’ > х.-монг. *гурһан* ~ *гурав*, бур. *гурбан*, калм. *хурвн*, баоан. *џораң*, дун. *џуран*, монгол. *џурән*.

В дагурском языке отмечено, что старые **о* и **и* в большинстве случаев совпали и отражаются как *оа* (в начале слова *woa*) или *о*; изредка письменному *и* соответствует у [Поппе, 1930₂, 110], например: СПМЯ *dunda* ‘посреди’ > даг. *доанд*; СПМЯ *durala*- ‘иметь желание’ > > даг. *доарал*-; СПМЯ *sula* ‘свободный’ > даг. *соал* и т.д. В начале слова: СПМЯ *unta* ‘спать’ > даг. *воан’т’ā*; СПМЯ *ula* ‘подошва’ > даг. *woala* и т.д. [Поппе, 1930₂, 111]. В дагурском, как и в дунсянском, наблюдается рефлекс старого **и* в некоторых словах, например: СПМЯ *biča* ‘возвращаться’ > даг. *бачи*; СПМЯ *bulayan* ‘соболь’ > даг. *балтā*. Известно, что дагурский язык находился в постоянном контакте с тунгусо-маньчжурскими языками. Сопоставление дагурских форм на *woa*- и *wa*- (восходящих к **о*, **и*) с соответствующими маньчжурскими обнаружило в маньчжурском сходное начало в виде *va*-. Возможно, рефлекс старого **и* в дагурском обусловлен влиянием контактирующего маньчжурского языка. В других монгольских языках не наблюдается аналогичного рефлекса старого **и*.

**е*

Общемонгольский мягкорядный **е* имеет разные рефлексы во всех современных монгольских языках и диалектах. Б.Я. Владимирцов полагал, что монгольскому письменному *е* соответствуют в халха-монгольском языке гласные *е*, *é*, *ó* [Владимирцов, 1929, 148]. Вместе с тем он отмечал, что монгольский письменный знает чередование *е* с *і*: *el* ~ *il* ‘народ’, ‘государство’, *eldeb* ~ *ildeb* ‘разный’, ‘всякий’, *belči*- ~ *bilči*- ‘выходить’, ‘разливаться’, ‘пасться’. Это чередование исследователь объясняет отражением прамонголо-тюркского состояния; общий монголо-тюркский язык знал особую фонему **е*, которая отражается в древнетюркском (в языке орхоно-енисейских надписей) как *é*, как *ja* < **ie* в чувашском, как *é* ~ *і* в других тюркских наречиях и как чередование *е* ~ *і* в монгольском письменном; некоторые монгольские наречия сохранили это *é*, восходящее к общемонг.-тюрк. **е*, например язык монгольских текстов квадратного письма, торгутско-алтайское наречие. Возможно, что в некоторых случаях халхаское *é* тоже восходит к этой праязыковой форме **é*. В других случаях появление его в халхаском можно объяснить регрессивным влиянием следующего за ним *і*. Примеры даны в таблице отражения монг.-тюрк. **е* [там же, 149–150] (см. табл. 1).

Енисейск. ê	Чувашск. a < iе	Монг. квадрат. ê	Монг. письм. e ~ i	Торгут. алт. ê ~ i	Халх. e ~ ê ~ i
êl 'народ'	jal 'деревня'	el (-šin) 'посланец'	el ~ il 'народ'	êlčī ~ ilčī 'говец', 'посол'	elčī ~ êlčī 'говец', 'посол'
êki 'два'			ekeri ~ ikere ~ ikeri 'близнецы'	êkëri 'то же'	ixxëp 'то же'
		ê-ne 'этот'	epe 'то же'	êpë 'то же'	eñë ~ êñë 'то же'
		yê-ke 'большой', 'великий'	yeke 'то же'	ikī, jêkë 'то же'	ixxë ~ jixxë 'то же'

Б.Я. Владимирцов указывал, что при помощи *e* в монгольском письменном обозначался какой-то гласный, отсутствовавший в старом монгольском языке, средний между *e* и *ö*; по всей видимости, это было нелабиализованное *ö*, т.е. *ö*, произносимое с минимальным губным усилием, встречался этот звук в словах, в которых он предшествовал какой-либо губной фонеме, гласной или согласной. Это подтверждается, во-первых, тем, что в монгольском письменном *e* чередуется с *ö*, например: *dörben* ~ *derben* 'четыре', *edüi* ~ *ödüi* 'еще не', *nemeri* ~ *nömüri* 'прибавление', 'придача', *kedür* ~ *ködür* 'накидывать платье'. Такое же чередование *e* и *ö* Б.Я. Владимирцов обнаружил в некоторых современных монгольских наречиях и приводил примеры из ойратских диалектов, например: Баит., Дерб.-Кобд. *teÿk* ~ *möyk* | монг.-письм. *tebeg* 'косичка'; Баит. *öwгч* ~ *ewгч* | монг.-письм. *ebügen* 'старик'; Баит., Дерб.-Кобд. *öwrān* ~ *ewrān* | монг.-письм. *öber* - *iyen* 'сам' [Владимирцов, 1929, 151-152].

Б.Я. Владимирцов установил, что СПМЯ *e* в позиции перед губными фонемами соответствует тюркскому *ö* ~ *ö* и тунгусскому *ö* ~ *o*. Кроме того, в СПМЯ в аналогичных случаях часто встречается *ö*. Ойратский письменный и многие монгольские наречия представляют соответствия *ö* и *ö* ~ *y* < *ö*. "Таким образом, монг. письм. *e* = стар. монг. письм. *ö* = ойрат. письм. *ö* = ойрат. *ö* = мог. *y* = халх. *ö* ~ *o* = тюрк. *ö* ~ *o* = тунг. *ö* ~ *o*. Примеры: монг. письм. *edür* 'день', стар. монг. письм. *ödür*, ойрат. письм. *ödür*, мог. *ydür*, Баит. *ödr*, халх. *öddür*" [там же, 152-153]. Иначе говоря, Б.Я. Владимирцов доказал, что монг. письм. *e* восходит, с одной стороны, к **e* и **é*, а с другой - к **ö* общей монгольско-тюркской эпохи.

В работах последующих исследователей в целом подтверждаются выводы Б.Я. Владимирцова о существовании гласного *e* разного качества в современных монгольских языках и диалектах. В аларском говоре бурятского языка различаются четыре типа *e*: *e*, *ê*, *ë*, *ê* [Попле, 1930₁, 38]. Н.Н. Попле отметил, что *e* является кратким и более задним,

чем *e*, который не встречается при палатализованных согласных и при *j*. В такой позиции реализуется только *é*. Именно этот *e*, т.е. *e*, часто передавали буквой *ы*. Гласный *e* является общим для всех бурятских говоров, а также для дагурского языка, в котором произносится с легкой лабиализацией. Гласный *e* встречается еще в тунгусских говорах [там же, 38–39]. Аларский *e* восходит к **e*, в известных случаях к **i*, а также к **ī*. В аларском говоре еще отмечено наличие *é* (закрытый или узкий *e*, соответствующий халхаскому *é*), восходящего к **e* в позиции перед **i*, например: *éжён* 'хозяин' < **Ijin*. Этот гласный наблюдается только в ударном слоге и не бывает долгим. Н.Н. Поппе пишет, что знаком *ë* передается гласный, находящийся между *é* и *i*. Этот звук обозначается А.Д. Рудневым знаком *i̇*, но Н.Н. Поппе приводит аргументированные доводы в пользу обозначения этого звука знаком *ë* [там же, 39–40]. Г.Д. Санжеев считал, что *e* – нелабиализованная, полуузкая гласная фонема, которая имеется во всех монгольских языках и диалектах, но обладает разным качеством: 1) в дагурском языке и бурятских диалектах функционирует *e* среднего ряда, но близкий к узкому *i*; он обозначается в транскрипции знаком [é]; 2) в халхаском и ойратских диалектах – это гласный переднего ряда, комбинаторно становящийся (в халхаских говорах) узким. Г.Д. Санжеев, как и Б.Я. Владимирцов, полагал, что фонема /e/ подвержена различным комбинаторным изменениям; ее оттенки обозначаются как *e* (лабиализованный в дагурском языке), *e* (нелабиализованный в дагурском языке и бурятских диалектах, акустически близкий к русскому безударному *ы*), *э*, *e*, *é*, *ë* [Санжеев, 1953, 73].

В.И. Рассадин отмечает, что произношение мягкорядной фонемы /э/, бытующей во всех говорах бурятского языка, существенно отличается от произношения соответствующей фонемы халха-монгольского и калмыцкого языков: фонема /э/ (в транскрипции [ε]) в монгольском и калмыцком языках представляет собой открытый гласный переднего ряда 4-й степени подъема, напоминающий русское *э* в слове *это*. Бурятская же орфограмма *э* передает фонему, отличающуюся от монгольско-калмыцких тем, что произносится несколько закрыто и при оттянутом назад языке, т.е. это звук 4-й степени подъема, но не переднего, а смешанного ряда, обозначаемый в фонетической транскрипции знаком [з]. Этот бурятский звук акустически близок к русскому *ы*, поэтому при передаче бурятских слов средствами русской орфографии бурятский звук [з] (графическое *э*) почти всегда обозначают буквой *ы* – *Дылыг* вм. *Дэлэг*, *Гылык* вм. *Гэлэг* и т.д. [Рассадин, 1982, 14–15]. Эта специфика бурятского *э* была отмечена и другими исследователями [Орлов, 1878, 1–2; Руднев, 1913–1914, 11; Поппе, 1930₁, 38; Дарбеева, 1974, 92; 1978, 33]. Появление звука [э] особой артикуляции в бурятском и дагурском языках В.И. Рассадин объясняет влиянием тунгусо-маньчжурских языков, в которых наблюдается подобное произношение звука [э] – гласного тоже смешанного ряда [Цинциус, 1949, 39; Константинова, 1964, 14].

Исконное общемоңгольское **e* в первом слоге развилось в бурятском языке в гласную фонему /э/. В.И. Рассадин выявил три основных пути возникновения фонемы /э/ в первом слоге: 1. Бурятское /э/ представляет собой рефлекс исконного общемоңгольского **e*, например: бур. *энэ* ~ х.-монг. *энэ*, калм. *эн*, орд. *ене*, даг. *еп*, мог. *енá*, СПМЯ, ИМ, ЛР, Мук. *ене* 'этот', 'эта', 'это'. 2. Бурятская фонема /э/ более закрытого варианта появилась преимущественно в мягкорядных словах на месте общемоңгольского **i*. 3. В единичных случаях наблюдается сохранение в некоторых бурятских говорах исконного **e* в отличие от литературного бурятского языка и других говоров, в которых оно развилось в *й*, *ө*, например: лит. бур. *мүшэн*, СПМЯ *тесін* 'звезда, звезды', тунк. *мэшэн*, эх.-бул. *мэшэн*, тугн. *мэшэн* [Рассадин, 1982, 17–18].

Таким образом, историческое **e* сохранилось в первом слоге во всех литературных письменных монгольских языках и под влиянием палатализованных согласных и гласного *i* губных фонем развилось в *е*, *ё*.

Развитие **e* в бесписьменных языках имеет несколько иной характер. В монгорском языке наряду с сохранением исторического **e* в первом слоге ряда общемоңгольских слов наблюдается его выпадение в анлауте слова, иногда выпадение слога и замена **e* гласным *i* (*iy*).

I. Сохранение **e*. Примеры: СПМЯ *keriye* 'ворона' > монгор. *керё*; СПМЯ > *nere* 'имя' > монгор. *нере*.

II. Выпадение **e* в первом слоге: СПМЯ *edür* 'день' > монгор. *дур* в том же значении; СПМЯ *ende* 'здесь' > монгор. *нде* 'то же'; СПМЯ *ese* 'нет', 'не' > монгор. *се*; СПМЯ *ene* 'этот', 'это' > монгор. *не*; СПМЯ *engger* 'борта одежды' > монгор. *ңге*; СПМЯ *erdem* 'умение', 'ловкость' > монгор. *рдем*; СПМЯ *el jige* 'осел' > монгор. *джиге*.

III. Замена **e* гласным *i*: СПМЯ *emegel* 'седло' > монгор. *имиел*; СПМЯ *kebte* 'лежать' > монгор. *киде*; СПМЯ *kedüi* 'сколько' > монгор. *кидин*; СПМЯ *temegen* 'верблюды' > монгор. *тимиён*; СПМЯ *tende* 'там' > монгор. *тинде*; СПМЯ *kelen* 'язык' > монгор. *килие*.

Выпадение *e* в общемоңгольских словах монгорского языка объясняется тем, что в нем ударение падает на последний слог слова, и потому наблюдается ослабление и выпадение анлаутного гласного слова. Б.Х. Тодаева характеризует *e* как гласный среднего подъема неогубленного переднего ряда, встречающийся лишь в середине и конце слова [Тодаева, 1973, 13]. В результате выпадения *e* в анлауте слова нередко оказываются две согласные, что недопустимо в звуковой структуре слов в монгольских языках. Такое начало свойственно звуковой структуре слов языка окружения, и наличие в монгорском языке анлаутного скопления согласных обусловлено иноязычным влиянием.

Замена гласного *e* в первом слоге гласным *i* наблюдается в словах с мягкорядным вокализмом.

В дунсянском языке гласный **e* первого слога сохраняется в ряде общемоңгольских слов. При этом может изменяться звуковая струк-

тура слова в различных его частях. Примеры:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	дун.	
bergen	бэргэн	бэригэн	бергн	бэгэн	'жена старшего брата'
medekü- mergen	мэд- мэргэн	мэдэхэ мэргэн	медх мергн	мэджіэ- мэргэн	'знать', 'меткий', 'мудрый'
eber	эвэр	үбэр	өвр	эвэ	'рог'
ende	энд	эндэ	энд	эндэ	'здесь'

При *e* в первом слоге общемонгольских слов обычно сохраняется их вокалическая структура, но изменению подвергаются согласные, которые приспособляются к фонетической системе языка окружения, о чем будет сказано особо.

В дунсянском языке наблюдается замена **e* в первом слоге на гласный *i* в общемонгольских словах с мягкорядным вокализмом в позиции после согласных, преимущественно после заднеязычных *г*, *к*, губного *б* и переднеязычного *н*:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	дун.	
ger	гэр	гэр	гер	гіэ	'дом'
negen	нэг	нэгэн	негн	ніэ	'один'
kedüi	хэд(эн)	хэды	кедү	гіэдун	'сколько'
gerel	гэрэл	гэрэл	гэрл	гіэрэн	'свет', 'луч'
ken	хэн	хэн	кен	кіэн	'кто'
gem	гэм	гэм	гем	гіэн	'болезнь'

Изредка *e* > *ы*, например: СПМЯ *gejige* ~ *gejiye* 'коса', 'затылок' > > х.-монг. *gedзэҗэ* ~ *gedзэҗ*, бур. *гэзэҗэ*, калм. *гиҗг*, дун. *ғыджыгі*. Замена *e* разными гласными обусловлена качеством самого гласного *e*, который изменяет свое звучание в зависимости от окружающих гласных и согласных звуков. В слове *gejige* реализуется более задний и закрытый *e*, акустически созвучный с *ы*, поэтому *e* заменился гласным *ы* в дунсянском языке, в котором имеется фонема /ы/.

Специфичным для дунсянского языка, характеризующим близость или сходство с языками среднемонгольского периода (XIII–XIV вв.), является употребление спиранта *h* в начале слов перед гласным *e*, например:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	дун.	
eliye	элээ	элеэ	элээ	һэліэ	'коршун'
ende	энд	эндэ	энд	һэндэ	'здесь'
eḡekü	эцэх	эсэхэ	—	һэчэ-	'уоставать'

В баоаньском языке краткий гласный *э* характеризуется как фонема среднего подъема, неогубленная, переднерядная [Тодаева, 1964, 5]. Гласный *э* редко употребляется в анлауте слова, но часто встречается в первом слоге после согласных.

Старое **e* сохранилось преимущественно в анлауте и в первом слоге общемонгольских слов баоаньского языка, например:

СПИМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	баоан.	
epe	эн	энэ	эн	энэ	'этот'
erte	эрт	эртэ	эрт	этэ	'рано'
bergen	бэргэн	бэригэн	берги	вэрэ	'невеста'
tere	тэр	тэрэ	тер	тэ(р)	'тот'

В словарной части работы Б.Х. Тодаевой приведено всего девять слов с анлаутным э, при этом все они являются общемонгольскими. Старописьменное монгольское *ebüdeg* 'колено' существует в баоанском в двух звуковых вариантах: *эбдэг* 'колено' [там же, 152] и *вэдыг* в том же значении [Потанин, 1893, т. 2, 414], т.е. в вариантах, зафиксированных разными авторами в разные периоды времени. В баоанском языке тоже заметна тенденция к трансформированию общемонгольских слов в соответствии со звуковой структурой слов контактирующего с ним языка.

*i

Фонема /i/, характеризуемая как нелабиализованный закрытый или узкий гласный переднего ряда, имеется во всех монгольских языках и диалектах. Специфика гласного *i* заключается в его полифункциональности, т.е. он употребляется в словах как с мягкорядным, так и с твердорядным вокализмом, поэтому он определяется как нейтральный в отношении сингармонии гласных. Эта специфика представляет собой современное состояние в развитии исторического **i*, прошедшего различные этапы в различных монгольских языках и сыгравшего существенную роль в становлении вокализма и консонантизма в современных монгольских языках.

Знаменательным для *i* является то, что "нейтральность" этого гласного представляла не исконное состояние его качества, а приобретенное явление в процессе длительного развития. В монгольском "наречии", на основе которого была создана монгольская письменность на вертикальной графике, была стройная система оппозиции передне- и заднерядных гласных, включая заднерядный **i* и переднерядный **i*, которые в процессе развития слились в один нейтральный гласный *i* [Владимирцов, 1929, 119–121, 170–176]. Б.Я. Владимирцов полагал, что монгольский письменный язык знал *ĩ*, т.е. более заднее *i*, близкое к тюркскому [ы]. Существование двух узких нелабиализованных гласных – заднерядного **i* и переднерядного **i*, слившихся в один гласный *i*, отмечено также и в последующих исследованиях монголистов [Санжеев, 1953, 118; 1964, 31–33; Порре, 1955, 33], которые полагают, что историческое **i* есть результат конвергенции **ĩ* и **i*.

Относительно **i* в монгольских языках в монголоведении имеется обширная литература, в которой говорится о "переломах" (Brechungen) гласного *i* [Рамстедт, 1908, 51; Владимирцов, 1929, 176–191; Поппе, 1930₁, 48–54; Санжеев, 1953, 104–114; Порре, 1955, 36–44; Рассадин,

1982, 23–26]. Еще Г.И. Рамstedт указывал на то, что гласный *i* письменного языка часто под влиянием соседних звуков и вследствие стяжения слогов изменился в другие гласные. В первом слоге он сохраняется только там, где за ним следует *i* или *e* [Рамstedт, 1908, 42]. Материал современных монгольских языков и их диалектов свидетельствует о возможности изменения исторического **i* также и в позиции перед гласными *i*, *e*. Практически же **i* первого слога может заменяться любым гласным последующих слогов (либо второго, либо третьего), например:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	
sibüge	шówүг ~ шөwөг	шүбэгэ	шөwг.	‘шило’
kituуа	хутүбá ~ хутга(н)	хутага	утх	‘нож’
nigen	неге ~ нэг(эн)	нэгэн	нег	‘один’
čigya	чарга	шарга	цан	‘сани’

Б.Я. Владимирцов указал, что в монгольском письменном языке *i* на месте *o*, *u*, *ö*, *ü* наблюдается либо в начале слов, либо после *ǰ*, *č*, *š*, *y* ~ *n*. В монгольском языке, во всех монгольских наречиях выявляется аккомодирующая тенденция *ц*, *з*, *ч*, *ш*, *ж* и реже *н*, стремящаяся превратить в *i* всякий другой последующий гласный, например: халх. *čimar* ~ *šimar* < **šatar* ‘шахматы’ [Владимирцов, 1929, 185]. Кроме того, Б.Я. Владимирцову удалось установить, что “графема монг. письм. *i* обозначала разные звуки первых слогов: *i*, *i*, *e*, *o*, *ö*, *u*, *ü*. В халхаском же монг. письм. *i* соответствуют в первых слогах: ряд гуттуральный: *i*, *i*, *a*, *i*у, *y*, *o*, *ǰa*, *ǰa*; ряд палатальный: *i*, *i*, *e*, *i*ү, *ü*, *ö*, *e* [там же, 189]. Б.Я. Владимирцов выявил два перелома гласного **i* в монгольских языках [там же, 176–190].

Г.Д. Санжеев, выявивший еще третий этап перелома гласного **i*, отмечает, что процесс перелома гласного **i* протекал далеко не равномерно даже в рамках одного и того же диалекта, т.е. каждый язык имеет здесь свою специфику. Сам процесс в хронологическом и качественном планах проходил по-разному в разных монгольских языках и диалектах одного и того же языка [Санжеев, 1953, 106]. Тем не менее наблюдаются общие черты в разных монгольских языках в рефлексах старого **i*.

Здесь четко дифференцируются литературно-письменные монгольские языки и бесписьменные островные. Общим для обеих групп является сохранение **i* первого слога в отдельных общемонгольских словах, хотя количество этих слов может быть разным для каждой группы с преобладанием их в островных бесписьменных языках.

В.И. Рассадин, выявляя рефлексы **i* в бурятском языке и его диалектной системе, приводит данные, характеризующие черты сходства и различия между бурятским, халха-монгольским и калмыцким языками в реализации исторического **i* [Рассадин, 1982, 23–25].

Сходство заключается в сохранении **i* в ряде общемонгольских

слов, существующих в данных языках:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	
bi	би	би	би	'я'
çi	чи	ши	чи	'ты'

Общность и сходство между этими литературно-письменными языками наблюдается также в механизме перелома гласного *i, например:

СПМЯ	бур.	х.-монг.	калм.	
jiyasun	загаһан	загас	захсн	'рыба'
çisun	шуһан	цус	цусн	'кровь'
şira	шара	шар	шар	'желтый'

Кроме того, литературно-монгольские языки объединяют явления, связанные с историей развития исторического *i, а именно: 1) опереднение гласных, выразившееся в образовании разных оттенков гласных (см., например: [Бураев, 1959; 1987; Биткеев, 1975; Лувсанвандан, 1967₂]), а также самостоятельных гласных фонем типа фонем /э/, /э:/ в калмыцком языке [Павлов, 1963; Биткеев, 1975]; 2) палатализация согласных, сыгравшая существенную роль в формировании конститутивно-дифференциальных признаков в системе согласных фонем [Рассадин, 1982, 119–132].

Безусловно, имеются также и различия между указанными языками в рефлексах *i. Например, гласный *i в первом слоге ряда общемонгольских слов дал в бурятском рефлекс несколько закрытого смешаннорядного гласного з (орф. э), тогда как в халха-монгольском и калмыцком языках сохранился *i:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	
ider	идэр	эдир	идр	'юный'
biçig	бичиг	бэшэг	бичг	'письмо'
içi-ile	ичи-ил	эшэ-эли	ич-ил	'стыдиться' 'явный'

В некоторых случаях гласный *i сохранился в бурятском языке в виде долгого ии, а в халха-монгольском, калмыцком языках сохранился краткий *i, например: СПМЯ *nis-* 'лететь', бур. *ниидэхэ*, х.-монг. *нисэх*, калм. *нисх*.

Наблюдается неравномерность в характере перелома гласного *i в разных языках, т.е. в одних языках сохранился гласный *i в общемонгольских словах, а в других *i подвергся регрессивной ассимиляции. При этом сохранение *i свойственно преимущественно калмыцкому языку, например:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	
ñida	жад	жада	жид	'копы', 'пика'
çinar	чанар	шанар	чинр	'качество'
çimügen	чөмөг	сэмэгэн	чимгн	'берцовая кость'

Подобная неравномерность в переломе гласного *i носит закономерный характер, обусловленный спецификой каждого языка, обладаю-

щего своей системой гласных и согласных с различными конститутивно-дифференциальными признаками фонем. Такое различие встречается даже в разных говорах одного языка, как, например, в бурятском [Рассадин, 1982, 25–26]. Исследователи отмечают сохранение *i (отсутствие перелома *i) в тех словах, которые подверглись ассимилятивному воздействию последующего гласного в других говорах и диалектах бурятского языка, например:

СПМЯ	лит. бур.	н.-у. бур.	хамн.	
šibar	шабар	шабар	сибар~шибар	'глина'
ḡiryuуan	зургаан	жиргоң~дiргоң	дзургаа	'шесть'
ḡilya	жалга	жилга	джилга	'овраг'
šinaуа	шанага	ш'инага	синага~шинага	'ковш'
minqan	мянган	м'иңгаң	минга	'тысяча'

[Рассадин, 1982, 25; Дамдинов, 1968, 83–84; Дарбеева, 1978, 34–37]. При этом замечено, что в территориально изолированных языках и диалектах значительно больше случаев сохранения *i в первом слоге [Дарбеева, 1960, 121–122; 1978, 34–37].

Бесписьменные островные монгольские языки обнаруживают большие различия в рефлексах исторического *i по сравнению с литературно-письменными монгольскими языками.

Бесписьменные островные монгольские языки китайского региона обладают своими особенностями (поэтому есть основание рассматривать каждый из них в отдельности) наряду с имеющимся сходством в отражении исторического *i в общемонгольских словах.

В монгорском языке наблюдается сохранение *i в первом слоге общемонгольских слов, которые утратили этот гласный в других монгольских языках или в них имеются единичные случаи его сохранения в анлауте слова, например:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
ide-	иде-	идэх	эдихэ	идх	'есть, кушать'
imayan	има	ямаа(н)	ямаан	яман	'коза'

Сохранение *i в монгорском языке наблюдается в основном после согласных *дж, ч, ш*, например:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
ḡida	джида	жад	жада	жид	'копье'
ḡiruуа	джиоро	жороо	жороо	жора	'иноходь'
ḡiran	джиран	жар(ан)	жороң	жирн	'шестьдесят'
čikin	чи́ги	чих(эн)	шэхэн	чикн	'ухо'
kitууа	чидого	хутга(н)	хутага	утх	'нож'
čina-	чина	чанах	шанаха	чанх	'варить'
šibüge	шибуге	шөвөг	шүбэгэ	шөвг	'шило'
širyuljin	ширүлджин	шоргоол-ж(ин)	шоргоолзоң	шорһлжн	'муравей'
širyüün	ширун	ширүүн	шүрүүн	шүрүн	'грубый'
širyуа	ширу	шорой	шорой	шора	'земля', 'пыль'

Гласный *i изредка встречается в первом слоге общемонгольских слов после согласных б, г, м, н, например:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
bidügün	бідун	бүдүүн	бүдүүн	бүдүн	'толстый'
bisi	біші-піші	биш	бэшэ	биш	'иной, другой'
giškigür	гiшгүр	гишгүүр 'ступенька лестницы'	гэшхүүр	—	'лестница'
giški- minqan	гiшгi- миңган	гишгэх мянга(н)	гэшхэхэ мянган	ишкх минһн	'ступать, шагать' 'тысяча'

В монгорском языке наблюдаются случаи выпадения *i в первом слоге общемонгольских слов, например:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
isegei	шгё	эсгий	эһэгы- һэы	ишкэ	'войлок'
sitaya- sidün	шдä- шдi	шатаах шүд(эн)	шатааха шүдэң	шатах шүдн	'разжигать', 'греть' 'зуб'
ire- ilya-	ре- лага-	ирэх ялгах	ерэхэ илгаха	ирх йилһх	'приходить' 'выбирать'

Как и в случае с *e выпадение *i в начале слова и в первом слоге приводит к несвойственному для монгольских языков скоплению двух согласных в начале слова.

Наряду с сохранением исторического *i в монгольских словах и с выпадением этого гласного в ряде слов монгорского языка наблюдается также обычный процесс перелома гласного *i, т.е. изменение его под регрессивным влиянием гласного последующего слога, например:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
jiyura-	джура-	зуурах	зуураха	зуурх	'месить, замешивать'
jiyu-	джур-	зурах бичих	зураха бэшэхэ	зурх бичх	'писать' "
niryun čidür	нуру чудор	нуруу(н) чөдөр	нюргаң шүдэр	нурһн чөдр	'спина' 'путы'

Перелом гласного *i в приведенных словах монгорского языка в целом таков же, как и в других языках. Иначе говоря, гласный первого слога ассимилировался под влиянием гласного следующего слога, например:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
sibar	шавар	шавар	шавар	шавр	'глина'
miqan	маха	мах(ан)	мяхан	махн	'мясо'
sime-	шеме-	шимэх	шэмэхэ	шимх	'сосать', 'впитывать'
sinaya	шенага	шанага(н)	шанага	шанһ	'ковш'

В монгорском языке сохранилась архаическая фонетическая черта — наличие согласного ш в словах с *i в первом слоге [Тодаева, 1973, 35].

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
ilegü	шiлiү~xilü	илүү	үлүү	үлү	'излишек'
iniye-	шинё-	инээх	энеэхэ	инэх	'смеяться'
iḡayur	шджүр	язгуур	изагуур		'основание'
ičegüri	шджүр	ичгүүр	эшэгүүри	ичр	'стыд'

Дунсянский язык имеет свои особенности в рефлексах **i*, обусловленные звуковым строем данного языка. В дунсянском языке сохранилось несколько слов с **i* в анлауте, например:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	бур.	калм.	
idekü	иджiэ-	идэх	эдихэ	эдлх	'кушать, есть'
eyimü	имуту	ийм	нимэ	ним	'эдакий'

В слове *eyimü* историческое **e* дало рефлекс *i*. Больше слов сохранилось *i* в первом слоге по сравнению с *i* в анлауте. Примеры:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	бур.	калм.	
bi	би	би	би	би	'я'
*bida~bide	бiд	бид	бидэ~бидэ- нэр	бидн	'мы'
nilbusun	нигусун	нулимс(ан)	нёлбоһоң	нульмш	'слеза'
mikan	миҗа	мах(ан)	мяхаң	махн	'мясо'

В дунсянском языке, так же как и в монгорском, баоаньском, дагурском языках и в языке шира-югуров, сохранились слова, начинающиеся с согласных *ф*, *х* и *h*, которые были характерны для среднемонгольского периода (XIII–XIV вв.), но утрачены современными литературно-письменными языками [Тодаева, 1961; Тенишев, Тодаева, 1966, 51]. В частности, это наблюдается в следующих словах:

дун.	монгор.	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
шiлiү	шiлiү~xilü	шiлү~хэ- лү	илүү	үлүү	үлү	'излишек'
шинiэ- шджжэ-	шинё- шджие-	шинэ~нэ шiчэ-	инээ- ичэх	энеэ- эшэхэ	инэ- ичх	'смеяться' 'стыдиться'

Вместе с тем встречаются случаи сохранения **i* после *ш* в виде гласного [ы], например:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	бур.	калм.	
sine	шыни	шинэ	шэнэ	шин	'новый'
sira	шыра	шар	шара	шар	'желтый'
sidar	шыда	шадар	шадар	шидр	'около, у'

Гласный [ы] встречается после согласных *ч*, *к*:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	бур.	калм.	
siqi	чыгi	шиг	шэг	—	'подобно, как'
čigiray	чыкара	чийрэг	шиираг	чиирг	'сильный, крепкий'
kiḡayu	кырэу	хяруу	хируу	кирү	'иней'

В некоторых словах при сохранении гласного **i* изменяется звуковая структура слова в целом:

а) изменяется предшествующий согласный, например:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	бур.	калм.	
biči-	пичы-	бич-	бэшэ-	бич-	'писать'
niskū-	мисы-	нисэх	ниидэхэ	нисх	'лететь';

б) выпадает ауслатный согласный + согласный *г* в инлауте.

СПМЯ	дун.	х.-монг.	бур.	калм.	
nigen	нэ	нэг	нэгэн	нег	'один'
niyur	ниу	нүүр	нюур	нүр	'лицо'

Наряду с сохранением **i* наблюдается перелом гласного **i* в дунсянском языке, как и в литературно-письменных монгольских языках, например: СПМЯ *jīyasun* 'рыба' > дун. *джагасун*, х.-монг. *дзагас*, бур. *загахан*, калм. *захсн*. Однако встречаются рефлексy **i*, не совпадающие с явлениями перелома в других монгольских языках, например: СПМЯ *bisi* 'иной, другой', 'не', развившийся в *биш* в халха-монгольском, калмыцком языках, *бэшэ* – в бурятском, в дунсянском дал *пушы* в том же значении.

Рефлексy **i* в баоанском языке в принципе сходны с аналогичными явлениями в монгорском, дунсянском, дагурском языках, но имеющиеся различия между ними обусловлены звуковым строем данных языков.

Суть рефлекса исторического **i* в баоанском языке проявляется в виде сохранения его в некоторых словах, выпадения и ассимилятивного воздействия последующих гласных второго или третьего слога.

Сохранение наблюдается в анлауте и в первом слоге слова:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
ider	идэр-	ядрах	ядарха	ядрх	'уствовать'
imayan	иман	ямаа(н)	ямаан	ямн	'коза'

Сохранение **i* в первом слоге встречается преимущественно после *ч*, *ш*, например:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
čina-	чина-	чанах	шанаха	чанх	'варить'
čikin	чихоң	чих	шэхэн	чикн	'уши'
sine	шинэ	шинэ	шэнэ	шин	'новый'
singgen	шиңгоң	шингэн	шэнгэн	шингн	'жидкий'

Сохранение **i* в первом слоге отмечается также в словах с анлаутом *ш*, которые были характерны для среднемонгольского периода, например:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
ilegü	шилу	илүү	үлүү	үлү	'лишний'
inige--inige	шине-	инээх	энеэхэ	инэх	'смеяться'

Старый **i* изредка встречается в первом слоге после согласных *н*, *г*,

к, например:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
ningen	нингаң	нимгэн	нимгэн	нимгн	'тонкий'
qiški-	гишгэ-	гишгэх	гэшэхэ	ишкх	'ступать'

Выпадение **i* встречается и в анлауте, и в первом слоге после согласных. Примеры:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
ire	рэ-	ирэх	ерхэх	ирх	'прийти'
sidün	шдоң~доң~ hдоң	шүд(эн)	шүдэн	шүдн	'зуб'
kituγa	hдогэ	хутга(н)	хутага	утх	'нож'

Третью группу слов с **i* первого слога составляют слова с изменением этого гласного элемента. Интересна необычность перелома *i*. Дело в том, что в литературных письменных монгольских языках существует определенная закономерность в изменении этого гласного в позиции перед гласными последующих слогов, изложенная в исследованиях монголистов (см., например: [Рамстедт, 1908, 51–54; Владимирцов, 1929, 176–191; Санжеев, 1953, 108–114; Порре, 1955, 36–44] и др.). Суть этого явления заключалась в том, что *i* первого слога подвергался регрессивной ассимиляции, т.е. если *i* был перед *a*, то он либо совсем исчезал, либо сохранялся в виде краткого скользящего звука и на месте *i* оказывался '*a ~ a*, например: *mikan* > *мах* 'мясо'. Иначе говоря, на месте *i* первого слога оказывался гласный следующего слога, каковыми могли быть гласные *a, e, u, ü*. В баоанском языке – несколько иная картина. Гласный **i* первого слога общемонгольских слов в позиции перед слогами с гласными *a, e, i, u, ü* в баоанском языке заменился преимущественно гласным *э*:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
miqan	мэга	мах	мяхан	махн	'мясо'
bide	бэдэ	бид	бидэ	бидн	'мы'
nidün	нэдоң	нүд(эн)	нюдэн	нүд	'глаз'
nilbusun	нэмсоң	нулмас	нёлбоһон	нульмсн	'слеза'
ničūqun	нэшкоң	нүцгэн	нүсэгэн	нүцгн	'голый'
sibüge	сэбгу	шөвөг	шүбэгэ	шөвг	'шило'
biči-	пэджэ-	бич-	бэшэ-	бич-	'писать'

Иногда встречается переход / в *o*, например:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
niγur	нёр	нүүр	нюур	нүр	'лицо'
kimusun	гомсоң	хумс	хюмһа(н)	хумсн	'ногти'
nise-	мосэ-	нисэх	ниидэхэ	нисх	'лететь'

Необычность перелома *i* первого слога в приведенных словах баоанского языка объясняется нарушением гармонии гласных в данном языке. Известно, что в литературно-письменных монгольских языках переход древнего **i* в гласный *э* /з/ происходит, как правило, в

словах мягкого ряда, т.е. в позиции перед *i, e, ü, ö* [Рассадин, 1982, 23–26]. Перелом **i* в баоаньском языке не подчиняется этому закону, в нем нет строго выдержанной гармонии гласных. Исследователи отмечают факт нарушения гармонии гласных в баоаньском языке. Б.Х. Тодаева указывает на отсутствие перелома *i* после начальных аффрикат *дж, ч* и спиранта *ш* и отмечает, что сохранение в большинстве слов гласного первого слога *i* в указанной позиции сближает баоаньский язык с языком памятников XIII–XIX вв., в которых этот звук подвергся перелому в весьма ограниченных пределах [Тодаева, 1964, 7].

В баоаньском нарушается гармония гласных: **i* > *э* в первом слоге не только перед *i, э, ü*, но также и перед *а, и, о*.

Таким образом, гласный **i* первого слога переходит преимущественно в *э* вне зависимости от качества гласного последующего слога или характера предшествующего согласного. Это обстоятельство отличает баоаньский язык от литературно-письменных монгольских языков, в которых **i* претерпел всевозможные изменения в зависимости от качества гласного последующего слога: если следующий слог содержит гласный переднего, или мягкого, ряда, то *i* приобретает облик мягкорядного гласного, и наоборот: при последующих твердорядных гласных гласный **i* переходит в гласный твердого, или заднего, ряда, например: СПМЯ *ᠶᠢᠷᠢᠭᠠᠨ* 'шесть', бур. *зургаан*, х.-монг. *зургаа(н)*, калм. *зурһан*, а в баоаньском сохранился *i* в слове *джиргоң*, так как в баоаньском языке заметна тенденция к сохранению *i* после согласных *дж, ч, ш* [Тодаева, 1964, 7].

**o*

Б.Я. Владимирцов, сопоставляя орфограммы слов старописьменного монгольского языка с фонетическим обликом их халхаского произношения, выявил закономерные соответствия графем гласных СПМЯ с гласными фонемами халхаского "наречия". При этом автор отметил, что в халха-ургинском наречии фонема /*ö*/ очень близка к фонеме /*y*/, поэтому обычно в работах русских авторов *ö* и *y* не различались и передавались при помощи одного знака *y*. Вместе с тем он указывает, что в монгольском письменном при посредстве одного знака *y* обозначались две различные фонемы /*ö*/ и /*y*/ и что монг. письм. *ö* > халх. *ö*, а монг. письм. *ü* > халх. *y*, например: СПМЯ *dörben* 'четыре' соответствует х.-ург. *dörwö* ~ *dörwü*, халх. зап. *dörwó*; ойрат. письм. *dörbön*, Баит., Дэрб., Торг. *dörwң*, квадрат. *dör-ben*, мог. *dүрbön*; монг. письм. *küčün* ~ *küčün* 'сила' соответствует халх. *xүчi*, ойрат. письм. *küč-ün* ~ *küč-in*, Баит. *күчн* ~ *күңн* квадрат. *k'ü-čün* [Владимирцов, 1929, 162—163, 165].

Близость фонем /*ö*/ и /*y*/ отмечена исследователями и в хоринском, агинском диалектах бурятского языка [Руднев, 1913—1914, 14]. Наличие двух разных фонем переднего, или мягкого, ряда *ö* и *ü* в старописьменном монгольском языке не вызывало сомнения у исследователей, несмотря на то что они были представлены одним знаком, одной

графемой: **ö* — слабоогубленная фонема переднего ряда, бытовавшая в старописьменном монгольском языке, сохранилась в современном калмыцком языке [Павлов, 1968; Биткеев, 1975], в ойратском диалекте халха-монгольского языка [Вандуй, 1965], тункинском [Абашеев, 1965, 6—7], аларском [Поппе, 1930₁, 43—44], окинском [Рассадин, 1982, 18], боханском [Хомонов, 1965, 41], нижнеудинском [Дарбеева, 1978, 31—32], баргузинском [Раднаев, 1965, 83], эхирит-булагатском [Матхеев, 1968, 5], качугском [Митрошкина, 1968, 49], хамниганском [Дамдинов, 1968, 80] говорах бурятского языка [Рассадин, 1982, 18—20]. В халха-монгольском [Владимирцов, 1929, 162—164] языке переднерядной старой фонеме /*ö*/ соответствует среднерядная фонема /*o*/. В бурятском литературном языке отсутствует краткая фонема /*o*/ среднего ряда [Санжеев, 1953, 72—73; Бураев, 1959].

Эволюция старописьменного **ö* в современных монгольских языках показана в основном на материале литературно-письменных монгольских языков [Рамстедт, 1908, 39—40; Владимирцов, 1929, 162—164]. Г.Д. Санжеев указывал на передвижение передних **ö*, **y* в средний ряд — в *o* и *y*, но с сохранением переднерядности в ойратском языке и некоторых диалектах других монгольских языков [Санжеев, 1953, 72—73, 76].

В.И. Рассадин на материале бурятского литературного языка и его диалектов показал, что в литературном бурятском языке **ö* сохранился в виде *y*, а в большинстве говоров — в виде переднерядной фонемы /*ö*/ [Рассадин, 1982, 18—20].

Материалы бесписьменных островных монгольских языков почти не привлекались из-за отсутствия соответствующих данных. Однако отмечается рефлекс старой фонемы /*ö*/ старописьменного монгольского языка в монгорском языке в виде гласного *o* или *u*, например: СПМЯ *bös* 'хлопчатобумажная ткань' > калм. *bös* = монгор. *bos*; СПМЯ *ödün* < **hödün* < **födün* 'звезда' > калм. *ödn* = монгор. *födi*; СПМЯ *söni* 'ночь' > калм. *sö ~ sön* = монгор. *soni*; СПМЯ *köl* 'нога' > калм. *köl* = монгор. *kuor*; СПМЯ *mören* 'река' > калм. *mörn* = монгор. *murön* [Рорре, 1955, 49].

Трансформация **ö* в монгорском языке в виде заднерядных *o* и *y* объясняется отсутствием в нем переднерядных гласных *ö*, *y*. Это распространяется на дунсянский и баоаньский языки, в которых нет ни переднерядных *ö*, *y*, ни среднерядных *o*, *y*.

Сопоставление слов старописьменного монгольского языка с гласным **ö* в первом слоге с теми же словами монгорского, дунсянского и баоаньского языков обнаруживает в принципе черты общности между ними в рефлексах **ö*.

Общим свойством является переход **ö* в заднерядный *o*. Например, СПМЯ *bös* 'хлопчатобумажная ткань' соответствует монгор. *bos*, дун. *bосы*; СПМЯ *bögere* 'почки' > дун. *борэ*; СПМЯ *jöb* 'правильно' > монгор. *джо(б)*. Старый **ö* в некоторых словах переходит в *y*: СПМЯ *ködel* 'двигаться' > монгор. *гудоли*; СПМЯ *könjil* 'одеяло' > дун. *гуанджэлэ*; СПМЯ *törü* 'закон', 'привычка' > монгор. *турö*. Наблю-

дается переход **ö* в *e*: СПМЯ *dörben* 'четыре' > монгор. *деран*, дун. *джэруан*, баоан. *дэраң*; СПМЯ *öms-* 'надевать' > баоан. *мэсэ-*, дун. *мусы*; СПМЯ *köl* 'нога' > дун. *куан*, баоан. *кул*.

В дунсянском языке встречается переход **ö* > *э*, *ya*, *уэ*, например: СПМЯ *töndör* 'град' > дун. *мэндэу*; СПМЯ *jögelen* 'мягкий' > дун. *джуэлиэн*, монгор. *джиōлон*.

В монгорском языке наблюдается выпадение **ö* в общемонгольских словах.

СПМЯ	монгор.	дун.	баоан.	
<i>öndür</i>	ндур	—	ондэр	'высокий'
<i>önüčün</i>	ночүн	оншэчын	—	'сирота'
<i>ögen</i>	ргуен	—	—	'широкий'
<i>öqül</i>	ргул	увун	—	'зима'
<i>üsün</i>	сдэе	усун	сун	'волосы'
<i>ölüstü-</i>	лосе-	олиэсу	—	'проголодаться'
<i>öndüqen</i>	ндиге	эндэгi	ндэгi	'яйцо'

Таким образом, исторический **ö* старописьменного монгольского языка в первом слоге общемонгольских слов подвергся изменению в островных бесписьменных языках китайского региона (монгорский, дунсянский и баоанский). Переднерядный *ö* заменился преимущественно огубленным заднерядным *o*. Иногда он заменяется заднерядным огубленным *u*, а также переднерядным неогубленным *э* среднего подъема.

Изменение исконной фонемы /**ö*/ переднего ряда в этой группе языков обусловлено отсутствием в них переднерядных фонем /*ö*/, /*y*/ . Однако определение закономерности перехода **ö* в гласные, *o*, *u* представляет определенную сложность из-за ограниченности фактического материала. Имеющиеся данные показывают употребление этих гласных в одних и тех же фонетических условиях, например: СПМЯ *ködel-* 'двигаться', *dörben* 'четыре' в монгорском языке дали *гудолi* и *деран*, т.е. гласным следующих слогов является *e*, но **ö* заменился разными гласными (*y*, *e*): СПМЯ *nökür* 'товарищ' и *mölsün ~ töšün* 'лед' отражены в дунсянском языке в виде *нокэ* и *мэнсун*.

Выпадение **ö* в анлауте общемонгольских слов также характерно для данной группы монгольских языков. При этом одни и те же слова имеют разный звуковой облик в каждом из этих языков.

Трансформация общемонгольских слов свидетельствует о влиянии китайского и тибетского языков, с которыми контактируют данные монгольские языки.

**ü*

Общемонгольский гласный **ü*, характеризующийся как узкий лабиализованный звук переднего, или мягкого, ряда, получил различные рефлексы в современных монгольских языках.

Исследователи отмечают: 1) более последовательное сохранение исторического **ü* в ойратском письменном языке и в ойратских наречиях

[Владимирцов, 1929, 166; Санжеев 1953, 74]; 2) передвижение прежних передних гласных **ö*, **ü* в средний ряд — в *ó* и *ú* в языке квадратной письменности; 3) слияние фонем /*ö*/ и /*ü*/ в восточнобурятских говорах и некоторых диалектах других монгольских языков [Поппе, 1930₂, 46—48; Санжеев, 1953, 74—76]; 4) совпадение **ö* и **ü* в дагурском языке в одной фонеме /*woa*/ (в начале слова) ~ /*oa*/ (в середине слова): *woar* 'входить' = халх. *орõ*; *woanã* 'упасть' = халх. *унã* 'упасть' [Поппе, 1930₂, 110—114; Санжеев, 1953, 76]; 5) в отдельных говорах **ü* развился в *у*. Например, в аларском говоре бурятского языка наблюдается рефлекс **ü* > *у*: СПМЯ *ür* 'заря' дал в аларском *ур* в том же значении.

Рефлексы старых **ö* и **ü* в тюркских и монгольских языках отражены Б.Я. Владимирцовым [Владимирцов, 1929, 163], а в монгольских языках — Г.Д. Санжеевым [Санжеев, 1953, 74] в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Общие монг. тюрк.	Орхон.	Уйгур.	Осм. Дж.	Нов. тюрк.	Ойрат. письмен.	Нов. ойрат.
* <i>ö</i>	<i>ö</i>	<i>ö</i>	<i>ö</i>	<i>ö</i>	<i>ö</i>	<i>ö</i> ~ <i>ó</i>
* <i>ü</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>	<i>ü</i>	<i>у</i> ~ <i>ú</i>

Квадрат. монг.	Монг. письмен.	Халх.	Южномонг.	Могол.
<i>о</i> ~ <i>ü</i>	<i>ö</i>	<i>ó</i>	<i>о</i> ~ <i>о</i> ~ <i>у</i>	<i>о</i> ~ <i>у</i>
<i>ü</i> ~ <i>и</i>	<i>ü</i>	<i>у</i>	<i>у</i>	<i>у</i>

Таблица 3

Монгольский (халхаский диалект)	Бурятский	Ойратский	Классический
<i>о</i>	<i>ö</i>	<i>о</i>	<i>ö</i>
<i>у</i>	<i>у</i> (<i>у</i>)	<i>у</i>	<i>у</i>

Эти таблицы в целом характеризуют рефлексы старых **ö*, **ü* в некоторых монгольских языках по данным материалов 30—50-х годов XX в.

На современном уровне изучения монгольских языков, в общем, подтверждается справедливость изложенного [Бураев, 1959, 151—157; 1987, 101—104; Рассадин, 1982, 18—20; Павлов, 1963, 19, 26; Кичиков, 1963, 9—10; Убушаев, 1979, 27; Лувсанвандан, 1967₁; Цолоо, 1976, 89; Мөөмөө, 1979, 84], но можно уточнить некоторые детали в отдельных языках, в частности в калмыцком и бурятском. Монголисты отметили, что исторический гласный **ü* сохранился в ойратском письменном языке. Современные исследователи, сопоставляя соответствия графем гласных "ясного письма" и гласных фонем калмыцкого языка в первом

и непервом слогах слова, установили, что краткому *ü* ойратской письменности соответствуют в современном калмыцком языке краткая гласная фонема /y/ в первом слоге слова и неясная гласная фонема [э] в непервых слогах. В некоторых фонетических условиях позиции непервого слога старописьменный гласный *ü* выпал. Пример: *bükülü* 'целый' > *bykəl*; *ükür* 'корова' > *ykär* [Биткеев, 1975, 148].

Несколько иначе обстоит дело в бурятском языке. В нем отмечено наличие общебурятской узкой, сильноогубленной центральнорядной фонемы /y/ [Рассадин, 1982, 20—23]. Установлено, что гласная фонема /y/ образовалась от старых **ü*, **ö*, **e*. Например:

- 1) **ü* > y: СПМЯ *üqe* 'слово', 'речь' > бур. *yгэ*;
- 2) **ö* > y: СПМЯ *köke* 'синий' > бур. *хүхэ*;
- 3) **e* > y: СПМЯ *ebül* 'зима' > бур. *yбэл* ~ *өбөл*.

В ряде случаев старый **ü* дал заднерядный гласный у.

В монгорском, дунсянском, баоаньском языках отсутствует переднерядный *ü* [Mostaert, Smedt, 1930; Тодаева, 1960; 1964; 1973; Činggeltei, 1975; 1958]. В этой группе монгольских языков встречаются общемонгольские слова, в звуковой структуре которых была гласная фонема /**ü*/, но она прошла иной путь развития по сравнению с письменными языками.

Краткий **ü* первого и непервого слогов в этой группе бесписьменных языков развился преимущественно в заднерядные огубленные у, о наряду с неогубленными е (э), і. При этом **ü* в структуре одного общемонгольского слова имеет разные рефлексy в различных монгольских языках китайского региона. Суть их различия проявляется в следующем:

1. Наблюдается выпадение гласного **ü* в анлауте общемонгольских слов в монгорском и баоаньском языках, например:

СПМЯ	монгор.	баоан.	
<i>ülü</i>	лi	лэ	'не'
<i>ünügün</i>	нугу	нэгоң	'козленок'
<i>üne</i>	нем	—	'цена'
<i>üsün</i>	сун	—	'молоко'

2. Монгорской модели **ü* > о в дунсянском языке соответствует **ü* > у, в баоаньском — **ü* > э, например:

СПМЯ	монгор.	дун.	баоан.	
<i>emüs-</i>	мосэ-	мусы-	мэсэ-	'надевать'
<i>nüke</i>	нскэ	нукун	—	'яма'
<i>süke</i>	согуо	сугэ	—	'топор'

3. Монгорскому рефлексу **ü* > і в дунсянском соответствует: **ü* > э, **ü* > у, в баоаньском — **ü* > э. например:

СПМЯ	монгор.	дун.	баоан.	
<i>kedüi</i>	кiдiн ~ кiдiнге	—	кэтоң	'сколько'
<i>öndügen</i>	ндiге	эндэги	ндэги	'яйцо'
<i>ničügen</i>	ничигör	мучугун	нэшкоң	'голый'

4. Рефлексы **ü* > *y*, **ü* > *o* являются наиболее распространенными в каждом из данных бесписьменных языков, хотя не всегда они совпадают в структуре одних и тех же общемонгольских слов:

СПМЯ	монгор.	дун.	баоан.	
öndür	ндур	унду	фду	'высокий'
üre	фурie	фурэ	фурэ	'семья'
büse	бусе	пишэ	—	'пояс'

5. Встречаются не только различные рефлексы **ü* в строении общемонгольских слов, но и разный характер их трансформации, обусловленные звуковым строем каждого из этих языков, например:

СПМЯ	монгор.	дун.	баоан.	
ebüdüq	ведег	одэу	эбдэг	'колени'
ebüsün	весе	—	вэсоң	'сено'
mölsün	молсе	мэнсун	мэншу	'лед'
tüükei	тёги	тугуни	—	'сырой'

6. Гласный **ü* непервых слогов общемонгольских слов также передается сочетаниями разных гласных *iy*, *ia*, *yo*, *эу* в монгорском языке и частично в дунсянском. Примеры: СПМЯ *pökür* 'друг, товарищ' > монгор. *нокуор*; СПМЯ *kükül* 'коса (волосы)' > монгор. *кугуол*; СПМЯ *ülü* 'не' > дун. *улиэ*; СПМЯ *ebüdüq* 'колени' > дун. *одэу* и др.

Таким образом, переднерядный, или мягкорядный, **ü* полностью утратил свое качество в бесписьменных монгольских языках китайского региона, так как в этой группе языков (монгорском, дунсянском, баоанском) нет дифференциального признака гласных фонем "твердоярность/мягкорядность". Поэтому звуковая структура общемонгольских слов подверглась существенному изменению: она трансформировалась в соответствии со звуковым обликом слов китайского и тибетского языков, нарушив фонетические законы структурной организации слов в монгольских языках. Это нарушение проявилось в: 1) несоблюдении сингармонизма гласных; 2) употреблении рядом двух гласных разного качества; 3) изменении звуковой структуры слога.

Утрата этими монгольскими языками переднерядных, огубленных **ö*, **ü* была обусловлена влиянием окружающего языкового мира, обладающего иной системой гласных.

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

По вопросу о возможности существования в общемонгольском праязыке первичных долгих гласных существуют разные точки зрения среди монголистов. Одни ученые отрицали факт наличия долгих гласных в вокализме общемонгольского праязыка (см., например: [Рамстедт, 1908; Владимирцов, 1929; Санжеев, 1953]). Б.Я. Владимирцов писал: "То древнемонгольское наречие, на основе которого возник монгольский письменный язык, не знало ни долгих гласных, ни дифтонгов" [Владимирцов, 1929, 305]. Это мнение получило широкое распространение среди монголоведов. Наряду с этой высказываются и

другие гипотезы, предполагающие существование первичных долгот [Лигети, 1964; Порре, 1955; Doerfer, 1964; Murayama, 1970]. Так, акад. Л. Лигети, указывая на образование долгого лабиализованного \bar{a} в диалекте марда могольского языка из долгого \bar{d} , предполагал существование долгого \bar{d} у моголов в общемонгольскую эпоху и, следовательно, наличие долгих гласных в древнемонгольском языке [Ligeti, 1964₂, 43, 47—48].

Дебаты о наличии или отсутствии долгих гласных в вокализме древнемонгольского языка в какой-то мере отражают разногласия относительно первичной долготы в алтайских языках, в частности в тюркских. Вопрос о составе гласных древнетюркского праязыка до сих пор является предметом спора среди тюркологов [Щербак, 1970]. Некоторые ученые разделяют гипотезу о наличии в тюркском праязыке восьми гласных фонем, которые могли быть краткими и долгими [Серебренников, Гаджиева, 1979, 9]. Характерной особенностью изменения древнетюркского вокализма является утрата долгих гласных большинством тюркских языков при сохранении их только якутским, туркменским и халаджским языками.

В монгольских языках наблюдается иной процесс развития древнемонгольского вокализма: в качестве исходного статуса берется отсутствие долгих гласных.

Фонологическая оппозиция долгих и кратких гласных, отмечаемая во всех современных литературно-письменных и в некоторых бесписьменных монгольских языках, — явление позднего характера. Следовательно, не все монгольские языки обладают этим фонологическим признаком гласных — долготы/краткости.

Происхождение фонологического признака гласных — долготы/краткости в монгольских языках обычно связывают с развитием древнего комплекса "гласный + согласный + гласный" и дифтонгов [Владимирцов, 1929, 192—310; Санжеев, 1953, 77—83; Порре, 1955, 59—76; Рассадин, 1982, 38—68].

Исследователи на материале преимущественно халха-монгольского, бурятского, калмыцкого языков с частичным привлечением данных дагурского, могольского, монгорского и памятников среднемонгольской речи показали механизм образования долгот из древних звукокомплексов с выпадением интервокальных согласных g , y , w .

В.И. Рассадин особенно подробно проанализировал условия развития долгих гласных в бурятском языке. Он рассматривает все возможные комплексы ГСГ, из которых развились долгие гласные в бурятском языке, и их качества.

Прежде всего надо заметить, что не все современные монгольские языки обладают долгими гласными. С этой точки зрения четко дифференцируются литературно-письменные и бесписьменные островные монгольские языки. В современных халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках активно функционирует признак "долгота/краткость", играющий смыслоразличительную роль в словоформах. Долгими фонемами являются /a:/, /o:/, /y:/, /e:/, /ɣ:/, /ɛ:/, /i:/, т.е. семь

долгих гласных, противопоставленных соответствующим семи кратким. В калмыцком имеются еще переднерядные фонемы /э/, /э:/.

Долгие гласные *ā, ḡ, ū, ē, ǫ, ǰ, ī, ǣ* современных литературных письменных языков представляют собой преимущественно рефлексы древних звукокомплексов Г + С + Г, прошедших стадию двослогов в среднемонгольский период развития. Поэтому исследователи при рассмотрении вопроса о происхождении долгих гласных начинают прежде всего с определения качества древнемонгольских звукокомплексов Г + С + Г и дифтонгов, также развившихся в некоторых языках в долгие гласные [Владимирцов, 1929; Санжеев, 1953; 1964; Лувсанвандан, 1967₂; Порре, 1955; Бураев, 1987].

Проблема долгих гласных впервые в монголоведении подробно разработана акад. Б.Я. Владимирцовым на обширном фактическом материале [Владимирцов, 1929, 192—310]. В дальнейшем она исследовалась на материале разных монгольских языков.

Специфичным для этих штудий является то, что исследователи, анализируя образование долгих гласных из звукокомплексов и дифтонгов, оперируют в основном материалами литературно-письменных монгольских языков — халха-монгольского, бурятского и калмыцкого. Из других языков, особенно бесписьменных, привлекались монгорский и дагурский, частично могольский. Между тем в развитии долгих гласных и в их функциональной характеристике по разным монгольским языкам наблюдается кардинальное различие именно между письменными и бесписьменными монгольскими языками.

Для вокализма письменных монгольских языков, включая язык внутренних монголов КНР, конститутивно-дифференциальный признак "долгота/краткость" является одним из основных в системе гласных. Долгие гласные в этих языках встречаются в любой позиции слова.

Долгие гласные в монгольских языках в подавляющем большинстве случаев являются результатом исчезновения интервокального проточного согласного, чаще всего *g, γ, y* и реже *w*, а также следствием "удлинения" нормального гласного (преимущественно в положении после *y, q*, особенно в составе разного рода суффиксов и окончаний [Санжеев, 1953, 77]). При этом механизм образования долгих гласных из древних звукокомплексов является общим для литературно-письменных монгольских языков. Процесс образования долгих гласных происходил следующим образом: в очень раннюю эпоху интервокальные *γ ~ g*, а еще раньше **w*, начали ослабляться, становясь более широкими и вокализуясь; благодаря этому *γ ~ g* выпали либо заменились билабиальным спирантом *w* и спирантом *y*. Впоследствии выпали и эти согласные; два гласных, оказавшиеся рядом, слились в один долгий и образовали долгие гласные в ряде монгольских языков. Этот процесс образования долгих гласных протекал неравномерно в разных монгольских языках в течение длительного времени на протяжении многих веков (примерно с XII—XIII вв. по XV в.). Схематически это выглядит следующим образом: **aγa > aha > aḡa > a'a > a: bayatur > bahatār > ba'atar > bātār* 'богатырь'; **ege > ē* с промежуточными фазами; *uyū > ū*

с промежуточными фазами: *ihu* > *i'ü* > *i* и т.д. [Владимирцов, 1929, 213—215; Санжеев, 1953, 77—78; Порре, 1955, 60].

Принцип образования долгих гласных из древнемонгольских звукокомплексов является общим для литературно-письменных монгольских языков, например: **aγa*: **itaγan* > х.-монг. *jamā*, бур. *ямаан*, калм. *яман* 'коза'; **ege*: **degere* > х.-монг. *дээр*, бур. *дээрэ*, калм. *деер* 'наверху'. Однако иногда встречаются различия между письменными языками, например: **degel* 'шуба' > х.-монг. *дээл*, бур. *дэгэл*, калм. *девл*; **egem* 'плечо' > х.-монг. *эгэм*, бур. *ээм*, калм. *ээм*; **quruγun* 'палец' > х.-монг. *хуруу*, бур. *хурган*, калм. *хурһн* и т.д. В праформах **degel*, **egem*, **quruγun* один и тот же звукокомплекс получил разные рефлексы в современных письменных монгольских языках при общности моделей изменения большинства комплексов ГСГ. Это единичные случаи расхождения в развитии древних звукокомплексов в указанных языках, когда в одном из письменных языков комплекс ГСГ остается без изменения, а в других — функционируют трансформированные комплексы в виде долгих гласных. Следует отметить, что проблеме развития древних звукокомплексов ГСГ и их рефлексов в современных монгольских языках посвящено специальное исследование [Верба, 1978]. В данном случае мы касаемся лишь долгих гласных, возникших из древних комплексов ГСГ и в связи с этим попутно останавливаемся на разных результатах эволюции древних звуковых комплексов.

Таким образом, в литературно-письменных монгольских языках имеются долгие гласные, образованные из звуковых комплексов с интервокальными согласными *g, b, m, w, y*. Причем в этой группе языков развитие комплексов ГСГ представлено в виде образования долгих гласных в результате выпадения интервокального согласного без сохранения промежуточных фаз в виде *Г + w + Г* или *Г'Г*. Имеются единичные случаи сохранения древнего звукового комплекса ГСГ типа *huga* 'подмышка' в бурятском, *suga* в халха-монгольском; *эгэм* 'ключица' в халха-монгольском, но *ээм* в бурятском и калмыцком языках; *нурһн* 'спина' в калмыцком, *нурган* в бурятском, а в халха-монгольском — *нуруу*. Следует обратить внимание также и на качество гласных элементов звукокомплексов ГСГ. Дело в том, что гласными элементами этих звукокомплексов могут быть: а) одинаковые или однотипные гласные: **aγa* > *a* (*saya* > *cā*- 'дойти'); *ege* > *ē* (*degere* > *dēpe* 'наверху'); *uyu* > *ū* (*uyuraγ* > *ūrūk* 'молозиво'); *üjü* > *ü* (*küjügün* > *xüzü* 'шея'); б) гласные разного качества, но с гласным *i* перед консонантом типа: **iγa* > *ā* (*siya* > *шā*- 'вбивать', 'вколачивать'); **ige* > *ē* (*jige* > *зē* 'внук', 'племянник'); **iγu* > *ū* (*niγur* > *н'ūr* 'лицо'); *igü* > *ü* (*siqüsü* > *шүс* 'сок', 'жидкость'); в) гласные: *a, e, o, u, ö, ü* в препозиции, т.е. как первый компонент звукокомплекса, например: **aγu* > *ū* (*aγur* > *ūr* 'гнев') **egü* > *ü* (*degü* > *дү* 'младший'); **oγa* > *ō* (*toγa* > *tō* 'число'); *oγu* > *ō* (*toγudaγ* > *tōdog* 'дрофа'); **uγa* > *ā, ā* (*doluγan* > *долдн, долән* 'семь'); **oge* > *ō* (*bögere* > *bōpэ* 'почки'); *üge* > *ō* (*čilüge* > *сүлб* 'свобода').

Такова общая модель образования долгих гласных в монгольских языках от долготных комплексов (по терминологии Г.Д. Санжеева [Санжеев, 1977, 54]).

Структура звукового состава этих долготных комплексов показывает, что объектом удлинения служит обычно второй гласный комплекса. Причину этого явления некоторые ученые связывают с тем, что вторые гласные комплекса были долгими [Hattori, 1961, 451—462; Лувсанвандан, 1977, 94—98]. Однако причину образования долгих гласных в монгольских языках из долготных комплексов исследователи видели не только в качестве гласных, но и в свойствах интервокальных согласных *γ*, *g*. Еще Г.И. Рамстедт считал, что возможность или невозможность развития долгих гласных в монгольских языках из долготных комплексов ГСГ может зависеть не только от различных звуков: проточного *β* и смычного *ɣ*, но и от различия в ударении [Рамстедт, 1908, 24—25].

Акад. Б.Я. Владимирцов развил эту идею и полагал, что основными причинами развития долгих гласных из комплекса ГСГ являются: 1) ослабление интервокальных согласных; 2) усилившееся второстепенное ударение на втором гласном элементе этого комплекса [Владимирцов, 1929, 215—216].

Японский ученый С. Хаттори высказал предположение о том, что образование долгих гласных связано только с такими древнемонгольскими звуковыми комплексами, которые обладали следующими показателями: 1) наличие щелевого интервокального согласного *γ*; 2) наличие долготы во втором гласном звукового комплекса [Hattori, 1961, 457]. Иначе говоря, проф. Хаттори считает, что звукокомплекс, состоящий из сочетания смычного *g* (в позиции между краткими гласными) с краткими гласными, не образует долгого гласного, например; **daga*- 'следовать', но **daγā*- 'поднять' развился в современное *dā*- [там же, 457—459], т.е. выпадение щелевого интервокального *γ* перед последующим долгим гласным (**daγā*- > *da'ā*- > *dā*-) создало реальные условия для образования долгих гласных.

Эта гипотеза С. Хаттори поддержана и развита монгольским ученым Ш. Лувсанванданом, который считал, что сочетания старописьменного монгольского языка *aγa*, *aγu*, *oγa*, *oγu*, *uγa*, *ege*, *egü*, *öge*, *ögü*, *üge*, *ügü*, *iγa*, *iγu*, *ige*, *igü*, отражающие особенности древнего монгольского языка, сохранились в квадратной письменности, т.е. в среднемонгольском языке в двух разновидностях: 1) в звукокомплексе "гласный + согласный (*γ*, *g*) + гласный"; 2) в сочетаниях краткого и долгого гласных при выпадении интервокальных *γ*, *g*, *aā*, *aü*, *oā*, *oü*, *uā*, *uü*, *eē*, *eü*, *öē*, *öü*, *üe*, *üü*, *iā*, *iü*, *iē*, *iü*. В памятнике среднемонгольского языка — "Сокровенном сказании", написанном на монгольском языке китайскими иерографами, эти звукокомплексы: 1) остаются неизменными, т.е. сохраняются согласные *γ*, *g* между двумя краткими гласными; 2) иногда обозначены двумя краткими гласными *aa*, *au*, *oa*, *ou*, *ua*, *uu*, *ee*, *eü*, *öü*, *üe*, *üü*, *ia*, *iu*, *ie*, *iü*. В современном монгольском сочетании двух кратких гласных, между которыми находились согласные *γ*, *g*, осталось

неизменным, а сочетания долгой и краткой гласных среднемонгольского языка превратились в обычные долгие гласные: $a\bar{a} > \bar{a}$, $a\bar{i} > \bar{i}$, $e\bar{e} > \bar{e}$, $e\bar{i} > \bar{i}$ [Лувсанвандан, 1977, 94]. Проф. Ш. Лувсанвандан, обобщая мысли Г.И. Рамстедта и Б.Я. Владимирцова о возможном наличии второстепенного ударения на втором гласном элементе комплекса и гипотезу С.Хаттори об оппозиции кратких и долгих гласных в этих комплексах, предполагает, что гласные, произносившиеся с ударением, удлиннились и превратились в долгие. Краткие и долгие гласные, находившиеся по обеим сторонам этих исчезнувших согласных y , g , слились в один долгий гласный: краткий гласный уподобился по качеству долгому, т.е. развитие шло так: $ay\bar{u}la > a\bar{y}\bar{u}la > a'\bar{u}la > o'\bar{u}la > u'\bar{u}la > \bar{u}la$ 'гора' [Лувсанвандан, 1967₁, 14—26; 1967₂, 34]. По мнению В.И. Рассадина, эта синтезированная точка зрения представляется наиболее вероятной, ибо причиной развития долгого гласного из ГСГ служит именно особое качество второго гласного этого комплекса, поскольку характер вторичной долготы, развившейся на его месте, в монгольских языках устанавливается по второму гласному [Рассадин, 1982, 42—46]. Автор полагает, что лишь такой подход может дать удовлетворительное объяснение наличию разных рефлексов одинаковых по написанию слов старописьменного монгольского языка в современных монгольских языках. Слова типа *dayaqui* 'следовать за' и *dayaqui* 'поднять', 'осилить' дали разные рефлексy, например: СПМЯ *dayaqui* 'следовать за' > бур. *дахаха* ~ *дагаха*, х.-монг. *дагах*, калм. *дахх*; СПМЯ *dayaqui* 'поднять', 'осилить' > бур. *дааха*, х.-монг., калм. *даах*.

Комплекс *-iya-* в слове *jiyaqui* 'указывать' дал долгий гласный в бур. *зааха*, в х.-монг., калм. *заах* в том же значении, а слово *jiyasun* 'рыба' сохранило свою звуковую структуру, т.е. этот комплекс не дал долготы (бур. *загахан*, х.-монг. *загас*, калм. *захсн* 'рыба'). Комплекс *aya* в слове *qaya-* 'закрой' дал \bar{a} (бур., х.-монг., калм. *хаа* 'закрyть'), а в слове *qaga* 'вдребезги' сохранился, т.е. не дал долготы (бур. *хаха* ~ *хага*, х.-монг. *хага*, калм. *хah*). Следовательно, *хага* 'вдребезги' развилось из комплекса **qagá*, а *хаа* 'закрой' — из *qayá* < **qayá*; *заа* 'укажи' — из **jiyá*, восходящего к **jiyá*, а *загахан* 'рыба' — из **jigasun*; *дааха* 'осилить' — из **dayaqui*, восходящего к **dayáqui*, а *дагаха* 'следовать за' — из **dagaqui*; *абага* 'дядя' — из **abaga*, *баатар* 'герой' — из **bayátur* < **bayátur*.

Материалы бурятского, халха-монгольского и калмыцкого языков, привлекаемые В.И. Рассадиным, подтверждают предположение о том, что второй гласный элемент древнемонгольского звукокомплекса был ударным, а потом на месте ударения в процессе эволюции монгольских языков под влиянием действия тенденции к ослаблению напряженности артикулирующих органов развилась заместительная долгота. При этом В.И. Рассадин акцентирует внимание на том, что долгота в этой позиции не была первичной, т.е. исконной, а развилась из ударения. "Все становится понятным, — пишет автор, — если допустить, что второй гласный был в комплексе ГСГ ударным, впоследствии же

он в некоторых монгольских языках стал восприниматься как долгий. В этих языках до сих пор ударный (или ему подобный) гласный в иноязычных словах воспринимается как долгий" [Рассадин, 1982, 45—46]. Эту мысль автор подтверждает свидетельством А.Д. Руднева [Руднев, 1913—1914, с. XXXV], Г.И. Рамстедта [Ramstedt, 1935], которые отмечали, что русское ударение отражается в монгольских языках в виде долгого гласного, например: *поршбѹхо* 'поросенок', *хѹшхѹ* 'кошка' в бурятском языке; *kanāwa* 'канавы', *mākin* 'мякина' в калмыцком [Ramstedt, 1935]. Аналогичные факты зафиксированы исследователем: а) в лексических заимствованиях халха-монгольского языка, например: *хомпоод* < рус. *компот*, *бажиинк* < рус. *ботинки*, *араажи* < рус. *радио*, *бярваас* 'перевоз', *машаан* 'машина' и т.д.; б) в тюркизмах бурятского языка в словах типа: *төөрсэг* 'крынка' < тюрк. *torsuq* 'бурдючок из шкуры с коленного сустава рогатого скота' [Рассадин, 1970, 55].

В.И. Рассадин особо отмечает ударный гласный комплекса ГСГ. В связи с этим указывается на то, что монгольские языки сначала не имели постоянного фиксированного ударения на начальном слоге слова, ударение было подвижным, и слова типа *ayula* 'гора' произносились с ударением на втором гласном, т.е. *ayūla*. Затем это ударное *ū* дало долгое *ū*, а согласный *γ > h >* хиатус, т.е. *ayūla > aḥūla > a'ūla > öūla > u'ūla > ūla*. Эта модель носит общераспространенный характер в монголистике.

Таким образом, древнемонгольский звукокомплекс ГСГ является одним из основных источников происхождения долгих гласных в монгольских языках, которому уделялось много внимания монголистами.

Материалы живых монгольских языков показывают, что в процессе образования долгих гласных из этих комплексов ГСГ многое является общим для большинства из них, но далеко не все, ибо каждый язык обладает своим звуковым строем, своей спецификой, обусловленной этнолингвистическими условиями их существования. Можно сказать, что способ образования долгот из комплекса ГСГ является общим для тех монгольских языков, в которых имеется долгота как конститутивно-дифференциальный признак гласных фонем. Основная сфера распространения этого явления — литературно-письменные монгольские языки.

Стяжение слогов после выпадения интервокального согласного можно считать действующей моделью, ибо такая форма возникновения долгих гласных прослеживается в бурятском языке, особенно в западнобурятских говорах при выпадении фарингального *h*. В частности, это явление наблюдается в аларском, боханском, нижнеудинском, тункинском говорах, а также в байкало-кударинском и баргузинском говорах бурятского языка.

Выпадение *h* наблюдается в корневой и словообразовательной морфемах, например: *саһан* > *са'ан* 'снег', *загаһан* > *зага'ан* 'рыба', *бэшэ-һэн* > *бэша'ан* 'писавший'. Отмечая это явление В.И. Рассадин установил, что в бурятском языке, где процесс ослабления артикуляции зашел

дальше, чем в других монгольских языках, ослабление и выпадение интервокальных согласных и образование вторичной долготы гласных за счет стяжения происходит и в наше время. Это касается ослабления согласного $h < *s$ и выпадения его почти во всех западных говорах. В результате на месте двух слогов либо образуется настоящий долгий гласный, либо два гласных еще не успели стянуться в один монофтонг и пока сохраняют между собой хиатус. При этом если краткие гласные оказываются неоднотипными, то долгота устанавливается по второму гласному, например: СПМЯ *ḡiqasun* 'рыба' > бур. *zagahan* > *загуун* [Рассадин, 1982, 54—57].

Г.Д. Санжеев зафиксировал образование долгих гласных из нормальных или кратких гласных: 1) в словах с одним открытым слогом, например: халх. $x'ī = < xi$ 'делать', $tā < ta$ 'вы', $bā < ba$; 2) в форме мн. числа на -уд, -үд, например: *номүд < номуд* 'книги', *герүд < гер-үд* (иногда *гернүд < гер=нүгүд*); 3) в формах род. падежа на -ун ~ -үн и -у ~ -ү, например: *номүн < номун* 'книги', *хөдүн < көд-үн* 'ноги'; 4) в формах разделительного деепричастия и причастия наст. времени, если их суффиксы наращиваются к глаголам с конечными дифтонгами или долгими гласными, например: *бүгэд < багуғад* 'спустившись', *нүгед < негүгед* 'откочевав' [Санжеев, 1964, 26]. Подобные типы долгих гласных рассматриваются некоторыми исследователями как сохранение древней долготы [Porre, 1955, 179; Рассадин, 1982, 57—59].

Б.Я. Владимирцов отметил наличие в халхаском "наречии" долгих гласных, возникших на месте древнемонгольских гласных, на которых падало второстепенное ударение, а также дифтонгов, возникших благодаря "перелому". В халхаском есть также долгие гласные и дифтонги, развившиеся недавно на халхаской почве [Владимирцов, 1929, 305]. Сохранение первичных долгот в могольском, дагурском, монгорском языках, которым соответствуют краткие гласные в других монгольских языках, отмечено многими монголистами (см., например: Hattori, 1961; Porre, 1962; Ligeti, 1964₂; Doerfer, 1964).

На основании некоторых ранних тунгусо-маньчжурских монголизмов ученые пытаются установить наличие прамонгольских первичных долгих гласных, т.е. не восходящих к долготным комплексам и напоминающих, например, туркменские долгие гласные в словах типа *a:t* 'имя' и *o:t* 'огонь', но это пока не доказано [Санжеев, 1981, 246].

Вопрос об образовании долгих гласных из дифтонгов не вызывает разногласия у монголистов, но сам факт наличия их в звуковом составе древнемонгольского языка не получил однозначного подтверждения среди исследователей монгольских языков. Б.Я. Владимирцов указывал, что древнемонгольские наречия (во всяком случае то, на основе которого возник монгольский письменный язык) не знали ни долгих гласных, ни дифтонгов. Впоследствии в монгольском письменном языке появились нисходящие дифтонги: $*V + w > V + u \sim ü$, $*V + y > V + i$. Халхаское же наречие сильно отличается от древнемонгольского и монгольского письменного тем, что в состав его вокализма входят как

Слог	Языки				Значение
	классический	калха-монгольский	бурятский	обратский	
Первый	[aj] — аймаг [ej] — дејил [oj] — ојтра [uj] — хуила- [yj] — үйле	[aě] — аёмák [i] — дил- [oě] — оёрó [yi] — хуила- [yí] — үйле	[aě] — аёмák [i] — д'ил- [oě] — оёрó [yi] — хуила- [yí] — үйле	[á] — а́мак [í] — дил- [õ] — õр [ÿ ~ ý] — хÿл- [ÿ́] — ү́л	аймак одолеть близко подниматься (о вихре) деяние
Непервый (или в однословных словах с конечным открытым)	[ai] — цай, нохай [ei] — кеi [yi] — харангуй [yí] — бÿегүй	[á, oě] — цáй-цá [oě] — нохóе [i, e] — х'í [yí ~ í] — харангуй [yí ~ í] — бÿегүй	[á] — сá [oě] — нохóе [i, e] — х'í [yí ~ í] — харангуй [yí ~ í] — бÿегүй	[á] — цá [á] — нохá ~ нохá [í] — к'í [ÿ] — харангуй [í ~ ý] —	чай собака воздух темный женщина

долгие гласные, так и дифтонги. Халхаские долгие гласные возникли в результате эволюции комплексов *V + γ ~ g ~ w ~ ñ + V или V + u ~ ü < *V + w, а в более редких случаях V + i. Отсутствие долгих гласных и дифтонгов в "древних монгольских наречиях" Б.Я. Владимирцов доказывает данными лексических заимствований в старописьменном монгольском языке, звуковая структура которых не сохранила долгие гласные и дифтонги, хотя таковые имеются в том языке, из которого они заимствованы [Владимирцов, 1929, 305].

Проф. Г.Д. Санжеев [Санжеев, 1953, 81] отмечал, что монгольский язык XIII в. еще не знал дифтонгов, нашедших отражение в классическом языке, схематическое сопоставление с данными которого показывает, как и из чего образовались дифтонги в живых монгольских языках, а в ойратском — долгие гласные. Однако существовала гипотеза, что в древнемонгольском языке уже были дифтонги *aji, *oji и т.д., восходящие к прамонгольской группе типа *ayī, *aβi и т.д.: монг. письм. *sajin* < **sayin* 'хороший' = тюрк.: уйгур. *say* 'здоровый'; монг. письм. *qajiči* < **qabiti* 'ножницы' = тюрк.: якут. *kipti* 'то же' и т.д. [Рорре, 1955, 76].

Не вдаваясь в детали этих споров, следует отметить, что в памятниках среднемонгольского языка были зафиксированы дифтонги, например: *aiqu-* 'бояться', *baiiqsan* 'стоявший' [Мук., 115]; *koina* 'сзади', 'после' [Ligeti, 1954, 136].

В современных монгольских языках имеются дифтонги, которые употребляются в разных позициях в слове и имеют качественные и количественные различия в каждом из монгольских языков. Б.Я. Владимирцов предполагал, что качество развившегося дифтонга обуславливалось тем, был ли исходный дифтонг ударным или безударным. Характер развившегося долгого гласного из дифтонгов определялся преимущественно по первому ударному гласному дифтонгового комплекса [Владимирцов, 1929, 266—310]. Эта же мысль развита проф. Ш. Лувсанванданом, который отметил, что в дифтонговых комплексах выделяется первый гласный и долгота определяется по первому гласному [Лувсанвандан, 1977, 97].

Г.Д. Санжеев дифференцированно подходил к развитию дифтонгов в первых и непервых слогах и находил черты общего в халхаском и бурятском языках, с одной стороны, и различие в ойратском — с другой (табл. 4) [Санжеев, 1953, 80—81].

Дифтонг *ei в окончании совместного падежа дал долгое ē в халхаском и бурятском языках. Д.А. Павлов отмечал, что процесс образования долгого монофтонга из дифтонговых комплексов более регулярно наблюдается в калмыцком языке [Павлов, 1974, 218—225]. В ойратском, калмыцком языках монофтонгизация исторических дифтонгов закончилась, ибо в них нет дифтонгов, так же как в говорах и подговорах калмыцкого языка [Кичиков, 1963; Убушаев, 1979].

Бурятский язык не дает единой картины в процессе образования долгих гласных из дифтонгов. В литературном бурятском языке, как и в литературном халха-монгольском, сохранились исторические диф-

тонги **aji*, **oji*, **yji*, **yji*. И только **eji* дал долгое \bar{i} в первых слогах и долгое \bar{e} в непервых слогах в бурятском и халха-монгольском языках.

И.Д. Бураев методами экспериментальной фонетики установил, что в литературном бурятском языке дифтонги *ae*, *oe*, *ui* проявляются как долгие гласные преимущественно в непервых слогах, в первых же они произносятся ближе к дифтонгам, а исторические дифтонги **ui*, **yi* развились в долгий монофтонг [и:], обозначаемый графемой *ы* [Бураев, 1959, 143, 144—145, 149—151, 157].

Что касается бурятских говоров и диалектов, то там процесс монофтонгизации дифтонгов проявляется по-разному.

Для восточных говоров это менее характерно [Руднев, 1913—1914, с. I—V]. Тенденция к образованию долгих гласных из исторических дифтонгов более последовательно наблюдается в боханском [Хомонов, 1965, 41], аларском [Поппе, 1930₁, 57—58], нижеудинском [Санжеев, 1930; Дарбеева, 1978, 29—33, 37—42], тункинском [Абашеев, 1965, 7—8], эхирит-булагатском [Матхеев, 1957, 202], качугском [Митрошкина, 1968, 49—50], окинском [Рассадин, 1982, 61—62], баргузинском [Раднаев, 1965, 81] говорах и диалектах бурятского языка. Вместе с тем каждый из них обладает своей спецификой. Наиболее регулярно этот процесс проявляется в нижеудинском и аларском говорах. Возможно, это объясняется тем, что среди носителей данных говоров имеются ойратские этнические группы, сохранившие черты прежнего языкового состояния. Это в какой-то степени соотносится с предположением фонетистов, в частности В.М. Наделяева, о том, что артикуляционная база произносительного аппарата данного этноса представляет устойчивый элемент.

Исследователи полагают, что более последовательно исторические дифтонги в бурятском языке дали долгие гласные в ауслaute слова. И это норма для всех бурятских говоров, включая и восточные. В западных говорах процесс образования долгот охватил также начальную и срединную позицию слова [Рассадин, 1982, 59—65].

Причину монофтонгизации дифтонгов В.И. Рассадин объясняет общей тенденцией к ослаблению артикуляции. При этом сверхслабые щелевые спиранты *j* и *i* в комплексах *yui* и *yi* между гласными, а также в абсолютном конце слова совсем ослабевают и вокализуются. Нисходящие дифтонги, представляющие собой сложные сочетания гласных, постепенно переходящих друг в друга, развиваются в один долгий качественно неоднобразный гласный. Г.Д. Санжеев полагал, что меньшая или все уменьшающаяся степень изменения в процессе артикуляции дифтонгов привела в ойратских диалектах к их полному превращению в долгие гласные, вследствие чего эти диалекты не знают дифтонгов; прочие монгольские диалекты приблизились к ойратским в отношении дифтонга *ae*, который, особенно в непервых слогах, превратился в долгий гласный переднего ряда \bar{a} и дифтонг *ei*, который во всех слогах перешел либо в \bar{e} , либо в \bar{i} [Санжеев, 1953, 80].

Образование долгих гласных из дифтонгов менее характерно для литературного халха-монгольского языка и языка монголов Внутрен-

ней Монголии (см., например: [Владимирцов, 1929; Санжеев, 1953; Лувсанвандан, 1967₂; Мөөмөө, 1979]). Однако отдельные диалекты халха-монгольского языка сохранили черты своего исконного языкового состояния. Например, в ойратском диалекте нет дифтонгов: они образовали долгие монофтонги. Материалы словаря бурятского диалекта халха-монгольского языка, составленного Г. Гантогтох, свидетельствуют, что в этом диалекте наблюдается тенденция к монофтонгизации ауслаутных дифтонгов по типу восточных говоров, диалектов бурятского литературного языка в Бурятии. Таким образом, образование долгих гласных от дифтонговых комплексов проходило неравномерно в литературно-письменных монгольских языках.

Однако конститутивно-дифференциальный признак долготы и краткости гласного является одним из основных фонетических признаков гласных в литературно-письменных халха-монгольском, бурятском, калмыцком языках и в языке монголов Внутренней Монголии на территории КНР.

Г.Д. Санжеев предлагает рассматривать дифференцированно долгие гласные первых и непервых слогов в связи с тем, что долгие гласные первых слогов образованы иначе, чем непервых; долгие гласные в первых слогах более или менее сходны в монгольских языках, а в непервых – нет. Исследователь отмечает общий путь образования долгих гласных, деля его на три этапа, а именно: 1) около XII–XIII вв. – интервокальные проточные согласные *z*, *ʃ*, *j*, *w* превращаются в проточный же *h* (*h* – хиатус), который во многих диалектах сохраняется в течение XIII–XIV вв., о чем свидетельствуют данные квадратной письменности. На наличие проточных согласных еще в XII–XIII вв. указывает фонетический облик классического (старописьменного) языка; 2) около XIII–XIV вв. интервокальный *h* исчезает, в результате чего образуется двослог – “гласный + гласный” (едва ли дифтонг); об этом говорят данные исследований монгольских диалектов Востока и Запада китайскими и среднеазиатскими филологами (этот первый этап еще полностью не пройден могольским и дагурским языками); 3) около XIV–XV вв. двослоги – гласный + гласный – в течение очень короткого времени стянулись в один слог [Санжеев, 1953, 77–78].

Долгие гласные *ā*, *ō*, *ē*, *ū*, *ī* являются общими для всех письменномонгольских языков, а гласные фонемы *ā̄*, *ō̄*, *ū̄* свойственны калмыцкому языку, ойратским диалектам; в других монгольских языках им соответствуют преимущественно гласные *ā*, *ō*, *ū*.

Необходимо добавить, что долгота гласных имеется не во всех монгольских языках. Бесписьменные монгольские языки занимают здесь особое место. Эта группа языков, состоящая из шести языков (дунсянского, баоаньского, монгорского, дагурского, шира-югурского на территории КНР и могольского в Афганистане), обнаруживает очень пеструю картину в отношении наличия или отсутствия признака долготы в вокализме, эволюции древних звукокомплексов ГСГ в каждом из этих языков, поэтому анализ материала будет дан по отдельным языкам.

В дунсянском языке нет долгих гласных [Тодаева, 1961, 7]. Б.Х. То-

даева, отмечая особенности вокализма дунсянского языка, указывает на следующее:

1. До сих пор в дунсянском языке сохранились отдельные слова в звуковых формах, утерянных другими монгольскими языками в XII–XIII вв., например: монг. письм. *taγa-*, дун. *таҗа-*, совр. монг. *таа-* ‘отгадывать’ и др.

2. Имеется небольшое количество слов, характерных для монгольской речи XIII–XIV вв., в которых впоследствии исчез интервокальный согласный *γ*, в результате чего образовалось сочетание неодинаковых гласных, например:

СПМЯ	дун.	совр. монг.	
<i>niyu-</i>	<i>ниу-</i>	<i>нуу-</i>	‘прятать’
<i>zalaγu</i>	<i>джалау</i>	<i>залуу</i>	‘молодой’
<i>pege-</i>	<i>пизэ-</i>	<i>нээ-</i>	‘открыть’

3. В отличие от других монгольских языков гласные дунсянского языка не различаются по долготе и краткости [Тодаева, 1961, 7]:

СПМЯ	дун.	совр. монг.	
<i>asaγu-</i>	<i>аса-</i>	<i>асуу-</i>	‘спрашивать’
<i>aγula</i>	<i>ула</i>	<i>уул</i>	‘гора’
<i>paγadu-</i>	<i>наду-</i>	<i>наад-</i>	‘играть’

Материалы дунсянского языка очень четко показывают иное направление в эволюции древнемонгольских комплексов ГСГ по сравнению с литературными языками. Наиболее характерными признаками следует считать два явления. Прежде всего, это выпадение интервокального согласного в древнемонгольском звуковом комплексе в ряде общемонгольских слов без образования долгих гласных, например:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	дун.	
<i>asaγuqu</i>	<i>асуух</i>	<i>асууха</i>	—	<i>аса-</i>	‘спрашивать’
<i>buruγu</i>	<i>буруу</i>	<i>буруу</i>	<i>буруу (буру)</i>	<i>буру</i>	‘неверный’
<i>bögere</i>	<i>бөөр</i>	<i>бөөрэ</i>	<i>бөөр</i>	<i>борэ</i>	‘почки’
<i>quruγun</i>	<i>хуруу</i>	<i>хурган</i>	<i>хурһн</i>	<i>гурун</i>	‘палец’
<i>doluγan</i>	<i>долоо</i>	<i>долоон</i>	<i>долаан</i>	<i>долон</i>	‘семь’
<i>imayan</i>	<i>ямаа</i>	<i>ямаан</i>	<i>ямаан</i>	<i>јіман</i>	‘коза’
<i>doliya-</i>	<i>долоо-</i>	<i>дол’оо-</i>	<i>долаа-</i>	<i>долу-</i>	‘лизать’
<i>qalaγun</i>	<i>халуун</i>	<i>халуун</i>	<i>халуун</i>	<i>калун</i>	‘горячий’
<i>jegun</i>	<i>зүү</i>	<i>зүүн</i>	<i>зүүн</i>	<i>джун</i>	‘игла’
<i>uγuta</i>	<i>уут</i>	<i>уута</i>	<i>уут</i>	<i>фуда</i>	‘мешок’
<i>ulaγan</i>	<i>улаан</i>	<i>улаан</i>	<i>улаан</i>	<i>хулан</i>	‘красный’

Здесь приведены разные рефлексы древних звуковых комплексов ГСГ в литературных языках и в бесписьменном дунсянском. В литературных языках из комплексов ГСГ образуются долгие гласные, которым соответствуют краткие гласные в дунсянском. Дунсянский язык отличается от литературных языков не только образованием кратких вместо долгих гласных от одних и тех же звуковых комплексов ГСГ. Комплексы с переднерядными гласными типа **öge*, **üğü*, **egü* в дунсянском языке дали краткий гласный заднего ряда вследствие отсутствия в нем переднерядных гласных *ö*, *ü*.

Вторая особенность рефлексов древнемонгольских звуковых комплексов ГСГ в дунсянском языке заключается в сохранении промежуточной фазы эволюции этих комплексов в виде модели Г'Г, которая была зафиксирована в различных памятниках монгольской речи XIII–XIV вв. арабскими, армянскими, грузинскими, персидскими филологами. Здесь наблюдается большое разнообразие вариантов развития комплексов, но для дунсянского языка характерно сохранение обеих гласных после выпадения интервокального согласного, например: СПМЯ *vaγu-* 'спускаться' > калм. *буух-*, дун. *бай-*; СПМЯ *jalayū* 'молодой' > бур. *залуу*, дун. *джалау*; СПМЯ *kiraγū* 'иной' > х.-монг. *х'уруу*, дун. *кырэу*; СПМЯ *taγū* 'плохой' > бур. *муу*, дун. *мау*; СПМЯ *jegüdüñ* 'сон' > х.-монг. *зүүд*, бур. *зүүдэн*, дун. *джеуджизэн*.

После выпадения интервокального согласного звуковой состав слова характеризуется: а) наличием кратких гласных вместо звукокомплексов с интервокальным согласным; б) сочетанием двух гласных разного качества, например звукокомплекс **aγu-* дал рефлексы: 1) *ау*: *джалау* 'молодой', *бай-* 'спускаться', *мау-* 'плохой'; 2) *эу*: *кырэу* 'иной < *kiraγū*; 3) *уа*: *куачын* < *qaγučin* 'старый, поношенный'; **egi* > *эу*: *джеуджизэн* < *jegüdüñ* 'сон'; *iγ*: *иилиу* < *ilegü* 'излишек', 'лишний'; **iγu-* > *иу*: *ниу* < *jniγur* 'лицо'; **uγa* > *уа*: *джыгуан* < *jirγuγan* 'шесть'; **üge* > *уэ*: *чуэ* < *joge* 'носить', 'таскать'; **iye* > *иэ*: *иниэдун* < *iniyeden* 'смех' и т.д.

Такая специфика в эволюции звукокомплекса с интервокальным согласным в дунсянском языке обусловлена, очевидно, влиянием системы гласных китайского языка. Сохранению двослогов в одной из форм эволюции звукокомплексов общемонгольских слов типа *мау* 'плохой', *бай-* 'спускать, спускаться' и т.д. способствовало своеобразие вокализма самого дунсянского языка: для дунсянской фонетики характерно сочетание гласных разного качества, несвойственное литературно-письменным монгольским языкам. Дело в том, что сочетание гласных разного качества представляет собой обычную норму звуковой структуры дунсянских слов. Сочетания гласных *ау*, *уа*, *эу*, *иу*, *иэ*, *уи* встречаются не только в китаизмах, но также и в общемонгольских словах дунсянского языка. Наиболее распространены сочетания *ау*, *уа*, *эу*. Действие этой звуковой нормы дунсянского языка особенно ярко проявляется в трансформированных формах общемонгольских слов:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	дун.	
tabun	тав(ан)	табан	тавн	тавуан	'пять'
dala	дал	дала	дал	талэу	'лопатка'
toγuriγun	тогоруу	тохорюун	тоһрун	туангарі	'журавль'
ungsi-	унших	уншаха	умшх	уаншы-	'читать'
šilün	шөл	шүлэн	шөлн	шулэз	'суп'
bidügün ~ бүдүгүн	бүдүүн	бүдүүн	бүдүүн	біэдун	'толстый'
širügün	ширүүн	шэрүүн	шүрүүн	шэрун	'грубый, суровый'
quduγ	худаг	худаг	худг	ғудеу	'колодец'

Китаизмы дунсянского языка полностью сохранили свойственные китайскому языку сочетания гласных в структуре слова, например:

дун.	кит.	
гуафу	гуафу	'вдова'
гуа	гуа	'дыня'
вунхуа	вэньхуа	'культура'
лианхуа	ляньхуа	'лотос'

Однако некоторые китаизмы трансформируются в сочетаниях типа *ao, ou – o* переходит либо в *y*, либо в *э*:

дун.	кит.	
гунлау	гунлао	'подвиг'
гэушин	гоусюн	'медведь'
дапау	дапао	'пушка'
дау	дао	'нож'
джау	чжао	'но; соогласно'
джынтэу	чжэньтоу	'подушка'
путау	путао	'виноград'
саучы	саожоу	'веник'
шыхэу	шихоу	'время'

Стечение двух гласных разного качества в слове составляет одну из особенностей вокализма дунсянского языка, поэтому сохранение модели Г'Г древнего звукового комплекса обусловлено системой гласных, на развитие которых существенное влияние оказал вокализм иноструктурного языка.

Баоаньский язык имеет свои особенности в отношении реализации долгих гласных. Б.Х. Тодаева отмечает, что долгие гласные баоаньского языка обладают двумя особенностями: во-первых, они встречаются в односложных словах и в первом слоге двухсложных слов; во-вторых, они не обладают особой смыслоразличительной функцией [Тодаева, 1964, 5]. Иначе говоря, автор полагает, что вопрос о наличии фонологического признака долготы/краткости в баоаньском языке требует дополнительного изучения, хотя, выделяя долгие гласные *ā, ō, ū, ē*, указывает на отсутствие качественного различия между долгими и краткими гласными. Анализ структуры монгольских слов, имевших долготный комплекс ГСГ и ныне употребляющихся в баоаньском языке, показал следующее: 1) в них не сохранились звукокомплексы ГСГ; 2) наблюдается выпадение интервокального согласного без образования долгих гласных. Древние монгольские звукокомплексы ГСГ в монгольских словах баоаньского языка представлены преимущественно в виде кратких гласных.

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
*iyu	ariyun > аруң	ариун	арюун	эрүүн	'чистый'
*iya	ačiyān > ачаң	ачаа(н)	ашаан	ацан	'груз'
	takiya > тэха	тахиа	тахья	така	'курица'
*iye	ūniyen > унаң	үнээ(н)	үнеэн	үкр	'корова'
	iniyedün > пинэдоң	инээд(эн)	энедэхэн	инээдн	'смех'
*uyū	uyuta > фуда	уут	уута	уут	'мешок'

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
*ауа	ulaγan > фэлаң daγaγan > дахан imaγan > імаң	улаа(н) даага(н) ямаан	улаан дааган ямаан	улаан гаahn ямаан	'красный' 'жеребенок' 'коза'
*ауи	qalaγun > хулуң daγun > дуң jaγun > джоң	халуун дуун зуу(н)	халуун дуун зуун	халуун дуун зуун	'горячий' 'голос' 'сто'
*егү	ilegü > шілу~ хэлу	илүү	үлүү	үлүү	'лишний'
*ууа	siγua > шіро	шорой	шорой	шора	'пыль'
*еге	degesün > дэсоң tegerme > тэрмаң	дээс(эн) тээрэм	дэээн тээрэмэ	деесн теерм	'веревка' 'мельница'
*өге	jögelen > джулаң	зөөлөн	зөөлэн	жөөлкн	'мягкий'
*үй	kyuiten > кітаң	хүйтэн	хүйтэн	киитн	'холодный, сырой'
*оуі	noγitan > нитаң	нойт(он)	нойтон	–	'мокрый'

Приведенные примеры показывают различную эволюцию звуко-комплексов в этих монгольских словах: 1) в литературно-письменных монгольских языках образуются долгие гласные; 2) в бесписьменных островных языках, в частности в баоанском, – краткие гласные. В словах с разными гласными обычно сохранялся второй гласный комплекса, например *ačijān > ачаң*, *kejiye > кэджэ*, *qalaγun > хулуң*, *taγu > му* и т.д., т.е. образование краткого гласного шло по второму гласному комплекса. Иногда встречаются отступления от этого правила, а именно: 1) комплекс **öge* дал рефлекс у: *jögelen > джулаң* 'мягкий'; 2) комплекс **iye* дал рефлекс в виде а: *iniyen > унаң* 'корова'; 3) комплекс *aγu > о*: *jaγun > джоң* 'сто'; 4) комплекс *uγa > о*: *siγua > шіро* 'пыль', 'прах'; *jiγuγan > джирџон* 'шесть'.

В баоанском языке наблюдается еще одна разновидность трансформации общемонгольских слов со звуковым комплексом, при которой опускается весь звуковой комплекс независимо от позиции в слове, т.е. он выпадает в начале, в середине и на конце слова. Например, **aγu* выпал в инлауте слова: СПМЯ *adaγusun ~ aduγusun* 'скот' > *асоң* в том же значении; СПМЯ *asaγuqu > асхэ* 'спрашивать'. Эти трансформированные монгольские слова представляют собой соединение начального и конечного слогов с опущением двух слогов в середине слова, т.е. с опущением звукокомплекса ГСГ. Слово *egüden* 'дверь' в баоанском языке приобрело форму *ндаң*, т.е. опущен звукокомплекс в начале слова с наращением согласного *н*. От старописьменного монгольского *qiriγun* 'палец' в баоанском сохранился лишь начальный слог *хур*, т.е. опущен звуковой комплекс ГСГ в ауслауте.

Долгие гласные в общемонгольских словах встречаются преимущественно в глагольных словоформах, например:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
baγuqu	бу-	буух	бууха	буух	'спускаться'
jiγaqu	джā	заах	зааха	заах	'указывать'
saγu-	сү-	суу-	һуу-	суу-	'сидеть, садиться'
taγaqu	тā-	таах	тааха	тээлх	'отгадывать'

Подобные рефлексы древних звуковых комплексов в общемонгольских словах баоаньского языка обычно сходны с долготами в литературных монгольских языках. Различие наблюдается в именных словоформах, например:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
piγur	н᠔r	нүүр	нюур	нүүр	'лицо'
ayula	᠔лэ	уул(ан)	уула	уул	'гора'
egülen	᠔лоң	үүл(ен)	үүлэн	үүлн	'облако'

Комплексы *iγu, *aγu, *egū в одних и тех же словах дали разные рефлексы: в литературных монгольских языках долгий переднерядный гласный *ᠶ*, а в баоаньском языке – долгий заднерядный *᠔*.

Среди слов баоаньского языка с долгими гласными встречаются такие монгольские слова, которые не имеют долготы в аналогичных словах литературных монгольских языков, например:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
uyila-	ла-	уйлах-	уйлаха	уульх	'плакать'
unayu	н᠗-	унах	унаха	унх	'падать'
padadu	н᠗дэ	надад	намда	нанд	'мне, меня'
tebrequ	т᠗рэ	т᠗врэх	т᠗бэрхэ	т᠗врх	'обнимать'
aba	᠗бе	ав	аба	ав	'отец'

Появление долгот в первых четырех словах баоаньского языка объясняется, возможно, выпадением слогов в разных позициях слова. Обращает на себя внимание наличие долготы в начальном слоге слов, обозначающих термины родства не только в баоаньском, но и в монгольском языках. В слове *ᠶуа* 'мыть' < *uγūya > *uγūya* произошла метатеза, и долгота в слове *угааха* заменилась сочетанием гласных *уа*, характерным для вокализма монгольских языков Китая. Стечение гласных *уа* проникло в современный монгольский язык в структуре китаизмов, но это явление не отразилось на фонетике языка реципиента.

Монгорский язык занимает особое место среди бесписьменных островных языков в отношении функций и образования долгих гласных. Прежде всего исследователи отмечают наличие долгот в диалекте хуцзу и отсутствие долгих гласных в диалекте минхэ [Тодаева, 1973, 12–16].

Б.Х. Тодаева, обобщившая все наблюдения предшествующих исследователей монгорского языка, рассматривала этот язык в основном на материале диалекта хуцзу. Образование долгих гласных в этом диалекте Б.Х. Тодаева связывает с древнемонгольскими звуковыми комплексами ГСГ и дифтонгами [там же, 16]. Вместе с тем автор указывает и на наличие таких долгих гласных в монгорском языке, которые соответствуют кратким гласным в литературно-письменных монгольских языках.

Мы стремились, во-первых, проследить рефлексы древнемонгольских звуковых комплексов ГСГ, а также дифтонгов в общемонгольских словах монгорского языка; во-вторых, выявить долгие гласные, не

имеющие соответствий в литературно-письменных монгольских языках. В результате установлены следующие любопытные явления: 1) выпадение согласного элемента из этого комплекса с сохранением его гласных – Г + Г; 2) образование долгих гласных; 3) образование кратких гласных. Иначе говоря, здесь представлены все возможные модели развития древнемонгольских комплексов, давшие в литературных монгольских языках преимущественно долгие гласные.

Выпадение согласного в этих долготных комплексах и сохранение двослогов, прошедших стадию Г + h + Г с хиатусом, было зафиксировано в памятниках XIII–XIV вв., т.е. в среднемонгольском языке. Следовательно, монголы, отделившиеся от остального этнического массива в XIII в., сохранили черты своего прежнего языкового состояния в реализации комплекса ГСГ.

Но этот фонетический процесс в монгорском весьма своеобразен. Его специфика обусловлена самой системой гласных, развившейся под сильным влиянием иноструктурных языков. В монгорских словах встречаются сочетания:

- 1) *ie* в словах: *diel* < *degel* 'шуба'; *imie* < *emegel* 'седло';
- 2) *iē*: *imiēn* < *temegen* 'верблюд'; *uipiē* < *siregen* 'стол';
- 3) *iū*: *diū* < *degū* 'младший'; *джиū* < *jegün* 'иголка'; *ниūr* < *niγur* 'лицо';
- 4) *iō*: *джиōлон* < *jögelen* 'мягкий'; *джиōро* < *jaγura* 'между, среди';
- 5) *io*: *джион* < *jaγun* 'сто'; *джиōро* < *jiruγa* 'иноходь';
- 6) *iā*: *джиāр* < *jigür* 'крыло'.

В приведенных примерах общим является выпадение интервокального согласного *g*, *γ* в комплексах *ege*, *egu*, *iγu*, *igü*, *aγu*, *uγa*, прошедших промежуточные фазы *e'e*, *e'ü*, *i'u*, *a'u*, *u'a* в других монгольских языках. Но в монгорском языке выпадение интервокального согласного *g*, *γ* сопровождалось также заменой первого гласного элемента комплекса гласным *i*. Это наблюдается преимущественно в долготных комплексах с переднерядными гласными элементами.

Таким образом, в общемонгольских словах монгорского языка встречаются сочетания *iu*, *io*, *ie*, *yi* вместо долготных комплексов, давших долгие гласные в литературно-письменных языках, например:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
jaγun	джион	зуу(н)	зуун	зуун	'сто'
niγu-	ниу	нуух	нюуха	нуух	'прятать'

Наличие двух рядом стоящих разных гласных весьма распространено в бесписьменных островных монгольских языках китайского региона, что объясняется, очевидно, влиянием звуковой структуры слов китайского языка. В монгорском языке много слов, содержащих такие сочетания: *хуа*- 'делить' < *qibaγa*-, *буар* 'два' < *goγar*, *нокуор* 'товарищи' < *nökür*; *олуон* 'много' < *olan*; *сугуо* 'топор' < *süke*; *фугуор* 'бык' < *üker*, которые образованы по типу китайских слов.

Большинство долгих гласных в общемонгольских словах монгорского языка, образованных от долготных комплексов, соответствуют долгим гласным в письменных монгольских языках, например:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
bayatur	батур	баатар	баатар	баатр	‘богатырь’
budayan	будā	будаа(н)	будаа	буудя	‘крупа’
birayu	бурū	бярүү	буруу	–	‘теленок’
yalayu	җалū	галуу(н)	галуун	һалун	‘гусь’
doluyan	долон	долоо(н)	долоон	долаан	‘семь’
ayuški	ошкі	уушги(н)	уушха	оошк	‘легкие’

Черты сходства с письменными языками проявляются также и в том, что при однотипных гласных комплексах качество долгого не меняется; *ege* дает *ē*: *dēce* < *degesün* ‘веревка’; *aya* дает *ā*: *dāra-* < *daɣara-* ‘мерзнуть’; *uyu* дает *ū*: *fūda* < *uyuta* ‘мешок’.

Различие обнаруживается при разнотипных гласных элементах комплекса. В литературных монгольских языках долгота образуется преимущественно по второму гласному элементу комплекса. В монгорском же возможно образование долгих и по первому, и по второму компонентам звукокомплекса, а также развитие качественно иного долгого. Образование долгот по первому гласному: СПМЯ *γurbayula* > монгор. *γурāла* ‘втроем’, бур. – *гурбуулаа* ‘то же’; СПМЯ *ayuški* > *ошкі* ‘легкие’. Многие из них совпадают с долготами в письменных языках типа: *mō* < *toɣa*, х.-монг., бур. *тоо* ‘счет’, ‘число’; *bō-* < *boɣu-*, х.-монг., бур. *боо-* ‘связывать’. Образование долгих гласных с изменением гласных элементов обусловлено прежде всего отсутствием переднерядных гласных *ö*, *y* в монгорском. Примеры: *kō* < *kögü* ‘сажа’; *kōpce* < *kögesün* ‘пена’; *mēgi* < *tügükei* ‘сырой, недоваренный’; *nudē-* < *bütege-* ‘закрывать’, ‘покрывать’.

Иногда встречаются случаи выпадения долготных комплексов или дифтонгов в разных позициях слова, и долгие гласные оказываются либо перед выпавшим комплексом (*āce* < *adaɣusun* ‘скот’ – бур. *адаһан*, х.-монг. *адуун*), либо после, например: *lā-* < *uyila-* ‘плакать’. Подобные факты в монгорском встречаются редко.

Некоторые долготные комплексы, давшие долгие гласные в письменных монгольских языках, развились в краткие гласные в монгорском языке, как и в дунсянском, баоаньском, например:

СПМЯ	монгор.	баоан.	дун.	х.-монг.	бур.	
bidügün	бідун	–	біэдун	бүдүүн	бүдүүн	‘толстый’
küŋügün	гуджі	–	гуджун	хүзүүн	хүзүүн	‘шея’
ayula	ула	олэ	ула	уул	уула	‘гора’
qalayun	халун	хулуң	калун	халуун	халуун	‘горячий’
čigirag	чіраг	–	–	чийрэг	шиираг	‘сильный’

Аналогичные явления наблюдаются в рефлексах дифтонгов. Б.Х. Тодаева отмечает, что дифтонги письменного монгольского языка соответствуют в диалекте хуцзу в основном долгим гласным и дифтонгам, в диалекте минхэ – кратким гласным и дифтонгам, например [Тодаева, 1973, 16]:

СПМЯ	хуцзу	минхэ	
taulai	тулі	тулі	'заяц'
poqai	нохуё	нокоі	'собака'
küiten	куітен	куітең	'холодный'
dülei	дулі	дулеі	'глухой'

В монгорском языке отдельные случаи монофтонгизации дифтонгов совпадают с аналогичными явлениями в калмыцком, но отличаются от халха-монгольского и бурятского языков, например:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
sayıqan	сёған	сайхан	хайхан	сээхн	'красивый'
yaqai	хаёё	гахай	гахай	һахаа	'свинья'
qaranguıı	харангү	харангуй	харанхы	харıһуу	'темнота'
qayıči	хёджі	хайч(ин)	хайша	хээч	'ножницы'
manlai	манлі	магнай	магнай	маннаа	'лоб'
paıman	пїман	найм(ан)	найман	нээмн	'восемь'
poıtan	пїтен	нойт(он)	нойтон	–	'мокрый, влажный'
oroı	уріё	орой	орой	ораа	'поздно'

Долгие гласные встречаются в монгорском языке также в заимствованиях из китайского и тибетского языков, хотя последним не свойственны долгие гласные. При этом принцип образования этих долгот в целом несколько напоминает модели образования долгих гласных в общемонгольских словах, но с некоторыми отличиями, а именно: а) наблюдаются долгие гласные вместо сочетания гласных: кит. *цзаоцзы* – монгор. *цзүрі* 'финик'; кит. *као* – монгор. *күла*- 'опираться, прислоняться'; кит. *шихоу* – монгор. *сехү* 'время'; кит. *шоуцзинь* – монгор. *шүчін* 'платок'; кит. *тоушэн* – монгор. *түшен* 'шнурок для волос'; кит. *бао тоу* 'покрывать голову' – монгор. *бөту* 'головная повязка', 'покрывало'; б) долгие гласные вместо дифтонгов: кит. *маймай* – монгор. *мёмё* 'торговля'; кит. *цай* – монгор. *сё* 'зелень'; кит. *цай* – монгор. *дзёла*- 'сажать растения'; в) в односложных и двусложных глаголах образуются долготы преимущественно в первом слоге, но изредка встречаются и во втором слоге слова. Примеры: кит. *ла* – монгор. *лāкі*- 'вести за собой'; кит. *па* – монгор. *пāла*- 'ползать'; кит. *ца* – монгор. *сāкі*- 'вытирать, осушать'; кит. *дафа* – монгор. *дāфула* 'посылать, отправлять'; кит. *цифу* – монгор. *чīфула*- 'притеснять'.

Характер трансформации монгорами китаизмов и тибетизмов указывает на степень их владения этими языками. Большинство слов подверглось фонетическому изменению, и в соответствии с этим краткие гласные удлинились (помимо других трансформаций), например: монгор. *гāра* – тибет. *ka-ra* 'сахар'; монгор. *гачā* 'разговор' – тибет. *skadʂa*; монгор. *гёджор* 'кольцо' – кит. *цзечжи*; монгор. *дзёла*- 'приветствовать' – кит. *чжинцзин*; монгор. *лўса* 'мул' – кит. *лоцзы*; монгор. *сāр* 'основание' – тибет. *risur*; монгор. *сбāваг* 'лягушонок' – тибет. *shal-pa*; монгор. *сёр* 'монета' – тибет. *γser*; монгор. *шā* 'олень' – тибет. *ša-ba*; монгор. *шāше* 'песок' – кит. *шацзы*; монгор. *хантāдзе* 'рубашка' – кит.

ханышань. И даже при незначительном фонетическом изменении краткие гласные языка-источника приобретают свойства долгих в языке реципиента, например: монгор. *мўджа* 'свинья' – кит. *мучжу*; монгор. *нджіāла*- 'ходить на богомолье' – тибет. *mjal-ba*; монгор. *нўдзе* 'лавка' – кит. *пу-цза*.

Удлинение кратких гласных в китаизмах и тибетизмах в принципе свидетельствует о том, что эти заимствования проникли в монгорский язык, очевидно, в период, когда основная масса монголов не была двуязычной. Поэтому заимствования почти полностью приспособились к звуковой системе родного языка. Вместе с тем звуковая трансформация монгольских слов в монгорском языке и рефлексы древнемонгольского звукового комплекса ГСГ в форме кратких гласных и двослогов свидетельствуют о продвинутом этапе двуязычия монголов и об усиливающемся влиянии языков окружения на монгорскую фонетику.

Долгие гласные монгорского языка встречаются преимущественно в начале и на конце слова, тогда как в литературно-письменных языках долготы гласных не имеет позиционного ограничения.

Относительно наличия в монгорском языке долгих гласных, не имеющих соответствий в литературно-письменных монгольских языках, следует отметить, что единичные случаи таких явлений зафиксированы и в других бесписьменных островных монгольских языках. Долгие гласные в общемонгольских словах монгорского языка типа *tāven* < *tabun* 'пять', *mōdi* < *modun* 'дерево', *mēрге* < *tergen* 'телега', *xurā* < *qura* 'дождь' по происхождению не связаны со звуковым комплексом ГСГ.

Аналогичные долгие гласные, не имеющие соответствий в письменных монгольских языках, бытуют также в могольском языке и рассматриваются Л. Лигети как первичные долготы [Лигети, 1964, 1–48].

Исследователи отмечали наличие долгих гласных в дагурском [Ивановский, 1894; Поппе, 1930₂; Тодаева, 1960].

Рефлексы древнемонгольского звукового комплекса ГСГ представлены в дагурском языке в виде долгих гласных, кратких гласных и двослогов [Поппе, 1930₂, 18–126]. Комплекс **aγa* дал в дагурском долгое *ā*. Монг. письм. *yaγara* 'спешить' > даг. *jāra*, т.е. так же как и в других литературных монгольских языках; **uγu* > *ō*, *üγü* > *ū*, *iγa* > *iya* > *ē*. Н.Н. Поппе отмечал, что неодинаковые гласные звуковых ГСГ после выпадения согласного элемента долгое время сохранялись в виде дифтонгов: *aū*, *ēū*. Явления полного и неполного стяжения гласных зафиксированы в среднемонгольской речи XIII–XIV вв. в записях мусульманских ученых XIII–XIV вв. [Поппе, 1930₂, 118].

Фонетическая система дагурского языка обладает своей спецификой. Это отразилось и в вокализме, в частности в функциях долгих гласных. Звуковые комплексы ГСГ развились преимущественно в долгие гласные, и отмечено сравнительно немного слов с выпадением интервокального согласного типа: *daū* 'голос' < *daγun*, *deū* 'младший

брат', восходящее к **degü*; *сеул* 'хвост' < *segül*; *т'оалә* 'считать' < *тоғала*; *аур* 'гнев' < *агур*. В словаре дагурского языка встретились три фонетических варианта одного и того же слова, например: *аḡä* *дү* 'братья'; *деү* ~ *дү* 'младший брат' [Поппе, 1930₂, 76–77], т.е. три разных варианта рефлекса звукового комплекса **egü*. В дагурском словаре Муромского дан четвертый вариант – *aka dou* в значении 'друзья' (*Freund?*) [Kałużyński, 1969, 107].

Различное графическое изображение одних и тех же слов (в данном случае восходящих к звуковым комплексам ГСГ) наблюдается также у разных авторов, например: **агур* дал в дагурском звуковые варианты *аур* 'гнев' [Поппе, 1930₂, 69], а в словаре Ф.В. Муромского – *ahur* и *aur* [Kałużyński, 1969, 107, 110]. Наличие разных звуковых вариантов одного и того же слова как у одного, так и у разных исследователей может быть объяснено разным объектом изучения, ибо дагурский язык состоит из разных говоров: хайларского, бутхаского и цицикарского [Тодаева, 1960, 53]. Материалы Н.Н. Поппе основаны на данных хайларского говора, материалы Б.Х. Тодаевой – на данных бутхаского говора, а О.А. Ивановский и Ф.В. Муромский изучали разные говоры дагурского языка. К тому же дагуры расселены в различных хошунах, в провинции Хэй-лунцзян, в автономном районе Внутренняя Монголия, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, поэтому их язык подвергся различным влияниям.

В целом же дагурский язык отличается от других бесписьменных монгольских языков китайского ареала тем, что в нем больше заметно влияние маньчжурского языка. Кроме того, звуковая структура общемонгольских слов дагурского языка трансформирована не в такой степени, как в дунсянском, баоаньском и монгорском языках, хотя и здесь могут быть различия, связанные с конкретными условиями языковых контактов. Во всяком случае, можно допустить, что сохранение двослогов типа *ау*, *эу* (рефлексов **ауи*, **егü*) поддержано спецификой вокализма, для которого характерно стечение гласных, как в других островных монгольских языках китайского региона, под влиянием языка окружения. Есть основание предполагать, что долгие гласные и их функции обусловлены спецификой самого языка, ибо при звуковой адаптации китаизмов и маньчжуризмов наблюдается образование долгот в словах, которые не имели таковых в языке-источнике, например: *б'аң-хул* 'табакерка' < кит. *би-янь-хэ-эр*. Удлиняются краткие гласные: даг. *гүңгин* 'мера веса около фунта', маньчж. *gin* < кит. *цзинь* [Поппе, 1930₂, 74].

Относительно долгих гласных в языке шира-югуров Б.Х. Тодаева указывает, что долгие *ā*, *ō*, *ū*, *ē*, *ī* качественно не отличаются от кратких *a*, *o*, *u*, *e*, *i* [Тенишев, Тодаева, 1966, 47], т.е., так же как и в баоаньском языке, автор не признает фонологичности признака долготы/краткости в шира-югурском языке, хотя и выделяет долгие гласные. Некоторые из них нашли отражение в небольшом тексте приложения к указанной работе Б.Х. Тодаевой. Шира-югурский язык предоставляет очень интересный материал для изучения в связи с тем, что он образовался в

процессе монголизации части югуров, поселившихся в местах современного расселения еще в период Юаньской династии [там же, 7–8]. Вместе с тем Б.Х. Тодаева полагает, что язык шира-югуров представляет собой смешанный язык, с одной стороны включивший элементы фонетики и грамматики языка монголов Ганьсу, Цинхая и Синьцзяна, длительное время соседствующих с шира-югурами, а с другой – особенности монгурского, дунсянского и баоаньского языков [там же, 78].

Наиболее полные сведения по островному бесписьменному языку моголов Афганистана изложены в работах венгерского ученого акад. Л. Лигети. Могольский язык в Афганистане, как и дагурский в Северной Маньчжурии или монгольские диалекты провинции Ганьсу, относится к числу так называемых окраинных диалектов. Это значит, что и могольский язык сравнительно рано оторвался от общемонгольской языковой общности и развивался обособленно. Поэтому могольский язык тоже сохранил много черт среднемонгольской эпохи, которые неизвестны другим монгольским языкам. Наряду с этим он подвергся изменению под влиянием контактов с таджикским языком [Лигети, 1954, 102]. Л. Лигети установил, что в могольском языке присутствуют те же характерные черты, что и в монгольских глоссариях на арабском и персидском языках XIII–XV вв. (см.: Лейденский глоссарий неизвестного автора, Ибн-Муханн, Мукаддима ал-Адаб, неизданные истамбульские и парижский глоссарии, монгольские глоссы Рашид-эд-Дина, Джуванни, Хамдуллаха Казвини, Эвлия Челеби и др.). Эти магометанские авторы называют описанный ими язык "могал" или "могол", т.е. так же, как называют себя моголы Афганистана, ставшие мусульманами в мусульманском окружении [Лигети, 1954, 93–117]. Л. Лигети установил специфику могольского языка, исследовав его лексику [там же, 93–117, 119–158; 1964, 22] и фонетику [Лигети, 1964, 1–48], а также проанализировав опубликованную японским ученым С. Ивamuрой рукопись найденной последним в деревне Зирни в Афганистане "Manuscript de Zirni" и опубликованной в 1961 г. в Киото с предисловием Н.Н. Поппе. Материалы С. Ивamuры и Х. Шурмана по могольскому языку [Iwamura, Schurmann, 1954] интерпретированы в работе бурятского ученого Л.Д. Шагдарова [Шагдаров, Казанцева, 1969, 67–92]. Исследователи отмечают наличие долгих гласных в могольском языке, образованных в результате выпадения интервокального согласного, но обладающих своей спецификой, как и в других островных бесписьменных языках. Иначе говоря, звуковой комплекс ГСГ имеет рефлекс в виде долгих и кратких гласных, а также дифтонгов. Также наблюдаются долготы, происхождение которых не связано с эволюцией древних звуковых комплексов ГСГ, например: *mēqan* < **mikan* 'мясо'; *kunqon* < **kōnggen* 'легкий'. Рефлексы звуковых комплексов в могольском языке представлены в следующем виде:

**aγu* > *au*, *aï*, *ou*, *öü*, *uγ*: *aula* < **aγula* 'гора'; *daun* ~ *döun* < **daγun* 'голос';

**uγa* > *ā*, *ua*: *bāran* < **boruγan* 'дождь'; *quana* 'просыхает' < **qoγosun* ~ *quγasun* 'пустой', 'сухой';

**iγa* > *iō*: *niō*- < **niγa*- 'клеить';

**уу* > *у*, *u*: *buγdei* ~ *buγdai* < **buγudai* ‘пшеница’; *quru* ~ *qurun* < **quruγun* ‘пальцы’;
**iyu* > *i*: *nūr* < **niγur* ‘лицо’;
**oγa* > *oa*: *toa* < **toγa* ‘число’;
**ege* > *ō*, *ā*, *ei*: *emōl* < **emegel* ‘седло’; *temān* < **temegen* ‘верблюд’;
deisun < **degēsün* ‘волосяная веревка’;
**egü* > *öü*: *nöü*- < **negü*- ‘кочевать’ [Шагдаров, Казанцева, 1968, 77].

Могольский язык состоит из разных диалектов. Л. Лигети отмечает, что диалектное расчленение хорошо заметно у отмирающего могольского языка в Афганистане и рукопись “Zirni”, содержащая могольский словарь, переведенный на персидский язык, составлена моголом из племени марда. Диалект марда изучен лучше других диалектов могольского языка [Лигети, 1954, 103; 1964].

Вокализм этих диалектов имеет некоторые различия, но в целом язык сохранил следы среднемонгольского периода, в частности в эволюции древнемонгольских звуковых комплексов ГСГ.

В общемонгольских звукокомплексах ГСГ выпал интервокальный согласный, например: **ayu* > *au*, *öu*, *ou*: СПМЯ *ayula* ‘гора’ > могол. *aula*; СПМЯ *dayun* ‘голос’ > могол. *daun* ~ *döun*; **oγa* > *oa*: **toγa* ‘число’ > могол. *toa*. Наряду с двоеслогами наблюдаются также долгие и краткие гласные.

Таким образом, древнемонгольский звуковой комплекс ГСГ имеет в могольском языке рефлексы в виде двоеслов, долгих и кратких гласных. Вместе с тем исследователями замечено наличие в могольском языке долгих гласных типа *mēqan* ‘мясо’ [ZM, VI] < **miqan*; *tabun* ‘пять’ > *tāban* [ZM, VII], происхождение которых не связано с эволюцией древних звуковых комплексов ГСГ.

Резюмируя итоги наблюдения над рефлексами древнемонгольских комплексов ГСГ в бесписьменных островных языках, можно отметить следующее:

1. Эта группа языков обнаруживает общие с языком памятников среднемонгольского периода черты, выразившиеся в сохранении двоеслога после выпадения интервокальных согласных комплексов.

2. Древнемонгольские комплексы ГСГ развились в этой группе языков преимущественно в краткие гласные, но встречаются также и двоеслоги. Образование долгих гласных из этих звукокомплексов изредка наблюдается в дагурском языке.

3. В монгорском, дагурском и могольском языках исследователями замечено удлинение исторически кратких гласных в некоторых общемонгольских словах, происхождение которых не связано с долготными комплексами. Эти же слова, функционирующие в письменных языках, употребляются без долгих гласных. Явление удлинения кратких гласных объясняется некоторыми исследователями как следы первичных долгот. Однако это предположение оспаривается большинством монголоведов. Их доводы представляются нам вполне обоснованными в связи с тем, что подобных слов с первичными долготами очень мало в каждом из привлекаемых языков. Кроме того, эти долготы пози-

ционно ограничены преимущественно первым слогом в отличие от нормальных долгих гласных, употребляемых в разных позициях в структуре слова. К тому же бесписьменные монгольские языки китайского региона имеют свою специфику. В них долготы/краткость гласных не является конститутивно-дифференциальным признаком гласных фонем, так как этот фонологический признак гласных монгольских языков утрачен данными языками под влиянием их многовекового повседневного контакта с китайским и тибетским, в которых отсутствуют долгие гласные.

КОНСОНАНТИЗМ

Как известно, существуют разные способы описания согласных в монгольских языках (см., например: [Рамстедт, 1908; Владимирцов, 1929; Санжеев, 1953; Рорре, 1955; Рассадин, 1982; Бураев, 1987; Биткеев, 1995]). В данной работе согласные классифицируются по месту образования: губные, передне-, средне- и заднеязычные, увулярные. Этот признак являлся основным в древнемонгольском языке, и он свойствен согласным почти всех монгольских языков и диалектов.

ГУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

*р

Рамстедт предполагал, что монголо-тюркский праязык имел особый анлаутный согласный звук: глухой губно-губной придыхательный *р, который впоследствии развился в билабиальный спирант *ф, а в средневековых монгольских языках дал рефлекс в форме глухого щелевого h [Ramstedt, 1916–1920, 2, 32]. Относительно анлаутного *р в алтайских языках Н.Н. Поппе пишет следующее: "древнемонгольский *р > в среднемонгольском h, в монгорском > f (в других позициях χ и т.д.), в маньчжурском > f, в гольдском > р, в эвенкийском > h, в корейском > р и рh, в пратюркском *h, в древнетюркском *h, в юго-восточной и юго-западной группах > h, во всех остальных – нулевое соответствие" [Рорре, 1960, 10].

В современных монгольском, бурятском, калмыцком и ойратском языках, так же как и в могольском, анлаутный *р бесследно исчез [Санжеев, 1963; Рорре, 1960, 11; Рассадин, 1982, 18–70]. Вместе с тем В.И. Рассадину удалось обнаружить несколько слов в бурятском языке, в которых сохранился начальный h: бох. *haхар* 'шерсть второй стрижки', зап.-бур. *ахар* 'то же', лит. бур., х.-монг. *ахар* 'короткий', 'низкий', 'овечья шерсть осенней стрижки', калм. *ахр* 'короткий'; *хабир* – *шэбэр* // *абир* – *шэбэр* 'шепот', х.-монг. *авир* – *шивэр*, калм. *ивр* – *шивр* 'то же', *хүрэхэ* 'разлететься в разные стороны', 'рассыпаться', х.-монг. *үрэх* 'рассыпать, просыпать', 'растранжирить', калм. *үрх* 'пропадать, гибнуть; разрушаться' и т.д. Как видно, наличествует анлаутный h в начале нескольких слов в бурятском языке, а в халха-монгольском и калмыцком языках им соответствуют слова без фарингального h в

анлауте и с несколько иным оттенком значений. В.И. Рассадин полагает, что отмеченная "небольшая дифференциация этих вариантов обусловила удержание *h* в этих словах бурятского языка" [Рассадин, 1982, 69]. В.И. Рассадиным привлечены еще восемь слов типа *haamayxa* ~ *aamayxa*, *haamaɣar* и т.д. Следует отметить, что список подобных слов может быть значительно расширен за счет звукоподражательных и образных слов бурятского языка типа *halmaɣar* ~ *алмаɣар*, *harxaɣar* ~ *бархаɣар* ~ *тархаɣар* и т.д. В калмыцком и монгольском языках нет фарингального *h*, но в анлауте аналогичных образных слов этих языков употребляется согласный *s*, например: х.-монг. *saravɣar* ~ *аравɣар* 'растопыренный', 'расставленный' // бур. *harbaɣar* ~ *арбаɣар* в том же значении. Известно, что изобразительные слова представляют собой наиболее древний пласт лексики монгольских языков. Очевидно, в них сохранилась звуковая структура слова более раннего периода и потому не является случайностью анлаутное употребление глухого смычного *n*, который в принципе не встречается в начале исконных слов литературно-письменных монгольских языков. С этого согласного начинаются только заимствованные и изобразительные слова, например: бур. *нал* – *нал гэхэ* 'булькать', х.-монг. *нал хив* 'бултыхнуться', калм. *пилд гилэд унх* 'шлепнуться' и т.д.

Несколько иное явление наблюдается в отношении рефлекса **r* в бесписьменных островных монгольских языках.

А. Мостарт и А. Смедт полагали, что среднемонгольский *h* < **r* дал разные рефлексы в монгорском языке: *f* – перед лабиализованными гласными, *x* – перед *a*, *e*, а также переход *h* > *s*, *ʃ* [Mostaert, Smedt, 1930, 804–806].

Материалы Б.Х. Тодаевой значительно дополнили данные о рефлексах анлаутного **r* в группе островных монгольских языков китайского региона. Б.Х. Тодаева, отмечая эту архаичную фонетическую черту монгорского языка, дифференцирует ее проявление по диалектам. В хуцзу в анлауте отмечаются согласные *ф*, *х*, *ш*, а в диалекте минхэ в тех же случаях – *х*, в дунсянском – *х*, *ф*, *h*, *ш*, в баоаньском – *х*, *ф*, *h*, *ш*, в шира-югурском – *h*. При этом одно и то же слово может иметь разные звуковые варианты в различных языках, например: СПМЯ *odin* 'звезда' > монгор. (хуц.) *fōdi*, дун. *холун*, баоан. *ходон*, ш.-юг. *ходон*; СПМЯ *ulaɣan* 'красный' > монгор. (хуц.) *фулāн*, монгор. (минхэ) – *хулаң*, дун. *хулаң*, баоан. *фэлаң*, ш.-юг. – *hлан*; СПМЯ – *ünegen* 'лисица' > монгор. (хуц.) *фуниге*, дун. *фунизэҗэ*; СПМЯ *игиγи* 'вниз' > монгор. (хуц.) *фуру*, дун. *фуру*, ш.-юг. *хуру*.

Иначе говоря, начальному *ф* монгорского языка (диалект хуцзу) соответствуют *х*, *ф* в баоаньском и дунсянском, *h* – в шира-югурском и *х* в диалекте минхэ монгорского языка. В старописьменном монгольском и в современных литературных монгольских языках – нулевое соответствие, т.е. эти слова не имеют в анлауте согласного элемента.

Анлаутному *х* диалекта хуцзу монгорского языка соответствуют: *х* в

диалекте минхэ, согласный *h* и нуль в дунсянском, *x*, *h*, нуль в баоаньском и *h* в шира-югурском, например: монгор. (хуц.) *халѳа* 'ладонь', монгор. (минхэ) *харга*, дун. *ханѳа*, баоан. *халгэ*, ш.-юг. *халаѳан*; монгор. (хуц.) *халдан* 'золото', монгор. (минхэ) *артан*, дун., баоан. *антан*.

Анлаутному *ш* диалекта хуцзу соответствуют: монгор. (минхэ), *ш*, *х*, дун. *ш*, *ф*, *в*, нуль, баоан. *ш*, *h*, нуль, ш.-юг. *h*, например: монгор. (хуц.) *шılıу* ~ *хılıу* 'излишек', дун. *шılıу*, баоан. *шılıу*, ш.-юг. *хүлү*; монгор. (хуц.) *шге* 'большой', монгор. (минхэ) *хге*, дун. *фугіэ*, баоан. *hго*; монгор. (хуц.) *шджура* 'встречать', дун. *вочыра* и т.д. [Тодаева, 1973, 36–38].

В письменных памятниках, зафиксировавших средневековую монгольскую речь, рефлекс **p* представлен в виде согласного *h*, например: *harban* 'десять' [КВП, 151; ИМ, 181] в "Монгольском стамбульском словаре" Л. Лигети слово *harbān* 'десять' дано с долготой [Ligeti, 1962, 31–37].

Таким образом, лишь бесписьменные монгольские языки китайского региона сохранили черты средневекового монгольского языка в употреблении анлаутного **p*.

**b*

Билабиальный смычный согласный **b* сохранился во всех монгольских языках и диалектах, но наблюдается различие между письменными и бесписьменными языками, с одной стороны, и внутри самих письменных языков – с другой.

В бурятском, калмыцком и монгольском языках **b* сохранился во всех позициях слова: *baɣatur* > бур., монг., калм. *баатар* 'богатырь'.

Смычность более последовательно сохраняется в бурятском языке, но в некоторых его говорах и в халхаском, калмыцком языках реализуется щелевой аллофон смычного **b* – *w* в позиции между гласными: *шабар* ~ *шавар* 'грязь'*.

В.И. Рассадин отметил чередование смычного губно-губного *b* с согласным *m*. Это обычное фонетическое явление, наблюдавшееся также в старописьменном монгольском языке и в современных монгольских языках [Владимирцов, 1929, 401]. Специфику бурятского языка составляет чередование **b* с заднеязычным смычным *g* (*ɣ*), наблюдаемое в одних и тех же словах в разных диалектах и говорах, например: *үбэл* // *үгэл* 'зима', *үгэй* // *үбэй* ~ *үбөө* 'нет'; *бүдэрхэ* // *гүдэрхэ* 'спотыкаться'.

В халха-монгольском и калмыцком языках **b* в интервокальной позиции перешел в губно-губной щелевой *w*: СПМЯ *ebül* > х.-монг. *өвөл*, калм. *өвл* 'зима'.

Иное явление наблюдается в бесписьменных языках китайского аре-

* Сходное явление наблюдается и в тюркских языках. Исследователи отмечают, что в корне тюркского слова смычный *b* в интервокальной позиции встречается не часто [Серебренников, Гаджиева, 1979, 43].

ала. В дунсянском, баоаньском, монгорском, шира-югурском, дагурском языках в целом сохраняется *b в начале слова, но не во всех словах монгольского происхождения. В дунсянском языке наблюдаются: 1) выпадение *b в разных позициях общемонгольских слов, например: *ga* ‘маленький’ < *baγa*, *джіэруан* < **dörben* ‘четыре’, *каруза* ‘ребро’, ‘бок’ < *qabirγa*; 2) b заменяется согласным в: **bol-* ‘быть’, ‘становиться’ > *волу-*, **bi* ‘есть’ > *вэй*; 3) наблюдается оглушение *b и замена его согласным n: *badar-* ‘расцветать’ > дун. *патапа*, **biči* ‘писать’ > *пичы-*, монг. *бутар-* ‘рассыпаться’ // дун. *патура-*; монг. *биш* // дун. *пушы* ‘не’; монг. *бас* // дун. *пысэ* ‘опять’ и т.д. Переход b > n в анлауте слова поддерживается влиянием языка окружения, в котором n в анлауте встречается весьма часто.

В баоаньском языке слова на б относятся преимущественно к общемонгольскому фонду, т.е. *b в принципе сохранился. Вместе с тем наблюдается переход *b в щелевой в в начале слова. Примеры: *вар-* ‘держат’ < *bari-*, *вар* ‘кончат’, ‘исчерпывать’ < *baraγa*. При этом переход *b > в сопровождается выпадением анлаутного гласного, примеры: баоан. *вэр* // монг. *үбэр* ‘рог’; баоан. *вэсон* // монг. *өвсөн* ‘травя’. Переход *b > в встречается и в середине слова: баоан. *дэвшэ* ‘тарелка’ // бур. *тэбшэ* ‘деревянное блюдо’. Наряду с переходом *b > в в общемонгольских словах баоаньского языка наблюдается переход *b в билабиальный смычный n: баоан. *путон* ‘весь’, ‘целиком’, баоан. *пэджэг* ‘письмо’ // СПМЯ *bičig*; баоан. *пэджэ-* ‘писать’ < СПМЯ *biči-*.

Согласный *b сохранился в середине слова в баоаньском языке в ряде общемонгольских слов, например: *дабсоң* ‘соль’, *лабчоң* ‘листва’, *сэбгу* ‘шило’, *табчэ* ‘пуговица’. Однако в некоторых случаях b выпал в середине, в позиции после согласного p (r) и перед ним. Пример: баоан. *горан* ‘три’ < *qurban*; *дэран* ‘четыре’ < *dörben*; *тэрэ-* ‘обнимать’ < *teberku-*.

В монгорском наблюдается также: 1) сохранение *b в анлауте: *боро* < *boro* ‘серый’, *булѣң* < *büligen* ‘теплый’; в инлауте: *дабсе* < *dabusun* ‘соль’, *дебджи* < *tebsi* ‘деревянное блюдо’, *нилбусе* < *nilbusun* ‘слеза’; 2) переход *b в в в анлауте: *вэ* < *bayi-* ‘есть, имеется’, *ведег* < *ebdüg* ‘колени’, *вер* < *eber ~ ebür* ‘рог’; середине слова: *лавчи* < *nabčīn* ‘листва’, *сава* < *saba* ‘посуда’, *тāвен* < *tabun* ‘пять’, *харван* < *arban* ‘десять’; 3) переход *b в n: *перге* < *berke* ‘трудный’, *пугілі* < *buküli* ‘целый’, *пуджіг* < *bičig* ‘письмо’, *пурган* < *burgan* ‘божество’; 4) выпадение b в инлауте: *деран* < *dörben* ‘четыре’.

Относительно шира-югурского языка Б.Х. Тодаева отметила, что здесь, как и в монгорском, дунсянском и баоаньском языках, звонкий взрывной б в некоторых словах заменяется глухим n в начальной позиции: *пу* ‘ружье’, *печег* ‘письмо’, *пос-* ‘вставать’ [Тенишев, Тодаева, 1966, 52]. Замена б в общемонгольских словах на n в этой группе языков обусловлена влиянием фонетики китайского языка. Истори-

чески известно, что китаизмы в монгольских языках с анлаутным *n*, как правило, трансформировались, т.е. *n* заменялся согласным *b*. Например, китайское слово *ny* 'ружье' во всех монгольских языках существует в звуковом облике *буу*. Но в монгольских языках китайского региона происходит обратный процесс – согласный *b* в анлауте монгольских слов заменяется согласным *n*.

Дагурский язык обнаруживает сходство с литературными монгольскими языками в рефлексах старого **b*. Письменно-монгольскому *b* в начале слова соответствует глухой *b*, например: *бачи*- 'возвращаться' < < *biča*-, а в середине слова в позиции после согласного *л* также сохраняется звонкий *b*: *алба* 'служба' < *alban*. Вместе с тем дагурский отличается от письменных языков: в положении между гласными и в конце слога перед **i* старый **b* дал *ū* (неслоговое *y*): *аў*- < *abu*- 'брать', *хаўр* < *xabur* 'весна', *аўлā*- < *abala* 'охотиться' [Поппе, 1930₂, 134].

**m*

Смычный губно-губной носовой согласный **m*, функционирующий во всех монгольских языках и диалектах, в основном сохранил свое качество. Он встречается: 1) в анлауте слова: СПМЯ *miqan* > х.-монг. *мах*, калм. *махн*, бур. *мяхан*; монгор. *маха*, дун. *мижа*, баоан. *мэжа*, даг. *m'ax* ~ *m'ah*, мого. *miqon* 'мясо'; 2) в инлауте слова: СПМЯ *χatar* ~ *χabar* ~ *χambar* 'нос' > х.-монг. *хамар*, бур. *хамар*, калм. *хамр*, ВМ *хамар*, даг. *хамар*. Фонетический вариант этого слова – *χaber* 'нос' – сохранился с чередованием **b* и *w* в памятниках средневековой монгольской речи и в некоторых бесписьменных монгольских языках. Примеры: монгор. *хавар* ~ *хавар* ~ *хабыр* ~ *кар*, дун. *кава*, Мук. *qabar*, ЗМ *qabar*, мого. *qabar* [Тодаева, 1973, 371–372]; 3) в ауслауте слова: СПМЯ *em* 'лекарство' > х.-монг., калм., бур. *эм*, ЯВМ *эм*, даг. *эм*, баоан. *мам*. В бесписьменных языках китайского региона сохранилось немного слов с ауслатным *m*. В монгорском: *хорим* 'пир', *туфум* 'мешок', *сам* 'гребень', *джарим* 'некоторые', *бадем* 'родня по мужу'. В баоанском: *сам* 'гребень', *мам* 'лекарство' < **em*, *тохом* 'кошма' < *toqut*. В дунсянском языке не встречаются слова с *m* в ауслауте. Здесь **m* > *n*: СПМЯ *qadam* > дун. *бадун* 'родня по мужу'; СПМЯ *toqut* > дун. *тофун* 'потник', 'кошма'; СПМЯ *qorim* > дун. *бурун* 'свадьба'. Архаично чередование *b* и *m*, наблюдаемое в разных позициях слова: СПМЯ *χabar* ~ *χatar* 'нос', *balta* ~ *malta* 'топор', *nilbu-* ~ *nilmu-* 'плевать' [Владимирцов, 1929, 401]. При этом формы с *m* оказываются более новыми, возникшими под влиянием живых монгольских языков, как отмечал Б.Я. Владимирцов. Действительно, вместо старого **χabar* в современных языках более распространено *хамар*.

В средневековой монгольской речи были более употребительны формы с *b*. Чередование *b* и *n*, наблюдаемое в дунсянском и реже в баоанском языках, обусловлено влиянием слоговой структуры языка окружения.

Г.Д. Санжеев относит к переднеязычным 13 согласных: *т, д, ц, ч, дж, дз, ж, з, н, с, ш, л, р*, которые имеют наибольшие фонетические различия между монгольскими языками, не уступающие расхождениям в области вокализма [Санжеев, 1953, 86–119].

**t*

Согласный **t*, рассматриваемый как переднеязычный смычный глухой звук, практически сохранился во всех монгольских языках и диалектах. Исследователи указывали на исконную придыхательность согласного и отмечали, что в халхаском придыхательная рекурсия усилена [Рамстедт, 1908, 7]. Это же явление отмечено в трудах последующих исследователей [Владимирцов, 1929, 402; Санжеев, 1953, 87; Порре, 1955, 102], указавших на то, что *t* произносится с придыхательной инкурсией и рекурсией, особенно в халхаском и внутреннемонгольских диалектах, и что придыхательность имела существенное значение в древнемонгольском языке.

Согласный *t* встречается в анлауте и в середине слова: СПМЯ *toγa* ‘число’ > СС *t’o ~ to’o*, Мук. *to’an*, даг. *mō*, х.-монг., бур., калм. *mō*; СПМЯ *tabun* ‘пять’, Мук. *tabun*, мог. *tābun*, даг. И. *tābu ~ tābun*, даг. П. *tāip*, х.-монг. *таван*, бур. *табан*, калм. *тавн*, монгор. *māven*, дун. *тавуан*, баоан. *тавоң*.

Старый **t* сохранился в монгольских языках также в инлауте слова: СПМЯ *altan* ‘золото’, х.-монг. *алт(ан)*, бур. *алтан*, калм. *алтн*.

Общемонгольский **t* сохранился во всех позициях в бурятском языке [Рассадин, 1982, 73]. Глухой **t* не встречается в ауслауте слова в старописьменном монгольском, ибо консонантизму последнего не свойственно употребление глухих смычных шумных согласных на конце слова.

Аналогичное явление зафиксировано в квадратной и ойратской письменностях. Б.Я. Владимирцов также отметил, что в древнетюркских наречиях в ауслауте употребляется не *t*, а *d*, например в тюркских: орх., уйгур. *ēgid-* ‘возвышать’, ‘поднимать’, КВП *ē-hud-* ‘воздвигать’, ‘сооружать’, ‘создать’; ОПЯ *ūd-*, СПМЯ *egūd-* в тех же значениях; уйгур. *ed*, ОПЯ *ed*, Байт. *ed*, халх. *ed*, СПМЯ *ed* ‘вещь, предмет’, ‘имущество’ [Владимирцов, 1929, 396].

Наряду с сохранением **t* во всех исконных позициях в монгольских языках и диалектах наблюдается переход этого согласного в звонкий *d* и свистящий щелевой *s*. Наиболее распространенный характер носит переход **t* в согласный *d*. Это явление встречается в письменных монгольских языках, в юго-восточных, южных халхаских диалектах, в чахарском и ордосском [Тодаева, 1951, 37–38; Порре, 1955, 103].

Несколько иначе обстоит дело в бесписьменных островных языках китайского ареала. Б.Х. Тодаева отмечает озвончение глухих согласных *t, k, x*, но при этом делает оговорку, что процесс ослабления

некоторых шумных согласных не следует толковать слишком широко, потому что наблюдается довольно много исключений, и что автор констатирует лишь то, что монгорский язык имеет большую тенденцию к ослаблению начальных сильных по сравнению с другими языками группы Ганьсу-Цинхай [Тодаева, 1973, 30]. Автор справедливо отмечает наличие многих исключений, когда сильные становятся слабыми, а слабые – сильными в разных позициях слова, что было замечено еще А. Мостартом относительно монгорского [Mostaert, Smedt, 1930]. В монгорском **t* в принципе сохранился в общемонгольских словах. Вместе с тем наблюдается и переход согласного **d* в *m*. Примеры: СПМЯ *düte* ‘близко’ > монгор. *māda* в том же значении; СПМЯ *dotur* ‘внутренность, нутро’ > монгор. *tudor* в том же значении. Согласный *m*, как результат оглушения звонкого **d*, встречается и в анлауте, и в инлауте слова.

В монгорском, дунсянском и баоаньском языках изредка встречается переход *t* в *ч* в анлауте слова, например: СПМЯ *tejiye-* ‘кормить’, ‘воспитывать’ > монгор. *чиджие-*, дун. *чэджие-*, баоан. *чиджэ* в том же значении. Это явление можно соотнести с известным историческим процессом перехода сочетания **ti* в *чи* [Санжеев, 1953, 93]. Б.Х. Тодаева отмечает, что в монгорском, так же как в дунсянском и баоаньском языках, наблюдается переход исконно монгольского *t* в начальной позиции в аффрикату *ч* [Тодаева, 1973, 31]. Исследователями установлено, что процесс изменения **t* перед **i* или **i* произошёл еще в древнемонгольском языке [Porre, 1960, 14].

В дунсянском и баоаньском языках функция **t* в общемонгольских словах в принципе сохранилась. Лишь иногда встречается согласный *m* на месте исконного **d*: СПМЯ *qadaγasun* ‘гвоздь’ > дун. *катасун*; СПМЯ *modun* ‘дерево’ > дун. *мутун*, баоан. *митоң*; СПМЯ *ebed-* ‘болеть’ > баоан. *вэтэ-*; СПМЯ *kedün ~ kedüi* ‘сколько’, ‘несколько’ > баоан. *кэтон*, х.-монг. *хэд(эн)*, бур. *хэдэн*, калм. *кеду*.

В.И. Рассадин отмечает отдельные факты перехода **t* в свистящий целевой *с* в некоторых западных говорах бурятского языка в форманте деепричастия предела *-тар ~ -сар* [Рассадин, 1982, 73]. Группе бесписьменных монгольских языков несвойственно употребление *m* перед *i*.

**d*

Смычный слабый согласный *д* встречается во всех позициях слова в монгольских языках и диалектах. Б.Я. Владимирцов писал, что в монгольском письменном *d* соответствует *d* большинства монгольских наречий, в том числе и в квадратной письменности, а также *d ~ д* тюркских языков, например: Орх., Уйгур. *adaq* ‘нога’; Монг. письм. *adaγ* ‘конец’, ‘предел’, ‘устье’, ‘последний’; халх. *аддак*, Байт. *адăк* ‘то же’. Автор указывал, что в монгольском письменном языке *d* никогда не встречается перед *i*, но в халхасском употреблении *д* перед *i* –

явление обычное. По признанию Б.Я. Владимирцова, древнемонгольский язык знал сочетания **di*, которые развились в эпоху, предшествовавшую созданию монгольской письменности, в *ji*. В монгольском письменном языке наблюдается чередование *d* и *j* [Владимирцов, 1929, 395–396].

Следует отметить, что в современном халха-монгольском языке *д* в анлауте практически редко встречается перед *і* в исконно монгольских словах, так же как и *т*, но в слове *дийлэх* ‘побеждать’ и его производных типа *дийлэгдэх* ‘быть побежденным’ орфография не совпадает с их артикуляцией. Слово *дийлэх* произносится как *дыйлэх* (аналогично *тийм* ‘такой’, *тийз* ‘печать’, которые артикулируются как *тыйм*, *тыйз*). Это объясняется тем, что в современном халха-монгольском языке не употребляется мягкая фонема /д’/ в начале слова, а в слове *дийлэх* и др. сочетание *-ий-* представляет собой рефлекс древнемонгольского комплекса *-eyi-*, давшего в халхаском дифтонг *-ий*, в бурятском и калмыцком – долгий *и*, например: СПМЯ *deyilekū* ‘побеждать’ > х.-монг. *дийлэх*, бур. *диилэхэ*, калм. *диилх*; СПМЯ *teyitū* ‘такой’ > х.-монг. *тийм*, бур. *тиимэ*, калм. *тиим* в том же значении.

И в других монгольских языках наблюдается аналогичное явление, т.е. согласный *д* не употребляется в анлауте в позиции перед *і* [Бураев, 1959; Биткеев, 1965; Павлов, 1983; Тодаева, 1961; 1964; 1973; Поппе, 1930₁].

В языке словаря Мукаддимат ал-Адаб часто встречается перекрестное соответствие *d* и *t* аналогичным консонантам старописьменного монгольского языка, например: СПМЯ *dotura* > Мук. *totara* ‘внутри’; СПМЯ *dotur* > Мук. *totar* ‘подкладка’ [Поппе, 1938, 50–51]. Развитие *d* > *t* в анлауте слова произошло в позиции перед смычным сильным *t*, т.е. произошла регрессивная ассимиляция.

Переход старого **d* в *t* в середине слова встречается в некоторых монгольских языках, в памятниках средневековой монгольской речи. Примеры: СПМЯ *qedesün* ‘живот, брюхо’ > даг. *qetes*, Мук. *qetesün* в том же значении, хотя в большинстве монгольских языков это слово сохранило исконное **d*: х.-монг. *гэдэс*, бур. *гэдэхэн*. В некоторых языках *d* в этом слове выпал: калм. *гесн*, баоан. *кэлэ* ‘желудок’, мог. *qesan* ~ *qesal*.

Образование слабого *д* вместо смычного сильного *т* чаще встречается в бесписьменных островных языках китайского региона, т.е. в баоаньском, дунсянском и монгорском, например: СПМЯ *yūta* ‘мешок’ > монгор. *фүда*, дун., баоан. *фуда*; СПМЯ *qataγa-* ‘становиться сухим’ > монгор. *хадā*; СПМЯ *qataγu* ‘крепкий, твердый’ > монгор. *хадон*; СПМЯ *altan* ‘золото’ > монгор. *халдан*; СПМЯ *qamtu* ‘вместе’ > > монгор. *хамду*; СПМЯ *erte* ‘рано’ > монгор. *иде* (*pde*); СПМЯ *soqtoqu-* ‘пьянеть’ > дун. *содо-*.

Переход *d* в *t* встречается в непроизводных основах. В.И. Рассадин обращает внимание на рефлекс старого **d* в бурятском языке, который

встречается только в данном языке. Дело в том, что корневой ауслатный *d* при наращивании аффиксов в позиции между гласными переходит в фарингальный *h* в западных говорах бурятского языка, а в цонгольском говоре – в свистящий *s*, в эхирит-булагатском и хоринском говорах – в шипящий *ш*, например: *буряад* ‘бурят’ // зап.-бур. *буряаһаар*, цонг. *буряасаар* ‘по-бурятски’; *морид* ‘кони’ // зап.-бур. *мориһы*, эх.-бул. *мор’ши*, хор. *моришише* ‘коней’. Суффикс мн. числа существительных *-d* в западнобурятских говорах тоже переходит в *h*: *хонид* ‘овцы’ – зап.-бур. *хониһууд* ‘овцы’ [Рассадин, 1982, 74].

*č

Фонема /č/, имеющаяся в большинстве современных монгольских языков, восходит к историческому **t* в позиции перед **i* в "шипяще-свистящих" монгольских языках и диалектах (халха-монгольском, ойратском, калмыцком, условно бурятском, в котором **ti* > *si*), а в "шипящих" языках и диалектах (могольском, дагурском и диалектах Южной Монголии: ордосском, чахарском, харачинском) образовалась одна фонема /č/ из двух ранних: смычного **t* в позиции перед **i* ~ **i* и классического *ч* + Г, кроме *i*. Сочетание "*ч* + гласный" имело место в монгольских диалектах около VII–X вв. Но около X–XII вв. **ti* постепенно переходит в *či*, удерживающийся полностью во всех монгольских диалектах почти до сих пор в очень многих словах, например: клас. *čina*, халх. *чанā*, бур. *шана*, орд. *čina*, монгор. *чинā* ‘варить’.

Таким образом, около X–XIV вв. в монгольских диалектах имеются *či* < **ti* и исконный *ч* + Г. Однако в XIII–XIV вв. исконный *ч* + Г начинает переходить в *ц* + Г в ряде тех диалектов, на основе которых потом складываются современные "свистящие" языки (в бурятских диалектах этот *ц* + Г затем переходит в *с* + Г), но сохраняется в современных "шипящих" диалектах, вследствие чего здесь наличествует лишь одна шипящая фонема, так как фонема /ц/ не образовалась. Что же касается *чи* < **ti*, то в этом сочетании шипящий согласный сохраняется и в "свистящих" диалектах, а не только в "шипящих"; в бурятских диалектах аффриката *ч* затем переходит в спирант *ш* [Владимирцов, 1929, 405–407; Санжеев, 1953, 93].

Б.Я. Владимирцов указывал, что старописьменному монгольскому *č соответствуют в халхаском две фонемы – /ч/ и /ц/, например: *čimadur > халх. *чамдā* ‘тебе’, *čidür > халх. *чōддүр* ‘пути’, *cinadu > халх. *цāда* ‘противоположная сторона’. При этом наблюдается чередование *ч* и *ц* в разных говорах халха-монгольского языка. Примеры: СПМЯ *öčig* > зап.-халх. *ōčik* ~ халх. (Дариганга) *ōцэк* ‘ответ’, ‘показание на допросе’; СПМЯ *čохит* > х.-ург. *чоххом* ~ зап.-халх. *цоххōм* ‘действительный’, ‘настоящий’.

*č на конце слогов дал рефлекс *ш*: СПМЯ *gički* > халх. *гишхи* ‘ступать, шагать’. В окончании аблатива *č дал рефлекс согласного *s* в современном халхаском: СПМЯ **a-ča* > халх. *ās*; СПМЯ *ača*

‘дай’, ‘принеси’ > халх. *accā* ~ Байт. *aičā* [Владимирцов, 1929, 406–407].

Общемонгольская аффриката *č дала в бурятском языке два щелевых компонента: шипящий *ш* и свистящий *с*. Примеры: СПМЯ *čisun* > бур. *шуһан* ‘кровь’; СПМЯ *qačar* > бур. *хасар* ‘щека’. В бурятском литературном и в большинстве говоров нет аффрикативных согласных *ч* и *ц*, но в отдельных его говорах, а именно в сартульском [Бураев, 1965, 115–116], цонгольском [Будаев, 1965, 153], хамниганском [Дамдинов, 1968, 84], имеются аффрикаты *ч*, *ц* как следы прежнего языкового состояния. Отсутствие указанных аффрикат в бурятском языке не является исконным. Г.Д. Санжеев установил, что аффрикаты *ч*, *ц* функционировали в бурятских диалектах еще в XVII в., а впоследствии, утратив смычное начало, дезаффрикатизировались и развились в согласные *с*, *ш* [Санжеев, 1953, 97].

Процесс спирализации аффрикат *ч*, *ц* в проточные *ш*, *с* представляет собой обычное явление в исторической фонетике [Поливанов, 1968, 80–81].

В.И. Рассадин, рассматривая рефлексy *č в бурятском языке, указывает на два следующих явления: 1) в бурятском языке не всегда *ш* соответствует *ч*, а *с* – *ц* халхаского и ойратского языков, т.е. наблюдаются случаи нерегулярности этих соответствий, например:

СПМЯ	бур.	х.-монг.	калм.	
ömči	үмсэ	өмч	өмч	‘собственность’
čidqa-	шудха-	цутга-	цутх-	‘лить металл’
čirai	шарай	царай	чирэ	‘лицо’;

2) в отдельных бурятских говорах встречается чередование *с* и *ш* в общемонгольских словах с согласным *ч*, например: СПМЯ *küčün* > халх. *хүч(ин)*, калм. *кучн*, бур. *хүсэн* ~ *хүшэн* ‘сила, мощь’; СПМЯ *čike* > > халх. *цэх*, калм. *чик*, бур. *шэхэ* ~ *сэхэ* ‘прямо’ [Рассадин, 1982, 75–76]. *č развился в калмыцком языке в *ч* и *ц*, так же как в ойратском и халхаском. В торгутском говоре калмыцкого языка наблюдается переход *ч* в *ц*: СПМЯ *čidqital* > торг. *цутхымыр* ‘сплав’, ‘слиток’; СПМЯ *čiqul-* > торг. *цуглы* ‘собираться’ [Убушаев, 1979, 130]; СПМЯ *čidamaq* > калм. *чадмаг* ‘умелый’; СПМЯ *čiken* > калм. *чикн* ‘ух’; СПМЯ *čidkür* > калм. *цөткр* ‘черт’.

В языке монголов Внутренней Монголии *č дал рефлексy *ч* и *ц*, например: СПМЯ *čabči* > ЯВМ *цавчих* ‘рубить’; СПМЯ *čirai* > ЯВМ *царай* ‘лицо’; СПМЯ *čidal* > ЯВМ *чадал* ‘сила, мощь’; СПМЯ *čina-* > ЯВМ *чанах* ‘варить’; СПМЯ *čilaγun* > ЯВМ *чулуу(н)* ‘камень’.

Различные рефлексy *č (*ч*, *ц*, *ш*, *с*) в разных монгольских языках объясняются неравномерностью развития перелома исторического гласного *i. Существенное отличие имеет место в бурятском языке. Г.Д. Санжеев объясняет это тем, что в бурятском языке перелом гласного *i произошел позднее, чем в халха-монгольском, ойратском и калмыцком [Санжеев, 1953, 95–96].

Относительно рефлексов *č в группе бесписьменных монгольских языков, в частности в дунсянском, можно сказать следующее: *č сохранился в виде ч, который встречается в начале и середине слова, но не в ауслауте, так как слова дунсянского языка обычно оканчиваются на гласный элемент. Единственное исключение представляет собой сонант н, который обычно встречается в ауслауте слов дунсянского языка.

Употребление ч в анлауте дунсянских слов имеет свою специфику, учитывая особенности их звуковой структуры с тенденцией к трансформации общемонгольских слов:

1. Наблюдается замена гласного *i* после *č гласными *ы, э, у*:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	калм.	бур.	
čiqiray	чыкара	чийрэг	чиирг	шиираг	'крепкий'
čingla-	чэнлэ-	чагна-	сонсх-	шагна-	'слушать'
čimügen	чумэгэ	чөмөг	чимгн	сэмгэн	'костный мозг'

2. Сохранившийся *č в непервых слогах монгольских слов дунсянского языка соответствует согласным ч, ц, с литературно-письменных монгольских языков:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	калм.	бур.	
ničigün	мучугун	нүцгэн	–	нүсэгэн	'голый'
qariyačai	каранча	хараацай	харада	хараасгай	'ласточка'
ongγuča	онгочо	онгоц	онһц	онгосо	'лодка'
bučal-	бучула-	буцал-	бусл-	бусал-	'кипеть'
qačig ~ qačar	кача	хацар	хацр	хасар	'щека'

В дунсянском языке, как и в баоаньском, нет фонемы /ц/.

В баоаньском языке исторический *č сохранился в начале и середине ряда общемонгольских слов, например: *часоң* 'снег', *čina-* 'варить', *čixon* 'уши', *čэна* 'волк', *джочоң* 'гость', *лабчоң* 'листва', *табчэ* 'пуговица', *толчэг* 'теленок', *хичэ* 'ножницы'.

Функции *č в дунсянском, баоаньском и монгорском языках в целом сходны. Б.Х. Тодаева, рассматривая вопрос о развитии аффрикаты ч в монгорском языке, отметила следующее: 1) указанные языки относятся к группе "шипящих" монгольских языков, в которых отсутствует фонема /ц/; 2) в этих языках наблюдается переход *t в анлауте в позиции перед *i* в аффрикату ч; 3) в монгорском и частично в дунсянском встречается переход заднеязычного к в анлауте слова перед *i* в аффрикату ч [Тодаева, 1973, 30–31].

Кроме того, в монгорском существует тенденция к сохранению *i* в первом слоге после ч:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	калм.	бур.	
čirai	čiri	царай	чирэ	шарай	'лицо'
čisun	čise	цус	цусн	шуһан	'кровь'
čimki-	чинги-	чимхэх	чимкх	шэмхэх	'щипать'

Лишь в одном слове – *чудор* ‘путы’ < *čidür* – наблюдается ассимиляция *i* первого слога.

Здесь после анлаутного *ч* заметна тенденция к переходу гласных первого слога *a, e, o, ü, ö* в гласный *i*, например: СПМЯ *čömtü-* > монгор. *чимö-* ‘собирать’; СПМЯ *čečeg* > монгор. *чичаг* ‘цветок’; СПМЯ *čerig* > *чириг* ‘войско’; СПМЯ *čayan* > монгор. *чиžан* ‘белый’; СПМЯ *čögen* > монгор. *чöн* ‘немного’; СПМЯ *üčügdür* > *чигу* ~ *чигудур* ‘вчера’.

Исторический **č* сохранился в монгорском языке и в середине слова (*күчиле* < *köbegüčile-* ‘усыновить’; *ночин* < *önüčün* ‘сирота’), а также в словообразовательной морфеме *-чи* (*дебчи* < *tobči* ‘пуговица’; *тарачи* < *tariyači* ‘земледелец’; *мочи* < *modoči* ‘столяр’). Иногда встречается переход *a* > *i* после *ч* в инлауте: *хачир* < *qačar* ‘щека’.

Относительно **č* и его рефлексах в дагурском языке отмечено, что **č* сохранил свой шипящий характер во всех положениях и представляет собой полную аналогию большинству южномонгольских наречий, в частности ордосскому, а также монгольскому [Поппе, 1930₂, 130–131; Mostaert, 1927, § 58, 85; Ramstedt, 1906, 44]. Указывается, что **č* в ряде случаев дал в дагурском языке *ш* перед **i*, например: *шада-* ‘мочь’ < СПМЯ *čida-*; *шүмүг* ‘костный мозг’ < СПМЯ *čimügen*; *шарай* ‘лицо’ < СПМЯ *čirai*; *ми* ‘ты’ < СПМЯ *či* и т.д. [Поппе, 1930₂, 131].

Известно, что развитие **č* > *ш* свойственно большинству бурятских говоров и диалектов, исключая цонгольский, сартульский и хамниганский, носители которых этнически связаны с монголами и тунгусами, в языке которых имеется согласный *ч*. Как видно из приведенных выше примеров, *ш* имеется также в дагурском и некоторых говорах Восточной Монголии, по данным А.Д. Руднева [Руднев, 1911, 179]. Правда, он указывает, что рефлекс *ш* зафиксирован в районах, соседних с территорией, заселенной бурятами. Возможно, и в дагурские материалы проникли бурятские данные, поскольку Н.Н. Поппе собирал материал в Улан-Баторе у дагуров, прибывших из г. Хайлар. Между тем известно, что в Хайларе жило много бурят, часть которых вернулась и осела в Монголии.

**ž*

Происхождение слабой шипящей аффрикаты **ž* и рефлексы этой фонемы в монгольских языках рассмотрены в трудах монголистов [Владимирцов, 1929, 396–400; Санжеев, 1963, 99–103; Порре, 1955, 114–119].

Аффриката **ž*, восходящая к древнемонгольскому сочетанию **di* [Владимирцов, 1929, 396] и развившаяся в *дж* в позиции перед *i* и в *дз* перед другими гласными, представлена в большинстве монгольских языков и диалектов, но в бурятском имеет звуковые рефлексы *ш* и *з*. В.И. Рассадин дополнил эти данные материалами бурятских говоров и диалектов и указал на неравномерное развитие исторического **ž* в

целом в бурятском языке [Рассадин, 1982, 76–77]. Историческое *ʒ дало рефлексы *ж, з, дж, дз, д*. Разнобой в употреблении *ж* и *з* наблюдается в самом литературном языке, например: СПМЯ *jūsekü-* ‘резать ломтями’ > лит. бур. *зүхэхэ // жүхэхэ* (х.-монг. *зүсэх*, калм. *зүсх*, ЯВМ *зүсэх* в том же значении). Варианты *дж, дз* употребляются в сартульском [Бураев, 1965, 122], цонгольском [Будаев, 1965, 153], хамниганском [Дамдинов, 1968, 80] говорах. Употребление мягкого *д’* вместо *ж* наблюдается в языке нижеудинских бурят [Дарбеева, 1978]. Бурятский язык отличается от других монгольских языков: 1) наличием иных рефлексов *ʒ и 2) существованием разных фонетических вариантов в различных говорах. Ц.Б. Цыдендамбаев отмечал большой разнобой в употреблении начального щелевого *ж* (частично *з*) в западных говорах бурятского языка *ж ~ д’ ~ j* [Цыдендамбаев, 1968, 167]. Этот разнобой объясняется, возможно, пестрым этническим составом носителей бурятского языка, сохранивших в языке некоторые черты субстрата и адстрата.

В бесписьменных островных монгольских языках сохранился *ʒ, но эта фонема развивалась по-разному. Аффриката *j* письменного монгольского языка в позиции как перед *i*, так и перед другими гласными соответствует аффрикате *дж* в баоанском языке, в котором, как и в дунсянском, нет аффрикаты *дз* [Тодаева, 1964, 14–15]. Ср. рефлексы *ʒ в анлауте и инлауте общемонгольских слов: СПМЯ *anjisun* ‘плуг’, ‘соха’ > баоан. *анджисон*, дун. *анджасун*, х.-монг. *анджис*, калм. *андсн*, бур. *анзahan*; СПМЯ *qajar* ‘земля’ > баоан. *қаджир*, дун. *қаджа*, мог. *қайғар*, даг. *гайцир*; СПМЯ *jirγuγan* ‘шесть’ > баоан. *джирґоң*, дун. *джиґуан*, монгор. *джирґоң*.

Б.Х. Тодаева отмечает, что изредка встречается соответствие баоанского *д* аффрикате *дж* других монгольских языков, например: баоан. *байдэ-* ‘разбогатеть’ // совр. монг. *байаджі-*, калм. *байджі-*.

В дунсянском языке аффриката *дж* употребляется в анлауте и в инлауте слова. При этом *дж* не во всех случаях отражает рефлекс *ʒ. Дунсянский *дж* иногда соответствует консонанту *д* остальных монгольских языков, например: *джіэрэ* ‘наверху’ // х.-монг. *дээр*, бур. *дээрэ*, калм. *дээд*; *джиау* ‘младший брат’ // х.-монг. *дүү*, бур. *дүү*, калм. *дүү* ‘младший’ [Тодаева, 1961, 16].

В дунсянском более последовательно сохранилось старое *ʒ в начале и середине многих слов, в которых в других монгольских языках пишутся согласные *дз, з*, например:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	бур.	
<i>jīya-</i>	джа-	заа-	заа-	‘указывать’
<i>jocin</i>	джочин	зочин	–	‘гость’
<i>jirūken</i>	джугэ	зүрхэ(н)	зүрхэн	‘сердце’
<i>jige ~ jige</i>	джэ	зээ	зээ	‘племянник’
<i>kūjūgün</i>	җуджун	хүзүү(н)	хүзүүн	‘шея’
<i>könjile</i>	гуанджэліэ	хөнжіл	хүнжэл	‘одеяло’
<i>arijīya</i>	арунджа	арилжаа(н)	андалдаан	‘мена, обмен’

Фонема /дж/ в анлауте дунсянских слов соответствует ж, з, д, ц, ч других монгольских языков, в инлауте – дж, д, т, з, ц, например:

дун.	х.-монг.	бур.	
біджіэн	бид	бэди	‘мы’
віджіэн	үүдэн	үүдэн	‘дверь’
ѳанджун	ханцуй	хамсы	‘рукав’
кіджіэ-	хэвт-	хэбт-	‘лежать’
тыджы	товч	тобшо	‘пуговица’
саджыѳи	шаазгай	шаажгай	‘сорбка’
куджа-	хуц-	хуса-	‘лялять’
ѳаджа	газар	газар	‘земля’

В монгорском языке имеются аффрикаты дж и дз, восходящие к *ʒ, которые употребляются и в начале, и в середине слова. Примеры: СПМЯ *ʃiqa* > монгор. *джаѳа* ‘воротник’; СПМЯ *ʃalayu* ‘молодой’ > > монгор. *джалу*; СПМЯ *ʃarim* ‘некоторый’ > монгор. *джарим*; СПМЯ *ʃigür* ‘крыло’ > монгор. *джиәр*; СПМЯ *ʃida* ‘копье’ > монгор. *джида*; СПМЯ *ʃiran* ‘шестьдесят’ > монгор. *джиран*; СПМЯ *ʃegüdüin* ‘сон’ > монгор. > *джиүден*.

Аффриката дж в инлауте слова соответствует согласным ч, с других монгольских языков и ʃ старописьменного монгольского языка. Примеры: СПМЯ: *eʃige* ‘осел’ > монгор. *рджиге*; СПМЯ *döčün* ‘сорок’ > > монгор. *теджин*; СПМЯ *ijē* ‘видеть’ > монгор. *удже*; СПМЯ *küčün* ‘сила’ > монгор. *кудж*.

В монгольском языке зафиксировано наличие аффрикаты ʃ и отсутствие свистящей аффрикаты dz [Шагдаров, Казанцева, 1968, 80].

Относительно *ʃ в дагурском языке Н.Н. Поппе писал, что *ʃ сохраняет свой шипящий характер перед всеми гласными; в ряде случаев *ʃ перед *i* дал *д*: *dirgo* ‘шесть’ < СПМЯ *ʃiryuyan*; *ч’а-ди* ‘уголовное преследование’ < СПМЯ *čayača*; *ходир* ‘солончаковая соль’ < СПМЯ *χijir*; *гед’г* ‘коса’ < СПМЯ *geʃige* [Поппе, 1930₂, 135]. Аналогичное явление наблюдается в одном из территориально изолированных говоров бурятского языка – нижеудинском [Дарбеева, 1978]. Существование такого факта в территориально изолированных языках и диалектах позволяет предполагать о сохранении в них реликтов более древнего состояния *ʒ, что представляет собой обычное явление в таких языках и диалектах при отсутствии письменности на родном языке.

*s

Исследователи отмечают, что исконный спирант *s имеется во всех монгольских языках, а рефлексy его проявляются в основном в виде консонанта с в большинстве монгольских языков и диалектов, но в бурятском языке – как фарингальный h [Рамстедт, 1908, 27; Владимирцов, 1929, 373–378; Санжеев, 1953, 88; Рорре, 1955, 119–125; Рассадин,

1982, 77–85]. Примеры: СПМЯ *sara* ‘месяц’ > даг. *sar*, монгор. *sapa*, дун. *sapa*, баоан. *сарэ*, х.-монг. *сар*, калм. *сар*, бур. *һара*.

Переход исконного **s* в позиции **i*, **i* в шипящий согласный *ш* также имеет общий характер для всех монгольских языков.

Вместе с тем наблюдается наличие разных рефлексов спираанта **s* в зависимости от позиции в слове. Исследователи отмечают, что рефлекс старого **s* > *с* встречается в анлауте слова в письменном монгольском, среднемонгольском, монгорском, дагурском, могольском, калмыцком, халхаском языках, в ордосском, харчинском, чахарском диалектах, а также в баргу-бурятском, цонгольском, сартульском говорах бурятского языка. В других бурятских говорах и диалектах, как и в литературном языке, употребляется фарингальный *h*.

**S* в интервокальной позиции помимо *с* еще может переходить в *dz* (в монгорском языке – *fudzu* < *usun* ‘вода’) и в *t* (в дурбут бэйсе – *wt* ~ *o^ht* < *usun* ‘вода’).

Спирант **s* в конечной позиции и на конце слога реализуется в виде *s* в письменном монгольском языке, в письменных памятниках XIII–XV вв. и в большинстве других монгольских языков, в дагурском – в виде *r*, в дурбут бэйсе – *t*, в бурятском – *d* ~ *t*. Примеры: СПМЯ *bös* ‘хлопчатобумажная ткань’ > даг. *bwri*, монгор. *бос*, х.-монг. *бөс*, бур. *буд*, калм. *бөс* и т.д. [Рорре, 1955, 119–122].

В эволюции старого **s* бурятский язык занимает особое место среди других монгольских языков, ибо в нем данный консонант претерпел различные модификации, однако преобладает фарингальный *h*, встречающийся в разных позициях в слове, кроме ауслauta [Рассадин, 1982, 77–85]. В позиции перед гласными (кроме **i*) **s* > *h*, например: СПМЯ *söni* ‘ночь’ > бур. *һүни*; СПМЯ *salkin* ‘ветер’ > бур. *һалхин*, х.-монг. *салхй*, калм. *сэлкн*. Консонанта *h* нет в цонгольском, сартульском и хамниганском говорах, сохранивших свое прежнее языковое состояние с консонантом *с* вместо общепурятского *h*. В анлауте слова возможны общемонгольские *с* и *т* в локально ограниченных сферах бурятского языка. Консонант *с* сохранился в некоторых словах литературного бурятского языка и в отдельных его восточных говорах: СПМЯ *sedkil* ‘дума’, ‘мысль’, ‘настроение’ > бур. *сэдъхэл*, х.-монг. *сэтгэл*, зап.-бур. *һанаан* в том же значении; СПМЯ *saridaq* ‘гора, покрытая вечными снегами’ > лит. бур. *сарьдаг*, бурятские говоры – *һарьдаг*, х.-монг. *сарьдаг*. В.И. Рассадина полагает, что старый **s* сохранился лишь в литературной форме бурятского языка под влиянием старописьменного монгольского языка. Однако *с* сохранился в некоторых словах и в западных говорах бурятского языка, носители которых не пользовались старописьменным монгольским языком, например: СПМЯ *saba* ‘сосуд, вместилище’ > бур. *саба* ~ *һаба*, х.-монг. *сав* и т.д.

Употребление *т* вместо общемонгольского **s* действительно ограничено сферой только некоторых западных говоров бурятского языка,

например: СПМЯ *söqem* ‘пядь’ > зап.-бур. *hөөм* ~ *төөм*, лит. бур. *hөөм*, х.-монг. *сөөм*, калм. *сөм* [Бергатаев, 1969, 154; Рассадин, 1982, 80].

Рефлекс *m* носит очень ограниченный характер в анлауте слов бурятского языка. Однако подобная эволюция старого **s* в виде консонанта *m* в анлауте общемонгольских слов наблюдается также: 1) в хорчинском говоре монгольского языка Внутренней Монголии, например: *тахдл* ‘борода’ < *sakal*; *мā* ‘доить’ < *saγa-* [Тодаева, 1960, 27]; 2) в говорах дурбут бэйсе, также у джалаитов – среди населения, живущего между городами Цицикар, Харбин, Бодунэ. А.Д. Руднев констатирует о соответствиях согласного *m* “письменному” *s*, например: *тал-* вместо *сал-* ‘разделяться’, *тар* вм. *сар* ‘месяц’ и т.д. [Руднев, 1911, 180–181].

**S* в интервокальной позиции в бурятских словах дал рефлекс в виде фарингального *h*, но в конце и в середине слова перед согласным и в ауслауте основы **s* развился в согласный *д*, который чередуется с *h*. Примеры:

СПМЯ	бур.	х.-монг.	калм.	
nasun	наһан	нас(ан)	наси	‘возраст’
būse	бэһэ ~ бүһэ	бус	бус	‘пояс, кушак’
niskū-	ниидэхэ ~ нийһэхэ	нисэх	нисх	‘летать’
bosqu-	бодохо ~ боһохо	босох	босх	‘вставать’
ulus	улад	улс	улс	‘люди; народ’
tus	туд	тус	тус	‘этот; данный’

Чередование *д* и *h* в середине общемонгольских слов с согласным **s* ограничено западнобурятскими говорами [Рассадин, 1982, 81].

В дунсянском, баоаньском и монгорском языках наблюдается сохранение **s* и в анлауте, и в середине общемонгольских слов:

СПМЯ	монгор.	дун.	баоан.	
saγa-	са-	са-	–	‘доить’
sana-	сана-	сана-	суму-	‘думать’
saqal	сҗал	саҗан	–	‘борода’
sayiqan	сәҗан	–	сахаң	‘красивый’

Б.Х. Тодаева отмечает ослабление согласного *s* в монгорском языке и переход **s* в *дз* в некоторых словах, например: СПМЯ *quniyasun* > > монгор. *хундзэ* ‘борка; складка’; СПМЯ *usun* ‘вода’ > монгор. *сдзу* (*фудзу*), но дун. *усу*, баоан. *сэ* [Тодаева, 1973, 29, 359]. Однако в большинстве общемонгольских слов сохранился исторический **s*, но сама звуковая структура слов существенно трансформировалась, например [Тодаева, 1961; 1964; 1973]:

СПМЯ	монгор.	дун.	баоан.	
amsa-	амуса-	амуса-	–	‘пробовать на вкус’
adayusun	āсе	асун	асоң	‘скот’
bayas-	бесе-	бајасу-	бэсэ-	‘радоваться’
dabusun	дабсе	дансун	дабсоң	‘соль’
jiyasun	джаҗасе	джаҗасун	джлҗасон	‘рыба’

СПМЯ	монгор.	дун.	баоан.	
yasun	jase	јасун	јасоң	‘кость’
mölsün	молсе	мэнсун	мэншу	‘лед’
nasun	насе	насун	насон	‘возраст’
üsün	сдзе (фудзе)	усун	суң	‘волосы’
soqog	соџор	суџо	сохор	‘слепой’
sayulya	сүлба	сауџа	сулга	‘ведро’
ünesü	фунісе	фуніэсун	–	‘пепел’

Переход *s в общемонгольских словах монгорского языка в dz наблюдается в позиции между гласными:

СПМЯ	монгор.	
kimusun	чімудзе	‘ноготь’
qoyusun	хбдзен	‘пустой’
qalisun	халідзе	‘кожура’
utasun	сдадзе	‘нитка’

*š

Исследователи выражают сомнение в отношении исконности фонемы /**š*/ в древнемонгольском языке. Происхождение ее связывают с исконным согласным *s, который развился в *š в позиции перед *i или *i, частично из *c [Владимирцов, 1929, 374–377; Санжеев, 1953, 96; Порре, 1955, 122–125]. Б.Я. Владимирцов отмечал, что в древнемонгольских наречиях *s перед *i произносилось как š, а не как s, но в документах XIII в. графемы si уже читались как šī; *si > *šī, т.е. слова, зафиксированные в старописьменном монгольском языке с графемой si–busi ‘иной, другой’ – уже в квадратной письменности читались как bušī. Вместе с тем отмечается, что в XII–XIII вв., а возможно и в более раннюю эпоху, в старописьменный монгольский язык проникло много слов, заимствованных из разных языков, имевших фонему /š/ в различных позициях [Владимирцов, 1923, 375].

В.И. Рассадин придерживается иного мнения относительно исконности фонемы /**š*/ . Он полагает, что наличие анлаутного ш в междометиях, образных и звукоподражательных словах в современных бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках свидетельствует об исконности фонемы /**š*/ . Безусловно, эта группа слов относится к наиболее древнему пласту лексики, но всегда ли они имели такой звуковой облик? Как известно, некоторые слова, употреблявшиеся в среднемонгольской речи с консонантом s перед i типа *singen* ‘жидкий’, *sire’ün* ‘суровый’ [Мук., 323], в современных языках уже имеют в анлауте ш вместо s: *шингэн* ~ *шэнген*, *ширүүн* ~ *шэрүүн*. Возможно, более реально предположение Б.Я. Владимирцова, ибо многочисленные заимствования с согласным š могли ускорить процесс развития *si > šī, но в среднемонгольский период уже существовал консонант š. Материалы монгорского, дунсянского, баоаньского, дагурского языков сохранили рефлекс древнего анлаутного *p в виде согласного ш. Таким

образом, фонема /ш/, активно функционирующая во всех современных языках, является рефлексом древних *s, *š во всех монгольских языках и рефлексом древнего анлаутного *p в бесписьменных языках китайского региона.

*n

Общемонгольский согласный *n сохранился во всех монгольских языках и диалектах и употребляется в начале, середине и конце слова с разной степенью последовательности в различных языках: общемонг. *nagan 'солнце' > СПМЯ, СС, Мук. nagan, даг. нар, монгор. нара, х.-монг. нарй, калм. нарн, бур. наран. Консонант n относится к наиболее употребительным, функционально активным звукам монгольских языков.

Исследователи отмечают переход исторического *n в анлауте слова в консонант л в некоторых языках, например: *nabaγa ~ *nataγa 'листва' > даг. lawā 'лепесток'; дурбут бэйсе, ару хорчинский, горлосский, ларчи [Рорре, 1955, 163]. Вместе с тем *n сохраняется в этих же словах в других монгольских языках: х.-монг. навч(ин), калм. намч, бур. набша ~ намиша.

Переход анлаутного n в л наблюдается преимущественно в монгольских языках китайского региона: в монгорском, дунсянском, баоаньском языках и в отдельных говорах языка монголов Внутренней Монголии. Примеры: СПМЯ nabč'in 'листва, листья' > монгор. лавчи, дун. лачын, баоан. лабчон; СПМЯ nouγu 'недоуздок' > монгор. лото; в большинстве говоров языка монголов Внутренней Монголии – лохт ~ логт, в отдельных – нохт ~ ногт [Тодаева, 1981, 175].

В.И. Рассадин отмечает неравномерность эволюции *n в разных позициях слова в бурятском языке [Рассадин, 1982, 87–92]. В начале слова *n сохраняет свое качество перед любым гласным, кроме *i. Это объясняется общей закономерностью изменения согласных в позиции перед гласным i. В бурятском языке отмечается палатализация *n в начале слова перед i, т.е. *n > н', например:

СПМЯ	бур.	х.-монг.	калм.	
nidün	н'үдэн (нюдэн)	нүд	нүдн	'глаз'
niγur	н'уур (нюур)	нүүр	нүр	'лицо'
nitug	н'утаг (нютаг)	нутаг	нутг	'родина'
ničügün	н'үсэгэн (нюсэгэн)	нүцгэн	нүцгн	'голый'

Для бурятского языка характерна палатализация *n в анлауте слова. Это явление наблюдается у большинства слов с анлаутным *n в общемонгольских словах. Палатализующее влияние на *n оказал перелом гласного i, но в ряде слов анлаутный *n перед *i не подвергся палатализации.

Отсутствие палатализации анлаутного n при наличии перелома i в приведенных словах халха-монгольского и калмыцкого языков объяс-

няется тем, что в этих языках ассимиляция *i* произошла в тот период, когда на месте *i* в твердорядных словах функционировал еще заднерядный **i* (типа *ы*), поэтому перелом **i* не оказал палатализирующего влияния на предшествующий **n*. Перелом **i* в бурятском языке в целом произошел значительно позднее, уже после совпадения **i* и **i* в одном нейтральном гласном *i* [Санжеев, 1953, 118], не исключая отдельных случаев перелома на стадии **i* в словах типа *нарай* 'ново-рожденный'.

В некоторых монгольских языках гласный **i* не подвергся перелому после **n* и последний консонант сохранил свое качество. Это имеет место в основном в бесписьменных островных языках, например:

СПМЯ	мог.	даг.	монгол.	дун.	баоан.	
nigen	nikan	—	nige	нэ	нэгэ	'один'
nilbusun	nilbusun	н'омбѳс	нѳлбусе	нигусун	нэмсоѳ	'слеза'
niyur	nwr	—	ниур	ниу	нор	'лицо'
ničügün	—	ни'ч'к'о	ничигѳр	мучугун	нэшкоѳ	'голый'
niskü-	nisana	—	ниесе-	—	мосэ-	'лететь'
nidün	nwdwn	нид ~нидѳ	—	—	—	'глаз'

Процесс эволюции **n* в анлауте в основном характеризуется сохранением прежнего качества. Модификация этого консонанта в виде *л*, *м*, *ј* носит периферийный характер, встречаясь в отдельных словах некоторых языков. Например, переход **n* в среднеязычный щелевой *ј* наблюдается в западных говорах бурятского языка [Митрошкина, 1968, 52], например: СПМЯ *nebte* 'насквозь' > зап.-бур. *ебтэ*, лит. бур. *нэбтэ*; СПМЯ *nebterkei* 'сквозной' > зап.-бур. *ебтэрхэй*, лит. бур. *нэбтэрхэй* и т.д. [Рассадин, 1982, 91].

Аналогичное явление зафиксировано Б.Х. Тодаевой в харчинском говоре восточного диалекта монгольского языка Внутренней Монголии, например: СПМЯ *nimgen* 'тонкий' > хорч. *јингэн* [Тодаева, 1960, 56].

В инлауте слова **n* в основном сохранил свое качество в большинстве монгольских языков и диалектов. Рефлексы **n* > *л* ~ *м* ~ *ј* также занимают периферийное место с точки зрения функциональных свойств, встречаясь в отдельных словах некоторых языков, например: СПМЯ *tenekei* 'лягушка' > х.-монг. *мэлхий*, калм. *меклэ*; СПМЯ *tinaya* 'плеть, кнут' > дурбут бэйсе *милдэ*, калм. *маля*; СПМЯ *etiüne* 'передний', 'южный' > даг. *эмѳл*; СПМЯ *qonin* 'овца' > хор. *хој*; СПМЯ *könggen* 'легкий' > лит. бур. *хүнгэн*, зап.-бур. *хүйгэн* и т.д.

В эволюции **n* в ауслауте слова наблюдаются разные формы его модификации в различных монгольских языках и диалектах. Наиболее регулярный характер носит переход переднеязычного сонанта *n* в заднеязычный *ң*. Аналогичное явление имеет место в бурятском, халха-монгольском, баоанском и дунсянском языках:

СПМЯ	бур.	х.-монг.	баоан.	дун.	
aman	амаң	ам(аң)	амаң	амаң	'рот'
dabusun	дабаһаң	давс(аң)	дабсоң	даңсун	'соль'
ebüsün	үбэһэң	өвс(өң)	вэсоң	осуң	'трава'
dayun	дууң	дуу(ң)	дуң	дуаң	'песня'

Вместе с тем встречаются случаи выпадения ауслautного **n* в некоторых общемонгольских словах в халха-монгольском, монгорском, дагурском языках и в языке монголов Внутренней Монголии, например:

СПМЯ	х.-монг.	ЯВМ	монгор.	даг.	
aman	ам ~ амаң	ам ~ амаң	ама	ам ~ амă	'рот'
amin	амь	амь ~ амиң	ами	ами	'жизнь'
arasun	арьс ~ арьсаң	арьс	арасе	арс	'кожа'
ebüsün	өвс(өн)	өвс ~ өвсөң	весе	еус ~ ewce	'трава'
küjügün	хүзүү ~ хүзүү(н)	хүзүү ~ хүзүүн	гуджи	куцу	'шея'
jirüken	зүрх	зүрх ~ зүрхэн	джирге	цүруг ~ цүрүгү	'сердце'

Наряду с выпадением ауслautного **n* в этих же языках бытуют общемонгольские слова, в которых сохраняется исторический **n*, например: СПМЯ *ariγun* 'чистый' > х.-монг. *ариун*, монгор. *ариун*, ЯВМ *ариун*.

Сохранение ауслautного **n* более регулярно наблюдается в бурятском, калмыцком, дунсянском, баоаньском и могольском языках, например: СПМЯ *baγan* 'богатый' > бур. *баян*, калм. *баян*, монгор., дун. *бајан*, баоан. *бајаң*; СПМЯ *γasiγun* 'горький', 'кислый' > бур. *гашуун*, калм. *һашун*, монгор. *җашен*, дун. *кышун*, мого. *qasun*; СПМЯ *γurbaγ* 'три' > бур. *гурбан*, калм. *һурвн*, монгор. *џуран*, дун. *џуран*, баоан. *џораң*; СПМЯ *qurduγ* 'быстрый' > бур. *хурдан*, калм. *хурдн*, монгор. *џурдун*, дун. *џурджн*, баоан. *џордоң*.

Наблюдается также выпадение ауслautного **n* в некоторых падежных формах имен существительных и числительных [Porre, 1955, 167–170; Рассадин, 1982, 91].

**l*

Переднеязычный латеральный консонант *l* имеется во всех монгольских языках и диалектах. Он функционально ограничен, так как не употребляется в анлауте исконно монгольских слов (см., например: [Владимирцов, 1929; Санжеев, 1977]).

Имеющиеся в монгольских языках слова с анлаутным *l* являются либо лексическими заимствованиями позднего происхождения, либо образными и звукоподражательными словами. Исследователи указывают, что в древних лексических заимствованиях общемонгольского языка анлаутный **l* заменялся носовым *n*, например общераспространенное слово **nojan* 'начальник' восходит к китайскому **lojan* 'гос-

подин'. Начальный */ китайского слова (языка-источника) заменен согласным *н* в языке-реципиенте, в котором не употребляется согласный *л* в начале слова. Подобное явление достаточно обычно, ибо звуковая адаптация лексических заимствований отражает фонетические законы заимствующего языка.

Современный период в развитии монгольских языков показывает произошедшие изменения в функциях согласного *л* под влиянием контактов с иноструктурными языками. Здесь можно отметить два новых явления: 1) в литературно-письменных монгольских языках стало нормой употребление *л* в анлауте только заимствованных слов, занимающих существенное место в лексике монгольских языков; 2) в бесписьменных островных монгольских языках китайского региона происходит обратное явление, а именно наблюдается трансформация общемонгольских слов с согласным *н* в анлауте, который развился в *л*, например: СПМЯ *nabčín* 'листья, листва' > монгор. *лавчи*, дун. *лачын*, баоан. *лабчоң*, даг. *ларчи*; СПМЯ *поүто* 'недоуздок' > дун. *лото*, баоан. *лохтэ*; СПМЯ *nabaγa* 'ветка' > даг. *lawā* 'лепесток'.

Анлаутный *л* также встречается в этой группе монгольских языков в результате трансформации монгольских слов посредством опущения предшествующего слога, например: СПМЯ *uyila-* 'плакать' > монгор. *lä-*, дун. *yila-*, баоан. *lä-*; СПМЯ *ilya-* 'отбирать, выбирать' > монгор. *лаҗа-*; СПМЯ *üle* 'не' > монгор. *лi*, мог. > *la ~ lw*; СПМЯ *ölüsü-* 'проголодаться' > монгор. *лосе-*. Подобных слов с анлаутным *л* не так уж много, но сам факт трансформации исконно монгольских слов по аналогии со звуковой структурой языка окружения свидетельствует об изменении фонологической системы.

Модификация исторического */ в середине слова монгольских языков и его переход в палатальный *л*, в носовые согласные *н*, *м* и заднеязычный *ң* с указанием фонетических условий перехода консонанта */ и явление чередования *л* и *р* подробно рассмотрены в работах монголистов [Рорре, 1955, 155–160; Рассадин, 1982, 92–95].

В бесписьменных языках китайского региона */ в основном сохранился в позиции перед гласными, но перед согласными исторический */ дал рефлекс в виде сонанта *н*, например: СПМЯ *malta-* 'копать' > > монгор. *манта-*, дун. *манта-*, баоан. *мантал-*; СПМЯ *mölsün* 'лед' > > монгор. *молсе*, дун. *мэнсун*, баоан. *мэнту*, даг. *меic*; СПМЯ *nilbusun ~ nilmusun* 'слеза' > дун. *нигусун*, баоан. *нэмсоң*, даг. н'омбос; СПМЯ *bögelji-* 'вырывать, рвать' > дун. *бэнджэ-*; СПМЯ *qudalči* 'лгун' > дун. *гуданчын*. Замена исторического */ консонантом *н* в середине общемонгольских слов происходит неравномерно в этих языках: в одних словах заменяется, в других – выпадает.

Более последовательная замена инлаутного */ согласным *н* наблюдается в дунсянском языке, в котором встречается стечение двух согласных в середине слова, из них первым компонентом, как правило, бывает сонант *н*. В соответствии с этим общемонгольские слова трансформируются и согласный *л* в позиции перед другими согласными за-

меняется носовым *н*, например: СПМЯ *alqum* 'шаг' > дун. *hanku*; СПМЯ *alda-* 'лишаться, терять' > дун. *анда-*; СПМЯ *alaya* 'ладонь' > дун. *hanfa*.

Выпадение инлаутного **l* перед согласными встречается реже и в островных бесписьменных языках, так же как в письменных монгольских: СПМЯ *eljige* 'осел' > монгор. *джиге*; СПМЯ *mölsün* 'лед' > даг. *meise*, х.-монг. *мөс*, калм. *мөсн* [Рорре, 1955, 158; Рассадин, 1982, 93–94].

Исторический **l* в ауслaute в основном сохранил свое качество в большинстве монгольских языков, но из группы бесписьменных выделяется дунсянский. В дунсянском *л* заменился переднеязычным сонантом *н*, в баоанском реже встречается замена *л* заднеязычным *ң*, например:

СПМЯ	дун.	баоан.	
ayil	абын	–	'село'
bal	бан		'мёд'
γulir	курун		'мука'
ögül	увун	ңгоң	'зима'
saqal	саған		'борода'
asayudal	асадан	–	'вопрос'
köl	куан	кул	'нога'

Замена **l* согласным *н* в дунсянском языке обусловлена звуковой структурой слова, оканчивающегося либо на гласный, либо на согласный *н*. Этим обстоятельством объясняется опущение ауслautных согласных (кроме *н*) в общемонгольских словах либо наращение к конечному согласному гласного элемента типа *далэу* 'лопата' < *дал*. Иначе говоря, здесь наблюдается уподобление структуре слова в китайском языке.

Таким образом, исторический **l* в большинстве монгольских языков имеет рефлексы: *л*, *л'*, *н*, *м*, но палатальный *л'* не встречается в монгорском, дунсянском, баоанском языках, в которых отсутствует дифференциальный признак "твердость/мягкость".

**ɣ*

Дрожащий альвеолярный *ɣ* сохранился во всех монгольских языках и диалектах. Б.Я. Владимирцов отмечал, что исконный **ɣ* не употреблялся только в начале монгольских слов [Владимирцов, 1929, 366], но анлаутный *ɣ* встречается в лексических заимствованиях письменного монгольского языка и халха-монгольского "наречия" [там же]. В монгольском праязыке тоже не употреблялся **ɣ* в начале слова [Рорре, 1955, 160].

Современное состояние монгольских языков свидетельствует о некотором изменении в употреблении исконного согласного **ɣ*. Во всех монгольских языках, за исключением дунсянского, анлаутный *ɣ* употребляется в лексических заимствованиях из иноструктурных языков, с которыми находятся в контакте монгольские языки. В.И. Рассадин

зафиксировал единичные случаи употребления анлаутного *p* в исконно монгольских словах бурятского, халха-монгольского, ордосского языков в результате редукции анлаутного гласного, за которым следовал *p*, например: в начале послелого – *pyu* < *urayū* ‘вниз’ [Рассадин, 1982, 96–97]. Действительно, для письменных монгольских языков менее характерна такая трансформация общемонгольских слов.

В бесписьменных островных языках дело обстоит несколько иначе. Исследователи дагурского и могольского языков зафиксировали употребление анлаутного *r* лишь в заимствованных словах [Поппе, 1930₂; Ивановский, 1894; Ф.В. Муромский в работах: Kałużyński, 1969; 1970; Ramstedt, 1906; Ligeti, 1954; Iwamura, 1961]. В дунсянском языке не встречаются случаи употребления согласного *p* в анлауте слова, включая заимствования. В монгорском и баоаньском языках анлаутный *p* наблюдается в результате редукции анлаутного гласного, предшествовавшего согласному *p* в монгольских словах, например: СПМЯ *aral* ‘остров’ > монгор. *pal*; СПМЯ *örgön* ‘широкий’ > монгор. *rgуен*; СПМЯ *ire-* ‘прийти’ > монгор., баоан. *pe-*; СПМЯ *erdem* ‘умение’, ‘талант’ > монгор. *pдем*; СПМЯ *araku* ‘водка’ > баоан. *pacэ*. В монгорском языке еще встречается в нескольких словах вставка согласного *p* вместо анлаутного гласного в слове *ögöl* > *ргул* ‘зима’; вставка *p* вместо опущенного слога *el* в слове *eljigen* > *рджиге* ‘осел’.

В инлауте и ауслауте монгольских слов литературно-письменных монгольских языков наблюдается сохранение старого **r*, но в позиции перед историческими мягкорядными гласными появился палатализованный *p'* вместо твердого *p*, примеры: бур. *харā* ‘видел’ – *хар'ā* ‘ушел’, *хар* ~ *хара* ‘черный’ – *хар'* ‘возвращайся’ и т.д. Палатализованного *p'* нет в монгольских языках китайского ареала. Твердый *p* сохранил свое качество в середине слов во всех монгольских языках, например: СПМЯ *ariγun* ‘чистый’ > х.-монг. *ариун*, бур. *арюун*, калм. *эрун*, ЯВМ *ариун*, монгор. *ариун*, дун. *арун*, баоан. *аруң*, даг. *оруң*. Сохранился исторический **r* и в ауслауте монгольских слов в большинстве монгольских языков и диалектов. Исключение представляет дунсянский язык, в котором этот согласный выпал в связи с тем, что здесь слово заканчивается только на гласный или на согласный *n*:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	
amasar	амасэ	амсар	‘дыра’
alčiyur	анчу	алчуур	‘платок’
qaduγur	ѣду	хадуур	‘коса’
qoyar	ѣуа	хоер	‘два’
qamar ~ qabar	кава	хамар	‘нос’
möndür	мэндэу .	мөндөр	‘град’
nökür	нокэ	нөхөр	‘товарищ’
soqur	суѣо	сохор	‘слепой’

Выпадение согласного *p* встречается и в середине слова. Это явление отмечается и в письменных монгольских языках в определенных фонетических условиях, например перед согласными **t*, **č*, **z* [Рорре,

1955, 162; Рассадин, 1982, 96]. В баоанском, монгорском языках выпадение *p* встречается реже, чем в дунсянском, и преимущественно в позиции перед консонантами *c*, *g*, *m*, например: СПМЯ *bars* 'барс' > монгор., баоан. *бас*, дун. *басы*; СПМЯ *marqasi* 'завтра' > монгор. *маџаше*, дун. *маџашы*, баоан. *махшэ*; СПМЯ *erte* 'рано' > баоан. *эмэ*. Выпадение консонанта *p* в середине слова встречается в дунсянском языке перед всеми согласными, так как ему не свойственно стечение двух согласных, но возможно стечение двух согласных, если первым из них является консонант *n*:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	
bergen	бэгэн	бэргэн	'сноха', 'вестка'
jirüken	джүгэ	зүрх	'сердце'
kefci-	кичы-	хэрч-	'нарезать'
marta-	мата-	марта-	'забыть'

Таким образом, бесписьменные монгольские языки китайского ареала, особенно дунсянский, характеризуются своеобразием в рефлексах исконного **r* [Тодаева, 1961; 1964; 1973].

СРЕДНЕЯЗЫЧНЫЙ СОГЛАСНЫЙ **j*

Среднеязычный звонкий спирант *j* сохранился во всех монгольских языках. Рефлексы этого консонанта в письменных памятниках XIII–XIV вв. в среднемонгольских наречиях, в халха-монгольском, калмыцком, бурятском, дагурском, монгорском и могольском языках описаны в трудах монголистов [Рамстедт, 1908, 28–30; Владимирцов, 1929, 367–371; Порре, 1955, 126–129; Рассадин, 1982, 97–98].

Консонант *j* встречается преимущественно в начале и в середине слова в позиции между гласными, например: СПМЯ *jaγun* 'что', *jambar* 'какой', СС *ja'un*, *jambar*, Мук. *jama* 'что-либо', даг. *jō* 'что', *jōm* ~ *jēm* 'что-либо', мого. *jān* 'что', 'какой', ш.-юг. *jan*, орд., халх. *jū* 'что', *jamar* 'какой', бур. *jün* 'что', *jamar* 'какой', мого. *jet* ~ *jema* 'что', *jemar* 'как', 'каким образом', калм. *jün* 'что', *jamārn* 'какой'.

Некоторые островные бесписьменные монгольские языки китайского региона обнаруживают свою специфику в функциях исконного консонанта **j*, хотя он в принципе сохранился во всех позициях общемонгольских слов. Наблюдается выпадение гласного в позиции перед *j*, и поэтому последний передвигается с инлаутной позиции в анлаут, например: СПМЯ *ayaya* 'чашка' > монгор. *jaџа*, дун. *jiџа*, баоан. *jiџа*; СПМЯ *ouu-* 'шить' > монгор. *jō*; СПМЯ *uyitan* 'узкий', 'тесный' > монгор. *jūтан*.

В отдельных случаях среднеязычный **j* выпадает в позиции между гласными: СПМЯ *eliye* 'черт' > монгор. *илиё*; СПМЯ *kejiye* 'когда' > монгор. *киджие*, дун. *киджэ*, баоан. *кэджэ*; СПМЯ *küyiten* 'холодно' > монгор. *куитен*, дун. *куичиэн*, баоан. *китаң*; СПМЯ *öberiyen* 'сам' > монгор. *нджиён*.

Специфичным для монгурского языка является образование долгих гласных в результате редукции среднеязычного *j*. Б.Х. Тодаева приводит примеры соответствия долгих гласных диалекта хуцзу монгурского языка сочетаниям проточных согласных с гласными монгольского письменного языка [Тодаева, 1973, 15–16]: *takiya* > *таҗу* ‘курица’, *keriye* > *керē* ‘ворона’, *noyir* > *нōр* ‘сон’, *noyitan* > *нīтен* ‘сырой’. Материалы Б.Х. Тодаевой свидетельствуют о наличии долгих гласных, появившихся также в результате редукции проточного *j*, графически обозначаемого в старописьменном монгольском языке знаком у (уод) в конечном слоге слова, например: СПМЯ *qaniya* ‘кашлять’ > монгор. *ханā*; СПМЯ *tejiye* ‘кормить’ > монгор. *чиджіē*; СПМЯ *üniye* ‘корова’ > монгор. *унīē* [там же, 313–386].

В дунсянском языке дело обстоит несколько иначе из-за отсутствия в нем долгих гласных. Среднеязычный консонант **j* сохранился в анлауте слова, и к тому же среди слов с анлаутным *j* немало китаизмов с аналогичной звуковой структурой, например: СПМЯ *yasun* ‘кость’ > дун. *јасун*; СПМЯ *yara* ‘рана’ > дун. *јара*; дун. *јазы* < кит. *яцзы* ‘утка’; дун. *јанзы* < *янцзы* ‘вид’, ‘форма’.

Вместе с тем исторические комплексы с интервокальным *j* и гласным *i* в ауслaute дифтонгового комплекса утрачивают среднеязычный консонант *j*, например: СПМЯ *uyila-* ‘плакать’ > дун. *уіла-*; СПМЯ *üyile* ‘работа’, ‘дело’ > дун. *уіліэ*; СПМЯ *oyira* ‘близко’ > дун. *уіра*. Наряду с этим в интервокальной позиции *j* сохранился в словах типа *бајан* ‘богатырь’, *нојэн* ‘чиновник’.

В баоанском имеются долгие гласные, но в этом языке дифтонгоидные комплексы с проточным у не дали долгих гласных. В словах с подобными комплексами (с у в инлауте) наблюдается выпадение двух начальных элементов и сохранение гласного *i*, например: СПМЯ *küyiten* ‘холодно, холодный’ > баоан. *кітаң*; СПМЯ *nayiman* ‘восемь’ > баоан. *німаң*; СПМЯ *noyitan* ‘сырой’ > баоан. *нітаң*; СПМЯ *qayıči* ‘ножницы’ > баоан. *хічэ* и т.д.

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

**k*

Общемонгольский заднеязычный смычный согласный **k* развился в проточный заднеязычный согласный *x* в литературно-письменных монгольских языках, но в калмыцком языке кроме *x* употребляется еще *k*:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	ЯВМ	
<i>köke</i>	хөх	хүхэ	көк	хөх	‘синий; голубой’
<i>kučin</i>	хүч(ин)	хүшэн	күчн	хүчин	‘сила’
<i>ködel-</i>	хөдл-	хүдэл-	көдл-	хөдл-	‘двигаться’

Спирантизация смычного заднеязычного *k, т.е. переход его в щелевой заднеязычный x, – наиболее распространенное явление в монгольских языках и диалектах, представляющее собой основную линию в развитии этого исторического *k.

Среди литературно-письменных монгольских языков особое место занимает калмыцкий, в котором *k сохранился в мягкорядных словах и функционирует как самостоятельная фонема [Павлов, 1968; Биткеев, 1965; Кичиков, 1963; Убушаев, 1979]. При этом данная фонема встречается и в словах с твердорядным вокализмом. Вместе с тем в отдельных говорах, а именно в торгутском, замечен процесс спирантизации исторического смычного *k, т.е. переход последнего в щелевой x [Убушаев, 1979, 135].

В литературном бурятском языке и в большинстве его диалектов и говоров функционирует щелевой x – рефлекс исторического *k, но заднеязычный смычный k реализуется как оттенок согласного г [Бураев, 1959]. Аналогичное явление наблюдается в аларском [Поппе, 1930,], тункинском [Абашеев, 1965], сартульском [Бураев, 1965], цонгольском [Будаев, 1965] говорах бурятского языка.

Сохранение *k зафиксировано в языке нижнеудинских бурят [Castgen, 1857; Санжеев, 1930; Дарбеева, 1978] и в хамниганском говоре [Дамдинов, 1968]. В восточных и южных говорах бурятского языка исторический *k реализуется еще в позиции перед *i* в виде палатализованной фонемы *x'*, в хамниганском – *к'*, *х'*, в западных – *с'*, *т'*, *ш'*, например: вост. *тамх'аң*, южн. *тамх'а*, хамн. *тамйки* ~ *тамйх'а*, зап. *тамс'аң* ~ *тамш'аң* ~ *тамт'аң* 'табак' [Шагдаров, 1969, 23].

В.И. Рассадин отметил, что модификация *k под палатализирующим влиянием **i* тоже имеет, как и само развитие *k либо в щелевой x, либо в смычный k, двойкий характер, а именно: в одних говорах k в этой позиции перешел в смычный палатализованный *т'*, в других – в щелевые палатализованные *с'*, *х'*, *ш'*... палатализованный смычный *т'* закономерно появляется там, где сохраняется смычный характер исконного *k, т.е. в нижнеудинском и хамниганском говорах (...) В тех же говорах, в которых исконный *k перешел в щелевой x, сочетание **ki* тоже дало щелевой палатализованный согласный *х'* ” [Рассадин, 1982, 101]. Иначе говоря, В.И. Рассадин выводит определенную закономерность: ”в тех бурятских говорах, где до сих пор сохраняется смычный k, либо он существовал еще до недавнего времени в определенных позициях... этот k в положении перед *i* дал палатализованный смычный *т'* (*t'*), а в тех же говорах, в которых палатализация развилась уже при щелевом характере согласного x (< *k), там перед *i* возникли щелевые палатализованные *х'*, *с'*, *ш'* ” [там же, 102].

Таким же образом, в двух бурятских говорах наблюдается сохранение исторического *k, хотя в литературном языке и в остальных говорах и диалектах функционирует заднеязычный щелевой x. Нам представляется, что сохранение смычного заднеязычного *k в двух

указанных говорах бурятского языка объясняется ойратским и тунгусо-маньчжурским субстратом.

В современном монгольском языке основным рефлексом **k* является щелевой заднеязычный консонант *x*. Однако в ойратском диалекте сохранился смычный заднеязычный *k* (см., например: [Рамстедт, 1908; Владимирцов, 1929; Санжеев, 1953; Вандуй, 1965]). Исследователи отмечают сохранение **k* в среднемонгольском наречии по данным мусульманским источников, "Сокровенного сказания" и квадратной письменности [Рорре, 1955, 139–140].

Более последовательное сохранение исторического **k* наблюдается в бесписьменных островных монгольских языках и диалектах. В дагурском, монгорском, могольском, дунсянском, баоаньском, шираюгурском языках тоже сохранился заднеязычный **k*, который является самостоятельной фонемой.

В монгорском языке сохранились и увулярный смычный **k*, и заднеязычный *k*; первый бытует в диалекте минхэ, а второй – в диалектах минхэ и хуцзу [Тодаева, 1973].

Фонема /*k*/ встречается преимущественно в общемонгольских словах с мягкорядным вокализмом, но состав гласных слова трансформируется в соответствии с системой гласных монгорского языка, например: СПМЯ *kebeg* 'отруби' > монгор. *кава*; СПМЯ *kögergen* 'мост' > монгор. *кōлго*; СПМЯ *köl* 'нога' > монгор. *кол*; СПМЯ *kölüre* 'потеть' > монгор. *kokopi-*; СПМЯ *kücin* 'сила' > монгор. *куджи*; СПМЯ *kelen* 'язык' > монгор. *килие*.

Смычный согласный *k* в монгорском языке употребляется преимущественно в анлауте, реже – в середине слова и не встречается в ауслауте. В монгорском и баоаньском языках изредка встречается рефлекс исторического **k* в виде увулярного согласного *ḡ*, например: СПМЯ *takiya* 'курица' > монгор. *таḡу*; СПМЯ *kürje* 'лопата' > монгор. *ḡурджаḡ*, баоан. *гурожэḡ*.

В дунсянском и баоаньском языках наблюдается сохранение заднеязычного смычного **k* в качестве самостоятельной фонемы. Встречается она в начале и середине слова, а в ауслауте отсутствует, так же как и в монгорском языке, например:

СПМЯ	дун.	баоан.	монгор.	
keqeli	kiэли	—	kelie	'живот, брюхо'
ken	kiэн	каḡ	кен	'кто'
köl	куан	кул	кол	'нога'
köke	кутэ	когэ	куго	'синий'
kür-	куру-	кур-	кури-	'достичь', 'доходить'
kei	кэi	ki	ki	'ветер'

В середине слова фонема /*k*/ встречается редко, лишь в отдельных словах указанных островных языков:

СПМЯ	дун.	баоан.	монгор.	
pökür	нокэ	нокэр	нокуор	'товарищ'
puke	нукун		ноке	'яма', 'дыра'

Среди слов с инлаутным согласным *k* этот консонант нередко является рефлексом консонанта **g*, например: СПМЯ *ničügün* 'голый, раздетый' > баоан. *нэшкоң*; СПМЯ *čigiraγ* 'сильный', 'крепкий' > дун. *чыкара*; СПМЯ *niṃgen* 'тонкий' > дун. *нiнкэн* и т.д.

В монгорском и частично в дунсянском языках наблюдается также переход исторического комплекса **ki* в *či* в отдельных словах, например: СПМЯ *kituγa* 'нож' > монгор. *чiдоџо*; СПМЯ *kirüge* 'пила' > монгор. *чiрү*, дун. *чiруэ*; СПМЯ *kimusun* 'ногти' > монгор. *чiмудзе*; СПМЯ *okin* 'девушка' > дун. *очiн*.

Б.Х. Тодаева отметила соответствие смычного заднеязычного *k* монгольского письменного языка аффрикате *č* в монгорском, современном монгольском и дунсянском языках [Тодаева, 1973, 31].

В могольском и дагурском языках **k* сохранился как смычный *k* [Ramstedt, 1905, 44; Поппе, 1930₂, 131—132]. Таким образом, во всех островных бесписьменных монгольских языках сохранился консонант **k* в виде заднеязычного *k*, изредка он реализуется в качестве согласного *g*.

Переход сильного смычного **k* в слабый *g* встречается также в говорах Внутренней Монголии, в частности в ордосском, например: СПМЯ *kebte-* 'лежать' > орд. *гeбте-*, в других островных языках это слово употребляется с согласным *k*, например: дун. *kiджiэ-*, монгор. *kiдэ-*.

**g*

Общемонгольский заднеязычный смычный **g* сохраняется во всех монгольских языках и диалектах и реализуется преимущественно в качестве фонемы /*g*/ [Владимирцов, 1929, 392; Санжеев, 1953, 34, 57; Порре, 1955, 146—154; Рассадин, 1982, 103—107].

В указанных работах подробно рассматриваются рефлексy старoгo **g* в современных монгольских языках и письменных памятниках XIII—XIV вв., характеризующих среднемонгольскую речь. В.И. Рассадин в отличие от своих предшественников, исследуя бурятский язык, широко использовал диалектный материал. Он отмечает, что во всех говорах бурятского языка в мягкорядных словах *g* передается буквой *g*, кроме позиции перед *i*. Автор обращается к модификации сочетания **gi*, которое в разных говорах реализуется в анлауте в виде палатализованного *д'* в говорах хоринского типа [Бураев, 1959], в тункинском [Абашеев, 1965], окинском [Рассадин, 1982], нижеудинском [Дарбеева, 1978], аларском [Поппе, 1930₁], сартульском [Бураев, 1965], цонгольском [Будаев, 1965] говорах и диалектах бурятского языка.

Переход **g* перед **i* в целевой среднеязычный *j* наблюдается в боханском [Бураев, 1959], качугском [Митрошкина, 1968], эхирит-булагатском [Матхеев, 1956] говорах бурятского языка.

Таким образом, исторический комплекс **gi* в инлауте развился в: 1) *gi* в хамниганском, баргузинском; 2) *д'и* в хоринском, сартульском, цонгольском, тункинском, окинском, нижеудинском; 3) *ji* в эхирит-

булагатском, качугском и аларском говорах бурятского языка [Рассадин, 1982, 104—105].

В анлауте *gi дал ja, jэ в хоринском диалекте. В середине и в конце слов *gi, *ge > d'i и в литературном бурятском языке.

В бурятском литературном языке согласный г характеризуется как заднеязычная увулярная фонема [Бураев, 1959, 98].

В калмыцком языке заднеязычный *g сохраняется в виде заднеязычной смычной слабой фонемы /г/ и употребляется во всех позициях в мягкорядных словах, а в твердорядных — в середине и на конце слова [Биткеев, 1965, 48—49; Павлов, 1983, 155]. Эта же особенность согласного г наблюдается и в говорах калмыцкого языка [Кичиков, 1963, 13; Убушаев, 1979, 132—133]. В халха-монгольском языке исторический *g также развился в заднеязычный смычный слабый согласный г, встречающийся в мягкорядных словах [Владимирцов, 1929; Лувсанвандан, 1967; Цолоо, 1976; Мөөмөө, 1979].

Специфичными являются рефлексy исторического *g в островных бесписьменных монгольских языках, особенно в монгорском, дунсянском и баоанском. В указанных языках наблюдается прежде всего сохранение этого консонанта *g. Заднеязычный г в этих языках отражает рефлекс *g и *k и употребляется во всех позициях мягкорядного слова, однако на конце слова встречается реже, чем в других позициях, например: СПМЯ *eljige* > монгор. *джиге* 'осел'; СПМЯ *örmüge* > монгор. *мерге* 'женский халат'; СПМЯ *mergen* > монгор. *мерген* 'меткий'; СПМЯ *etegen* > монгор. *муген* 'старуха'; СПМЯ *ködel-* 'двигаться' > монгор. *гудол-*; СПМЯ *kijügün* > монгор. *гуджи* 'шея'; СПМЯ *jirüken* > монгор. *джирге* 'сердце'; СПМЯ *köke* > монгор. *кугуо* 'синий'; СПМЯ *ükü-* > монгор. *фугу-* 'умирать'. При этом звуковая структура монгольских слов монгорского языка трансформируется.

Характерным для монгорского является то, что заднеязычный смычный г встречается перед всеми гласными: а, е, о, у.

В таких же позициях заднеязычный г отмечается в дунсянском и баоанском языках, в которых также отсутствуют переднерядные ö и ü:

СПМЯ	дун.	баоан.	монгор.	
gün	гун	гун	гун	'глубоко'
könjile	гуанджэлэ	—	—	'одеяло'
kedüi	гэдун	—	кидн	'сколько'
üku-	фугу-	нгудэ-	фугу-	'умирать'

В дунсянском заднеязычный г в ауслауте не встречается, ибо в этом языке в ауслауте слова могут употребляться только гласные либо сонант н.

Кроме того, заднеязычный г встречается в анлауте общемонгольских слов, но после этого согласного появляется гласный i, например:

СПМЯ	дун.	
ger	гэ	'дом'
gerel	гэрэн	'свет'
gemt-	гэмэрэ-	'болеть, заболеть'

Заднеязычный *ɣ* в начале слова встречается преимущественно в китаизмах, в инлауте — редко; наблюдаются случаи выпадения инлаутного *ɣ* при сочетании последнего с другим согласным, так как звуковая структура слова не допускает стечения двух согласных в середине слова, не считая сонанта *h* в качестве первого компонента, например: СПМЯ *soɣta-* ‘пьянеть’ > дун. *so-to-*.

Переход **g* в согласный *m* замечен в слове *kontəi* ‘легкий’ < *könggen*. Замена исторического **g* согласным *m* в дунсянском языке обусловлена спецификой дунсянского языка, для которого стечение *ng* в слове менее привычно, чем *mt*.

В баоанском языке исторический **g* сохранился во всех позициях слова:

СПМЯ	баоан.	
ünegen	га	‘лисица’
ügei	гi	‘нет’
mörgü-	мэргэ	‘кланяться’
ničgün	нэшкoң	‘голый’
eŋigen	нджигэ	‘осел’
önegen	ндэги	‘яйцо’
bičig	пэджэг	‘письмо’
ebüdüq	эбдэг	‘колени’

Таким образом, заднеязычный *ɣ*, восходящий к историческим **g* и **k*, сохранился в этой группе бесписьменных островных монгольских языков, но в несколько трансформированной звуковой структуре слова по сравнению с письменными языками.

*ŋ

Относительно заднеязычного согласного **ŋ* исследователи единодушны в том, что этот исторический консонант имеется во всех монгольских языках и употребляется только в двух позициях: в инлауте перед заднеязычными *x*, *ɣ* и в ауслауте слова, но никогда не встречается в анлауте [Владимирцов, 1929, 346; Санжеев, 1953, 88; Порре, 1955, 170; Рассадин, 1982, 107]. Однако в монгорском и баоанском языках заднеязычный *ŋ* употребляется в анлауте слова. Монгорский анлаутный *ŋ* встречается в трансформированных общемонгольских словах, в которых инлаутный *ng* передвинулся в анлаут в результате выпадения предшествующего слога, например: СПМЯ *engger* > монг., бур. *энгэр*, монгор. *нге* ‘борта одежды’; СПМЯ *öngge* > монг. *өнгө*, бур. *үнгэ*, монгор. *нгуо* ‘цвет’, ‘окраска’. Консонант *ŋ* наращивается также к основам с согласным *ɣ* типа: СПМЯ *uɣiɣa-* > монг., бур., калм. *угаах*, монгор. *нбуа̄-* ‘стирать’, ‘мыть’. Слов с анлаутным *ŋ* в этих языках немного, особенно в баоанском [Тодаева, 1973; 1964].

Разнообразный характер рефлексов исторического **ŋ* прослеживается В.И. Рассадиным на материале бурятских говоров. Им замечен переход заднеязычного **ŋ* в инлауте в позиции перед **gi* в передне-

язычный палатализованный *н'* наряду с переходом **g* либо в *d'*, либо в *j* в различных бурятских говорах. Примеры: СПМЯ *tanggir* > х.-монг. *мангир*, калм. *мэңгрен*; вост.-бур., окин. *ман'д'ир*, зап.-бур. *ман'jahan* 'дикий лук' [Рассадин, 1982, 108], но в литературном бурятском и в большинстве восточных говоров бытует *мангир*. В монгольском и бурятском наблюдается утрата назального элемента согласным **ŋ* в позиции перед **n* < **l* и переход его в заднеязычный *г*: СПМЯ *cingna-* > х.-монг. *чагна-*, бур. *шагна-* 'слушать, подслушивать'. При этом в калмыцком и в ряде говоров (ононско-хамниганском, окинском) бурятского языка сохраняется **ŋ* в позиции перед *п*, образуя сочетание **ŋп*: калм. *чиңнх*, хамн. *чиңнакху*, окин. *шаңнаха* 'слушать, подслушивать' [Владимирцов, 1929, 348; Рассадина, 1982, 108].

Кроме того, в ряде языков (халха-монгольском, бурятском, дагурском, калмыцком; ордосском, ойратском диалектах) отмечен переход переднеязычного **n* в заднеязычный *ŋ* в ауслауте слова.

Ауслаутная функция **ŋ* в целом сохранилась в монгольских языках, лишь в калмыцком, монгорском и баоаньском существует в виде графемы *ŋ*. В старописьменном монгольском языке исторический **ŋ* обозначали сочетанием двух букв: *ng* (нун + каф).

В алфавите бурятского и монгольского языков нет знака *ŋ*, хотя этот звук четко слышится в ауслауте слов типа *амаң* 'рот', *эжең* 'хозяин' в бурятском, *аршааң* 'целебный источник', *арьстаң* 'раса' в халха-монгольском.

УВУЛЯРНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Как известно, старописьменный монгольский язык обладал увулярными согласными **q* и **γ*, которые употреблялись только в твердоядных словах, в то время как согласные *k* и *g* встречались лишь в мягкорядных словах. Носовой консонант **ŋ* встречается и в мягкорядных, и в твердоядных словах.

**q*

Исторический увулярный согласный **q* встречается в начале и в интервокальной позиции. Он употреблялся также и после согласных, но только не в мягкорядных словах и не в конце слога или слова. Этот согласный, употреблявшийся в среднемонгольском языке, развился в глухой заднеязычный спирант *χ* в большинстве современных монгольских языков. Развитие **q* связано с развитием исторического гласного **i*, слившегося впоследствии с гласным **i*. Сочетание **qi* > **ki*, т.е. увулярный **q*, употреблявшийся только в твердоядных словах, в позиции перед **i* развился в заднеязычный **k*, который впоследствии спирантизировался в большинстве монгольских языков в проточный *х*, о чем было сказано при анализе рефлексов **k*.

Увулярный **q* в позиции перед другими гласными сохранился в монгольских языках и диалектах в виде согласных *к*, *х*, *г*. В группе

литературно-письменных монгольских языков основным рефлексом *q является проточный x, который наиболее употребителен в анлауте слова. Среди письменных языков калмыцкий приближается к островным бесписьменным языкам по признаку сохранения свойств исторического *q. Здесь сохранились заднеязычный согласный *k и увулярный *q, реализуемые в виде согласных фонем /к/, /х/. Специфичным для калмыцкого языка является наличие в нем конститутивно-дифференциального признака "заднеязычность/увулярность" в группе фонем третьей артикуляции, в то время как в других письменных языках этот фонетический признак служит показателем оттенка фонемы. Эта специфика калмыцкого языка свойственна не только литературному языку [Биткеев, 1965; Павлов, 1963], но также и его говорам [Кичиков, 1963; Убушаев, 1979].

В бурятском языке *q развился в глухой проточный x [Рассадин, 1982, 110—113], но в нижнеудинском и хамниганском говорах сохраняется смычный характер этой исконной фонемы наряду с существованием фонемы /к/. Сохранение этих согласных связано, как нам представляется, с этнической принадлежностью носителей этих говоров к ойратам и тунгусским племенам.

Сохранение *q в виде фонемы /к/ наблюдается также в ойратском диалекте современного халха-монгольского языка. Основным рефлексом этого исконного согласного *q является проточный x [Владимирцов, 1929], но наряду с ним наблюдается и г на месте исконного *q [Рассадин, 1982, 112]:

СПМЯ	х.-монг.	калм.	бур.	
udqa	утга	утх	удха	'смысл'
qadququ	хатгах	хатхх	хадхаха	'пронзить'
qudqaqu	хутгах	хутхх	худхаха	'размешивать'
bayasqalanq	баясгалан	баясхлн	баясхалан	'радость'

Каждый язык имеет свою специфику в проявлении рефлексов исконных согласных в соответствии с особенностями их звуковой системы. Даже в пределах одного языка наблюдаются разные рефлексы исконных звуков. Особо ощутимые различия имеют говоры и диалекты халха-монгольского языка, объединившего языки различных по своему этническому происхождению племен и родов, которые сохранили свои исконные языковые свойства [Вандуй, 1965]. Так, например, в ойратском диалекте сохранились консонанты *k и *q, как и в калмыцком языке, например: СПМЯ *ködel*- 'двигаться' > х.-монг. *хөдлөх*, ойрат. диал. *көдлөх*, калм. *көдлх*, бур. *хүдэлхэ*; н.-у. бур. *көдөлхэ*; СПМЯ *kücin* 'сила' > х.-монг. *хүчэн*, ойрат. диал. *күчн*, калм. *күчн*, бур. *хүшэн*, н.-у. бур. *күшэн*.

Исторический увулярно-заднеязычный *q сохранился в твердорядных словах монгольского языка в виде графемы г, обозначающей смычный увулярный согласный [Тодаева, 1973, 25]. Согласный ɣ употребляется в начале и середине слова. Увулярный ɣ монгольского языка восходит к согласным *g, *ɣ, *k.

В дунсянском языке согласный ζ , характеризующийся как заднеязычный звонкий взрывной согласный, представляет собой рефлекс согласных $*g$ и $*\gamma$, редко $*k$ и употребляется только в начале и середине слова, но никогда не встречается в ауслауте [Тодаева, 1961, 9].

Так же обстоит дело и с рефлексами $*q$ в баоанском языке. Увулярно-заднеязычный $*g$ сохранился в нем в виде заднеязычного взрывного согласного, который употребляется в начале и в середине слова [Тодаева, 1964, 9]. Этот согласный в основном восходит к исконным $*g$ и $*\gamma$.

В дагурском языке, так же как и в других островных бесписьменных монгольских языках, сохранилась вся группа заднеязычно-увулярных согласных $*q, *γ, *k, *g, *η$. В отличие от монгольского, дунсянского и баоанского языков в нем еще наблюдается и смычный, и щелевой заднеязычно-велярный — g и ζ [Поппе, 1930₂, 127]. Основным рефлексом исконного $*q$ в дагурском языке является проточный x , а согласный $*k$ сохранился в виде заднеязычного k , например: $k'eli$ 'язык' < *kele*; *alxū* 'шагать' < *alqu*.

В позиции между гласными χ и k дали, как правило, звонкие $\zeta \sim \gamma < \chi; g \sim \zeta < *k$: $\gamma g i \eta$ 'дочь' < *ökin*; $\gamma g y$ 'умирать' < *ükü-*; $m' a \zeta \bar{a}$ 'мясо' < *miqan* [Поппе, 1930₂, 132]. В дагурском заднеязычный увулярный согласный γ употребляется во всех позициях слова, реже — в ауслауте, например: *шарар* 'соловей' < *siryā*.

В монгольском тоже сохранились эти исконные согласные $*q, *γ, *k, *g, *η$ [Ramstedt, 1906, 43—47]. Примеры:

СПМЯ	монгор.	дун.	баоан.	мог.	даг.	
qada	гада	гада	—	—	kadāra	'гора'
qaduuyr	гадир	гаду	гадэр	—	—	'серп', 'коса'
qoyar	гор	гуа	гуар	qojör	—	'два'
qudal	гудал	гудан	—	qudol	—	'ложь'
qurdun	гурдун	гуджин	гордоң	qurdun	—	'быстрый'
qadam	гадем	гадун	—	—	xadun	'родня жены, мужа'

$*\gamma$

Заднеязычно-увулярный $*\gamma$ (или $*q$), развившийся в заднеязычный g в позиции перед i и употреблявшийся в разных позициях слова, сохранился во всех монгольских языках. Исторический $*\gamma$ реализуется преимущественно в виде фонемы / g / с заднеязычным и увулярным оттенками в бурятском, халха-монгольском и в языке монголов Внутренней Монголии, а в калмыцком $*\gamma$ сохранился в заднеязычном g и увулярном h . Примеры: СПМЯ $\gamma a \zeta ir >$ бур., х.-монг. *газар*, калм. *газр* 'земля, почва'; СПМЯ $\gamma ar >$ бур., х.-монг. *гар*, калм. *гар* 'рука'.

Увулярный g реализуется почти во всех литературно-письменных языках, и лишь в калмыцком рефлекс исторического $*\gamma$ обозначен графемой h в связи с тем, что в последнем заднеязычность/увулярность является конститутивно-дифференциальным признаком согласных

фонем, например: СПМЯ *jīyasun* > бур. *загаһан*, х.-монг. *загас(ан)*, калм. *заһсн* 'рыба'.

Такая же фонематическая дифференциация рефлексов древнего **γ* наблюдается в островных бесписьменных языках: монгорском, дунсянском и баоанском, в которых исторический **γ* развился в заднеязычный *ɣ* и увулярный *ʁ* [Тодаева, 1961; 1964; 1973]. Примеры: СПМЯ *γaʃar* > монгор. *ʁаджир*, дун. *ʁаджа*, баоан. *ʁаджир* 'земля', 'местность', 'почва'. В этой группе бесписьменных языков исторический **γ* развился также в заднеязычные *к* и *х*: СПМЯ *γal* > монгор. *ʁал*, дун. *кан*, баоан. *хал*, даг. *гали* 'огонь'; СПМЯ *γar* > монгор. *ʁар*, дун. *ка*, баоан. *хар* 'рука'; СПМЯ *γasiγun* > монгор. *ʁашен*, дун. *кышун*, даг. *гасун* 'кислый', 'горький'.

Исторический **γ* сохранился в современных языках преимущественно в анлауте и инлауте слова, а в интервокальной позиции он выпал во всех монгольских языках. Случаи выпадения прослеживаются преимущественно в так называемых древнемонгольских долготных комплексах — ГСГ с консонантом *γ* в инлауте. Примеры: СПМЯ *saγulγa* > х.-монг. *суулга*, калм. *суулh*, бур. *һуулга*, монгор. *сүлға*, дун. *сауға*, баон. *сулḡэ* 'ведро'. В данном слове выпадение *γ* во втором слоге произошло во всех языках, но в одних языках выпадению *γ* сопутствовало образование долгого гласного, в других — сохранение гласных комплекса (*сауға* 'ведро'), в третьих — сохранение второго гласного комплекса без образования долготы (баоан. *сулға*).

В литературно-письменных языках обычно образуются долгие гласные в результате выпадения *γ*, а в бесписьменных встречается как сохранение двух гласных комплекса, так и употребление краткого гласного, ибо в этих языках долгота/краткость не имеет фонологического значения в отличие от литературно-письменных языков.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Современные монгольские языки, функционирующие на территории разных стран мира, обладают своей спецификой в развитии звукового строя. При этом одни языки идут в общем русле развития фонетики монгольских языков, другие — обнаруживают значительные отличия от исконных фонетических свойств. Выявление и обобщение этих свойств, а также установление их причинной обусловленности представляют определенную сложность, ибо не по всем монгольским языкам имеются соответствующие данные из-за разной степени изученности звуковой системы каждого из них. Значительно лучше изучена фонетическая система литературно-письменных монгольских языков (см., например: [Рамстедт, 1908; Владимирцов, 1929; Санжеев, 1953; 1977; Лигети, 1955; Порре, 1955; Лувсанвандан, 1967₁]). Немало работ посвящено изучению разных проблем современного монгольского языка и его диалектов (см., например: [Лувсанвандан, 1967; 1974; 1977; Төмөртоого, 1971; Мөөмөө, 1975; Цолоо, 1976; Вандуй, 1965; 1973]), калмыцкого языка и его говоров [Биткеев, 1965; 1975; Павлов, 1974; 1983; Кичиков, 1963; Убушаев, 1979]). Планомерному исследованию подвергся звуковой строй бурятского языка с фронтальным изучением его говоров и диалектов с помощью современных экспериментальных методов фонетики, что послужило фундаментальной базой для создания трудов по исторической фонетике [Рассадин, 1982] и позволило решить проблему становления звукового строя бурятского языка [Бураев, 1987].

Значительно меньше данных по фонетике островных бесписьменных монгольских языков. Первые сведения по ряду из них появились лишь в 50—60-х годах XX в. [Тодаева, 1961; 1964; Činggeltei, 1957; 1958].

ИЗМЕНЕНИЯ В ВОКАЛИЗМЕ

Система гласных имеет свои особенности в каждом из современных монгольских языков, включая сходство и различие между ними и в составе гласных, и в их конститутивно-дифференциальных признаках (см. гл. 1).

В данной главе прослеживается небольшой круг вопросов, отражаю-

щих характер развития общемонгольских фонетических явлений в вокализме разных монгольских языков. К их числу относятся: 1) явления, обусловленные переломом гласного **i*; 2) гармония гласных; 3) дистрибуция гласных в структуре слова.

Монголисты-компаративисты при характеристике происшедших изменений в вокализме (преимущественно на материале литературно-письменных языков) центральное место отводили так называемому перелому гласного **i* (см., например: [Рамстедт 1908; Владимирцов, 1929; Санжеев, 1953; Порре, 1955]). Сингармонизм, дистрибуция гласных в структуре слова, так же как и "перелом **i*", отражая общее явление в фонетике известных монгольских языков, получили совершенно иной резонанс в группе бесписьменных монгольских языков. Это обстоятельство послужило причиной особого рассмотрения указанных фонетических явлений в монгольских языках для определения механизма взаимодействия внутренних и внешних факторов развития звукового строя этих языков.

Фактические данные свидетельствуют о том, что многие интерферентные явления на уровне фонетики, характеризующие языковые отношения в различных ситуациях двуязычия и многоязычия, в одних языках переходят из разряда интерференций в структуру языка-реципиента как строевой элемент его фонетической системы, а в других — остаются фактом интерференции. Поэтому подобные факты требуют особого и детального рассмотрения.

ЯВЛЕНИЯ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЭВОЛЮЦИЕЙ ГЛАСНОГО **i*

Монголисты единодушны в своем признании, что наиболее значительные изменения, затрагивающие эволюцию как гласных, так и согласных, произошли под влиянием гласного **i*. Развитие гласного **i* происходило неравномерно и по-разному в различных монгольских языках (этот вопрос рассмотрен нами в первой главе данной работы).

Материалы исследований монголистов показывают разносторонний характер влияния гласного **i* на становление системы гласных и согласных монгольских языков.

Явления палатализации языков, опереднения заднерядных гласных *a*, *o*, *y* под влиянием старого **i*, отмеченные Г.И. Рамстедтом еще в начале XX в. [Ramstedt, 1906, 51; Рамстедт, 1908, 42, 51—54], подтверждены и дополнены последующими исследователями на материале монгольского, калмыцкого, бурятского языков (см., например: Владимирцов, 1929, 119—121, 170—176; Санжеев, 1953, 108—114, 118—119; 1964, 31—34; Порре, 1955, 31—34; Лувсанвандан, 1967₁, 53—65; Бураев, 1987, 105—117; Рассадин, 1982, 116—132]). При этом установлено, что наблюдаемые фонетические процессы опереднения и палатализации звуков по-разному реализуются в различных монгольских языках при относительном сходстве фонетических и позиционных условий их возникновения. Например, смягченная артикуляция твердоядных гласных *a*, *o*, *y* в позиции перед *i* (с соответствующей палатализацией

согласного элемента слога) свойственна монгольскому, бурятскому и калмыцкому языкам и их говорам и диалектам. Примеры:

СПМЯ	х.-монг. (хотог.)	бур. (зап. д-т.)	калм.	
naḡin	нарийн (нарийн)	на́рин	на́рн	'тонкий'
tabiyad	тава́т	таба́д	тава́д	'поставив'
bari-	барих (ба́рих)	ба́риха	ба́рх-	'держать'
amidu	амид ~ а́миду́	а́мида	а́мд	'живой'

Гласный *ā* в позиции перед *i* во втором слоге артикулируется как среднерядный *ā* и интерпретируется как комбинаторный вариант фонемы /a/, но очень близкий к переднерядному *ā* в языке дархат [Санжеев, 1931, 7]. В бурятском и халхаском языках в литературной форме реализуется переднерядный, более закрытый оттенок фонемы /a/ в первом слоге в сочетании с мягкими согласными [Бураев, 1959, 132; Лувсанвандан, 1967₁; Цолоо, 1976; Мөөмөө, 1979], но графически этот звук не обозначен, как и все оттенки этой фонемы. В отличие от других литературных языков в калмыцком языке реализуется самостоятельная фонема /ā/, обозначаемая графемой *ә*.

Заднерядный *o* в позиции перед *i* во втором слоге также изменяется, преобразуясь в среднерядный *ō* в халха-монгольском и в отдельных его говорах и диалектах, в бурятском литературном и в большинстве восточных говоров, а в западных бурятских говорах и в калмыцком языке употребляется переднерядный *ō*. Примеры:

СПМЯ	х.-монг. (орд.)	вост.-бур.	зап.-бур.	калм.	
morin	мо́ри	морин	м'ор'ин	мо́рн	'лошадь'
qorin	хорь (хори)	хорин	хор'иң	хо́рн	'двадцать'

В литературном бурятском и в его восточных говорах нет мягкорядной краткой фонемы /ō/, но в его западных говорах встречается фонема /ō/, образованная в результате регрессивной ассимиляции.

Общемонгольский гласный **u* (*y*) в позиции перед *i* второго слога также произносится смягченно или более мягко, как среднерядный *ū* в большинстве литературных монгольских языков, но в калмыцком языке заднерядный, или твердорядный, *u* переходит в мягкорядный гласный *ū* и обозначается графемой *ү*. Примеры: СПМЯ *qubil-* 'перевоплощаться' > калм. *хүвл-*, х.-монг. *хувил-*, бур. *хубил-*; СПМЯ *qurim* 'свадьба' > калм. *хүрм* (*хүрем*), х.-монг., бур. *хурим*.

Таким образом, процесс опереднения гласных *a*, *o*, *y* и переход в мягкий ряд твердорядных слов с этимологическим **i* во втором слоге наиболее последователен в калмыцком языке и в его говорах. Так, Н.Н. Убушаев отмечает опереднение гласных *a*, *o*, *y* в позиции перед гласным *i* второго слога в торгутском говоре, например: СПМЯ *bari-* 'держать' > торг. *ба́ре-*; СПМЯ *dari* 'порох' > торг. *да́ре*; СПМЯ *morin* 'лошадь' > торг. *мо́рөн*; СПМЯ *sorbi* 'рана', 'шрам' > торг. *со́рвөө*;

СПМЯ *qubi* 'доля' > торг. *хүве*; СПМЯ *qurisuṅ* 'сушеный творог' > торг. *хүрсен* [Убушаев, 1979, 29—30, 35]. Аналогичное явление отмечено и в дербетском говоре калмыцкого языка [Кичиков, 1967, 27—28], а также в ойратском диалекте монгольского языка.

Г.Д. Санжеев указывал, что в ойратском диалекте многие гласные заднего ряда перешли в передний ряд под воздействием соседнего гласного *i* [Санжеев, 1953, 34]. Иначе говоря, здесь речь идет о возникновении *ö, ü, ä* более позднего происхождения на месте заднерядных *a, o, u* в первом слоге общемонгольских слов. Эта тенденция названа В.И. Рассадиным опереднением по типу калмыцкого языка [Рассадин, 1982, 118].

Следы подобного явления встречаются в нижнеудинском [Дарбеева, 1978], эхирит-булагатском [Цыдендамбаев, 1975], баргузинском [Раднаев, 1965] говорах бурятского языка, т.е. в тех диалектах и говорах, носители которых по происхождению связаны с ойратским языковым миром [Цыдендамбаев, 1975].

Опереднение исторических **a, *o, *u* "калмыцкого типа" было обнаружено венгерским ученым Д. Кара в языке джарутов Внутренней Монголии [Kara, 1970, 241—245]. А.Д. Руднев зафиксировал смягчение заднерядного *a* в монгольских говорах Внутренней Монголии, например: СПМЯ *alciγur* 'платок' > дурбут бэйсе *äлчүр*; СПМЯ *ači* 'внук' > арухорч. *äči* [Руднев, 1911, 188]. Аналогичные явления отмечены Б.Х. Тодаевой в хорчинском, арухорчинском, дурбетском, баринском, найманском говорах, например: СПМЯ *qorim* 'свадьба' > арухорч. *xörim*; СПМЯ *okin* 'дочь', 'девочка' > арухорч. *öxin*; СПМЯ *tani-* 'узнавать' > арухорч., хорч., языки племен джалайт, дурбет, горлос, барин, онниут, найман *täni-* (*тени*) [Тодаева, 1981, 25, 26, 200].

Для группы монгольских языков, обладающих своей письменностью и литературной формой языка, специфичным для эволюции древнего **i* является следующее:

1. Гласный **i* первого слога в структуре большинства общемонгольских слов подвергся регрессивной ассимиляции, сохранившись лишь в отдельных словах.

2. Опереднение заднерядных, т.е. твердорядных *a, o, u*, в позиции перед *i* во втором слоге и переход их в мягкорядные *ä, ö, ü* свойственны калмыцкому языку и его говорам, а также ойратскому диалекту халха-монгольского языка, отдельным говорам бурятского и некоторым говорам языка монголов Внутренней Монголии. Смягченные варианты в виде оттенков этих гласных фонем (*ä, ö, ü*) функционируют в монгольском и бурятском языках.

Фонетические процессы перелома гласного **i*, опереднения и палатализации звуков обусловлены особенностями развития, эволюции звукового строя самих монгольских языков. Подобные фонетические процессы, касающиеся эволюции гласного **i*, не характерны для фонетики бесписьменных островных монгольских языков, функционирующих в иноязычном окружении на протяжении многих веков. Однако

явление перелома имеет место в фонетике этой группы монгольских языков, но степень охвата этим явлением мизерная в каждом из них и проявляется по-разному.

Специфичным для этих островных языков является общность тенденции к сохранению **i* первого слога слова, т.е. фактическое сохранение архаичных черт, характерных для монгольского "наречия" XIII—XIV вв. Иначе говоря, сохранение **i* в первом слоге слова и перелом этого гласного встречаются во всех островных бесписьменных языках, но каждый язык обладает своими особенностями в их проявлении. Практически нетрансформированных общемонгольских слов мало в этих языках, ибо звуковая структура слова подвергалась сильнейшему изменению.

Сохранение гласного **i* в первом слоге слов могольского языка (*шира* < *šira* 'желтый', *чинб* < *činu-a* 'волк') было зафиксировано Г.И. Рамstedтом. Вместе с тем указывалось также и на явление перелома этого гласного, например: *сүдүн* < *šidün* 'зуб', *нүдүн* < *nidün* 'глаз' и др. [Ramstedt, 1906, 50—51; Рамstedт, 1908, 53]. Аналогичные факты отмечены в экспедиционном материале С. Ивamuры и Х. Шурмана, посетивших Афганистан в 1954 г. [Шагдаров, Казанцева, 1968, 76].

Преимущественное сохранение гласного **i* составляет специфику бесписьменных островных монгольских языков и характеризует наличие в них архаичных черт, наблюдаемых в языке памятников XIII—XIV вв. При этом каждый язык обладает своими особенностями изменения звуковой структуры монгольских слов в соответствии с фонетическим обликом слов языка окружения. Для могольского языка характерно влияние иранских языков. По данным акад. Л. Лигети, могольский язык утратил свои функции, так как значительная часть моголов не пользуется родным языком и употребляет местный таджикский диалект [Лигети, 1954, 99—100]. Тем не менее то немногое, что имеется по языку моголов Афганистана, свидетельствует о существовании могольского языка и сохранении в нем черт среднемонгольского языка.

Дагурский язык отличается от других островных бесписьменных языков разным характером реализации древнего **i* в различных его говорах. По материалам Н.Н. Поппе, в цицикарском говоре дагурского языка наблюдается и сохранение **i*, как во всех островных языках, и перелом этого гласного по общей модели в литературно-письменных монгольских языках, а также опереднение гласного *a* под влиянием следующего *i*, например: СПМЯ *adali* 'похожий' > даг. *ádli*, т.е. такое же явление, как в халха-монгольском и бурятском языках [Поппе, 1930₂, 108—110]. Автор отмечал, что дагурское наречие представляет собой архаичный монгольский диалект, сохранивший ряд черт, известных по памятникам XIII—XIV вв.

В материалах Б.Х. Тодаевой по бутхаскому говору дагурского языка отмечается, что дагурскому языку свойственна тенденция к сохранению **i* первого слога не только в позиции перед гласными *i* или *e*, как предполагал Н.Н. Поппе относительно цицикарского говора

[Поппе, 1930₂, 109], но также прослеживается отсутствие перелома *i* в позиции перед другими гласными, например перед гласными: *a* — СПМЯ *šinaya* > даг. *шинā* 'скула'; СПМЯ *kilyasun* > даг. *килгās* 'волос'; *u* — СПМЯ *kimusun* > даг. *кимчи* 'ноготь'; СПМЯ *jiluγa* > даг. *джилō* (*д'илō*) 'поводья'; *ü* — СПМЯ *šidün* > даг. *шидэ* 'зубы'; СПМЯ *čidür* > даг. *шидур* 'пути', 'треноги' [Тодаева, 1986, 15].

Явление опереднения заднерядных *a*, *o*, *y* не свойственно бутхаскому говору, ибо в нем нет переднерядных *ä*, *ö*, *ü*.

Для монгорского, баоаньского, дунсянского языков показательное сохранение **i* первого слога, хотя в них также имеет место и переход **i* в гласные следующего слога [Тодаева, 1973, 22; 1961, 7—9; 1964, 5—9]. Сохранение первослогового **i* прослеживается в этих языках в позиции перед разными гласными, но при этом каждый язык имеет свою специфику в звуковом строении слова, поэтому примеры будут даны раздельно по каждому островному бесписьменному языку в сопоставлении трансформированных слов со словами в литературных монгольских языках.

В дунсянском языке сохранение **i* (после шипящих — *ɣi*) наблюдается в словах:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	бур.	
<i>niyu-</i>	<i>ниу-</i>	<i>нуу-</i>	<i>нюу-</i>	'прятать'
<i>jida</i>	<i>джыда</i>	<i>жад</i>	<i>жада</i>	'копье'
<i>miqa</i>	<i>мика</i>	<i>мах</i>	<i>мяхан</i>	'мясо'
<i>šidün</i>	<i>шыдун</i>	<i>шүд</i>	<i>шүдэн</i>	'зуб'
<i>šira</i>	<i>шыра</i>	<i>шар</i>	<i>шара</i>	'желтый'

Наряду с этим в дунсянском языке встречаются случаи перелома гласного *i*, как и в других языках:

СПМЯ	дун.	х.-монг.	бур.	
<i>niruyun</i>	<i>нурун</i>	<i>нуруу</i>	<i>нюурган</i>	'спина'
<i>jīyasun</i>	<i>джаҗасун</i>	<i>загас</i>	<i>загаһан</i>	'рыба'
<i>šibüge</i>	<i>сумэҗэ</i>	<i>шевөг</i>	<i>шүбэгэ</i>	'вилы'
<i>nidün</i>	<i>нудун</i>	<i>нүд</i>	<i>нүүдэн</i>	'глаз'
<i>čisun</i>	<i>чусун</i>	<i>цус</i>	<i>шуһан</i>	'кровь'
<i>šibar</i>	<i>шува</i>	<i>шавар</i>	<i>шабар</i>	'глина'

Б.Х. Тодаева отмечает сохранение *i* в первом слоге слов баоаньского языка после аффрикат *дж*, *ч* и спиранта *ш* [Тодаева, 1964, 7]:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	
<i>juruγan</i>	<i>джірҗоң</i>	<i>дзурган</i>	<i>жоргоон</i>	'шесть'
<i>jirüke</i>	<i>джиргэ</i>	<i>дзурх</i>	<i>зурхэн</i>	'сердце'
<i>čisun</i>	<i>чисоң</i>	<i>цус</i>	<i>шуһан</i>	'кровь'
<i>široi</i>	<i>широ</i>	<i>шорой</i>	<i>шорой</i>	'земля'

Специфика баоаньского языка заключается также и в том, что в нем имеет место замена гласного *i* первого слога гласным *э*. Примеры:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
miqan	мэҗа	мах	мяхан	махн	'мясо'
nidün	нэдоң	нүд(эн)	нюдэн	нүдн	'глаз'
çinua	чэна	чоно	шоно	чон	'волк'

В монгорском Б.Х. Тодаева отмечает и сохранение гласного *i* первого слога, и явление регрессивной ассимиляции, так же как и в дунсянском и баоаньском языках. Примеры:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
singgen	шинген	шингэн	шэнгэн	шингн	'жидкий'
sirügün	ширун	ширүүн	шэруун	шүрун	'грубый'
siruya	ширу	шорой	шорой	шора	'земля', 'прах'

Перелом гласного проявляется так же, как и в других монгольских языках [Тодаева, 1973, 22]. Примеры:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
miqan	маха	мах	мяхан	махн	'мясо'
nidurya	нударга	нударга(н)	нюдарга	нудрм	'кулак'
çidür	чудор	чөдөр	шүдэр	туша	'путы'
sibayun	шу	шувуу(н)	шубуун	шовун	'птица'

В группе бесписьменных монгольских языков имеет место и явление перелома *i* первого слога, но более характерно сохранение этого гласного там, где произошел перелом в других монгольских языках. Кроме того, эта группа бесписьменных языков отличается от письменных монгольских языков отсутствием явлений опереднения гласных *a*, *o*, *y* под влиянием *i* второго слога, а также тем, что в монгорском и баоаньском языках наблюдается выпадение гласного первого слога:

СПМЯ	монгор.	х.-монг.	бур.	калм.	
emegen	муген	эмгэн	эмгэн	эмгн	'старуха'
ölüsü-	лосе-	өлсө-	үлдэ-	өлс-	'проголодаться'
emüs-	мосе-	өмсө-	үмдэ-	өмс-	'надевать'
ünaya	нага	унаган	унаган	унһн	'жеребенок'
engger	нге	энгэр	энгэр	хувцна	'борта,
				евр	лацканы'
ire-	ре-	ирэ-	ерэ-	ирх	'приходить'
edüge	до	одоо	одоо	ода	'сейчас'
asayu-	сага-	асуу-	асуу-	сур-	'спрашивать'
ayuaya	јаҗа	аяҗан	аяга	ааһ	'чашка'

Аналогичное выпадение анлаутных гласных отмечено и в баоаньском языке [Тодаева, 1973, 18; 1964, 8]. Примеры:

СПМЯ	баоан.	х.-монг.	бур.	калм.	
üsün	сун	үсэн	үһэн	үсн	'волосы'
eber	вэр	эвэр	үбэр	евр	'рога'
upa-	на-	уна-	уна-	унх	'падать'
usun	сэ	усан	уһан	усн	'вода'
ebed-	вэтэ-	евд-	үбдэ-	евд-	'болеть'

Выпадение гласных в ауслaute (апокопа), в предпоследнем слове слова (синкопа) представляет собой обычное явление в монгольских языках и диалектах, особенно в живой речи в зависимости от ее быстроты и характера [Владимирцов, 1929; 331—334]. Иногда встречается выпадение краткого гласного и в анлауте слова типа *nēң* 'корова' < *ünigen* ~ *üniyen* в некоторых западных говорах бурятского языка.

Выпадение анлаутного гласного в позиции перед долгим гласным наблюдается только в живой разговорной речи в некоторых диалектах, но литературным формам оно не свойственно.

Выпадение анлаутного гласного в монгорском и баоанском является нормой для указанных языков. Это явление исследователи объясняют переменной места ударения в слове, так как в монгорском языке ударение падает на последний слог слова и как результат предельной редукции происходит выпадение гласных в начальном слоге [Mostaert, Smedt, 1930; Тодаева, 1973, 18]. Б.Х. Тодаева отмечает аналогичное явление в баоанском и в языке шира-югуров [Тенишев, Тодаева, 1966, 49]. Однако Б.Х. Тодаева пишет, что выпадение гласных в начальной позиции не универсально, оно зависит от качества последующих согласных. Выпадение начальных гласных наблюдается перед сонорными *л, м, н, ң, р* и шумными смычными *д, г, щелевыми с, ж*. Выпадают начальные *а, о, у, і*. В монгорском гласный *е* не употребляется в анлауте слова, и потому все общемонгольские слова, начинающиеся с этого гласного, утрачивают его в монгорском языке, например: *eļige* 'осел' > монгор. *рджіге*; *ende* 'здесь' > монгор. *нде*; *erdem* 'умение' > монгор. *рдем*; *edür* 'день' > монгор. > *дур*; *ese* 'не' > монгор. *се* [Тодаева, 1973, 18—19].

Специфичным для островных языков в отличие от литературно-письменных монгольских языков является отсутствие фонетического процесса опереднения заднерядных гласных *а, о, у*, что обусловлено системой гласных в этой группе языков, в которых не сохранились гласные **ö, *ü*.

В дагурском языке исторические **ö, *ü* тоже не сохранились; совпав в одном гласном, они дали рефлекс в виде лабиализованного *у̣* среднего ряда верхнего подъема, например: СПМЯ *köke* > даг. *кук* 'синий'; СПМЯ *küjügün* 'шея' > даг. *куџу̣*. В начале слова древние **ö, *ü* дали рефлекс в виде гласного *ё*, характеризуемого как слегка лабиализованный гласный типа заднего *е* [Поппе, 1930₂, 113; Тодаева, 1960, 53] с протетическим *w*, например: СПМЯ *üye* 'сустав' > даг. *wejё*; СПМЯ *öñiçin* 'сирота' > даг. *вуён'ч'иң*.

В могольском языке **ö, *ü* в большинстве случаев совпали в гласном *у̣* [Ramstedt, 1906, 51].

Наблюдения показывают, что исторические гласные **ö, *ü* в своем развитии пошли по двум направлениям: 1) во всех литературно-письменных монгольских языках и диалектах они в целом сохранили свою фонематическую суть; 2) в бесписьменных островных монгольских языках (кроме шира-югурского) эти гласные исчезли, передав свои

функции заднерядным гласным *o*, *y* либо гласному среднего ряда *ü* или *ë*. Последнее явление встречается также в отдельных говорах Внутренней Монголии [Руднев, 1911, 166].

Изменение, вернее, исчезновение исторических **ö*, **ü* в островных бесписьменных языках китайского региона обусловлено влиянием звукового строя языка окружения. Это же относится к могольскому языку в ираноязычной среде. Имеющиеся данные зафиксировали современное состояние этих языков с ярко выраженными следами иноязычного влияния, свидетельствующего о двуязычии носителей указанных языков. Сам же процесс, механизм взаимодействия внутренних и внешних импульсов в развитии этой группы бесписьменных островных монгольских языков в силу сложившихся обстоятельств остался вне поля зрения.

Носители этих языков с XIII в. находятся в иноязычном китайско-тибетском окружении на территории провинций Цинхай, Ганьсу. Многовековая изоляция от основного этнического монголоязычного массива и постоянный контакт с окружающим иноязычным миром оказали сильнейшее влияние на трансформацию их родного языка, особенно звукового строя, в сторону сближения с языком окружения.

Ценность данных этих языков заключается в том, что в них сохранились реликты более раннего состояния, с одной стороны в принципе отражающие среднемонгольскую речь XIII–XIV вв., а с другой – контактно обусловленные изменения преимущественно в фонетической системе. Это дает возможность определить степень проницаемости звеньев фонетической и фонологической систем монгольских языков под иноязычным влиянием.

Исследователи отмечали, что "монголы Ганьсу (речь идет о монгорах. – А.Д.), рано отделившись от своих братьев на севере, жили на узкой территории между тибетскими и китайскими племенами, подобно монголам Афганистана" [Mostaert, Smedt, 1930]. Б.Х. Тодаева пишет, что изолированное существование монголов в течение многих веков в иноязычной среде отразилось и на их языке: они сохранили архаичные черты, приближаясь в этом отношении к языку памятников XIII–XIV вв. и к таким монгольским языкам, как могольский, дагурский, дунсянский, баоаньский и язык шира-югуров. Автор отмечает, что эти "островки языков" расположены среди неродственных им тибетской и китайской языковых групп, влияние которых не вызывает никаких сомнений [Тодаева, 1973, 17].

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

Сингармонизм, наблюдаемый в монгольских языках, характеризуется как закон регулирования состава гласных слова. Суть этого закона заключается в том, что от качества гласного первого слога зависят гласные последующих слогов, которые должны быть максимально близкими по артикуляции к гласному первого слога.

Сингармонизм, свойственный не только монгольским, но и тюрк-

ским, тунгусо-маньчжурским и финно-угорским языкам, подробно исследован на материале разных алтайских языков.

Проблеме сингармонизма посвящено немало работ и в монголоведении на материале монгольского (см., например: [Владимирцов, 1929; Лувсанвандан, 1967₁; Цолоо, 1976; Мөөмөө, 1979]), калмыцкого [Павлов, 1983], бурятского [Бураев, 1959; 1987] и разных монгольских языков [Санжеев, 1953; Порре, 1955]. Монголоведы отмечают, что сингармонизм является одной из характерных особенностей звукового строя монгольских языков и что каждый язык обладает своей спецификой в реализации этого фонетического явления. Для определения сущности сингармонизма в монгольских языках необходимо кратко ознакомиться с некоторыми из этих исследований.

Б.Я. Владимирцов, разрабатывая проблему сингармонизма на материале "халхаского наречия", раскрыл явление палатальной гармонии гласных, суть которой заключается в том, что в одном и том же слове гласные задние, или гуттуральные, не могут находиться рядом с гласными передними, или палатальными. Заднерядные гласные: *a, ā, á, o, ô, y, ū, aě, ôě, yĭ*. Переднерядные гласные: *e, ē, é, ô, ô̄, y, ū, ô̄, yĭ*. Лишь гласные *i, ī, ā* могли употребляться в словах с переднерядными и заднерядными гласными. Б.Я. Владимирцов указывает, что гармония гласных относится к наиболее древним фонетическим явлениям и в халхаском наречии такие лексические параллели, как *axxā* 'старший', 'старший брат' // *exxē* 'старшая', 'мать', сохранились от праязыкового состояния, когда при помощи сингармонизма монгольский язык производил различия по родам [Владимирцов, 1929, 115, 133].

В работе А.М. Щербака отмечается, что и тюркская палатальная гармония относится к числу праязыковых явлений и возникла она задолго до распада тюркской языковой общности [Щербак, 1970, 121]. Следовательно, палатальная гармония гласных относится к наиболее древним фонетическим явлениям не только в монгольских, но и в тюркских языках.

Б.Я. Владимирцовым также исследована гармония согласных. При этом автор считал, что она охватывает небольшое количество фонем: заднеязычные шумные и плавные боковые согласные; в халхаском наречии она отражается только на некоторых заднеязычных шумных [Владимирцов, 1929, 123–142].

Общие выводы по явлениям сингармонизма гласных и согласных в старом монгольском письменном языке и в халхаском наречии даны в таблицах X и XI [Владимирцов, 1929, 142]. Фактические данные показывают подчиненный характер гармонии согласных, зависящий от гармонии гласных.

Г.Д. Санжеев также отметил, что состав гласных слова строго регулируется определенными правилами, и при этом делил монгольские языки и диалекты с точки зрения сингармонизма гласных на восточную (бурятский, халхаский и многие диалекты Внутренней Монголии) и западную (ойратский язык и некоторые диалекты Внутренней Монголии) группы [Санжеев, 1953, 83]. Существующее различие в сингармонизме между этими двумя группами монгольских языков Г.Д. Санжеев представил в табл. 5 и 6: сингармонизм гласных в восточ-

Если в первом слоге имеется (по группам)	то может следовать в слоге	
	втором	третьем
1) а, а, аэ, у, ү, үі	а, а, аэ, (ā), ү, ү, үі	
2) е (ε), э, еі (і), ү, ү, үі	е, э, еі (і), ү, ү, үі	
3) о, о, оэ	о, о, оэ	
4) о, о	ү, үі а, а, аэ (ā), ү, ү, үі ү, үі е, э, еі (і), ү, ү, үі о, о, э	

Таблица 6

Если в первом слоге имеется	то в непервых слогах возможны
а, а, о, о, ү, ү	ā, ā, ү, ү, ā ~ ā (дифтонгического происхождения)
е, э, а, а, о, о, ү, ү	ā, ā, ү, ү

ной и западной группах монгольских языков и диалектов соответственно [там же, 84].

При этом Г.Д. Санжеев признает, что в этих таблицах не отражена особенность вокализма монгольского, могольского и других монгольских диалектов, развитие которых уже с XIII–XV вв. протекало под сильным влиянием китайского, тибетского и иранских (таджикского и пушту) языков.

Более глубокое изучение сингармонизма с обобщением всего, что было сделано в исследовании этой проблемы не только в монголоведении, но и в алтаистике, и в общем языкознании, представлено на материале бурятского языка [Бураев, 1987, 119–136]. И.Д. Бураев полагает, что сочетаемость гласных по рядам является наиболее общим выражением сингармонизма [там же, 129] и что сингармонизм в бурятском языке поддерживается качеством самих гласных, их артикуляционно-акустическими свойствами. В соответствии с этим выделяются два сингармоничных ряда: твердорядные и мягкорядные слова. Первые могут содержать гласные твердого и нейтрального ряда, а из согласных звуков – несмягченные оттенки твердых фонем и мягкие фонемы, например: *тамарха* ‘плавать’, *турьяха* ‘фыркать’. В мягкорядных словах могут быть гласные мягкого и нейтрального ряда, а из согласных возможно употребление смягченных оттенков твердых фонем и мягкие фонемы, например: *түргэдэхэ* ‘торопиться’, *түүхэ* ‘история’.

Следовательно, структура слова определяется составом гласных, а именно гласным первого слога, обуславливающим состав гласных слова. Этот закон является общим для всех письменных монгольских языков и их диалектов. Табл. 7, предложенная И.Д. Бураевым [Бураев, 1959, 173], отражает явление сингармонизма гласных не только в

Гласный предыдущего слога	Гласный последующего слога				
	если краткий, то:	если долгий, то:			если дифтонг, то:
		широкий	узкий		
			в словообразоват. афф.	в словоизменит. афф.	
а, аа, аэ, у, уу, уи	а	аа	уу	ии	аэ
о, оо, оэ	о	оо	уу	ии	оэ
э, ээ, үү, үи	э	ээ	үү	ии	—
ү, өө	э	ээ, өө	үү	ии	—
и	а	аа	уу	ии	аэ
ии	э	ээ	үү	ии	—

бурятском языке, но и в халха-монгольском, частично в калмыцком, о котором будет сказано ниже.

Приведенная таблица выявляет в бурятском не только палатальную, но и губную гармонию гласных, ранее отмеченную Г.Д. Санжеевым в восточной группе монгольских языков [Санжеев, 1953, 84].

В калмыцком языке имеется палатальная гармония и отсутствует губная гармония гласных [Павлов, 1983, 82]. Правда, Д.А. Павлов считает, что в калмыцком языке, в отличие от монгольского и бурятского, имеет место полная лабиальная дисгармония гласных, т.е. нарушение закона губной гармонии. Между тем есть основание полагать, что в калмыцком "не произошла губная дисгармония", а отсутствие лабиализации гласных в непервых слогах после гласного *о* первого слога свидетельствует о сохранении фонетических черт более древних монгольских диалектов [Санжеев, 1953, 34].

В языке памятников среднемонгольской речи, зафиксированной мусульманскими авторами, явление губной дисгармонии имело широкое распространение. Употребление гласного *а* в непервых слогах после гласного *о* в первом слоге встречается в Лейденском глоссарии 1245 г., в глоссарии Ибн-Муханны. Подобные факты отмечены в монгольской части словаря Мукаддимат ал-Адаб, например: **olan* 'подруга' зафиксирован в звуковом облике *olang*, **bora* 'серый' – *bora*, **oqar* 'короткий' – *oqar*, **onaba* 'думал' – *onaba* [Мук., 39].

В монгольском материале Лейденской рукописи также встречаются слова типа *olba* 'нашел' [ЛР, 1260], *bosba* 'встал' [ЛР, 1266], *osal* 'оплошность' [ЛР, 1258] и т.д. В словаре могольского языка Р. Лича отмечены слова: *koka* 'синий', 'зеленый' [Ligeti, 1954, 136], *koyar* 'два' [там же, 137] и т.д. Акад. Л. Лигети, исследовавший этот словарь, отмечает, что диалект, описанный Личем, не тождествен ни описанному Г.И. Рамседтом, ни им лично изученному диалекту. В связи с этим он указывает на имеющиеся различия в звуковом облике одних и

тех же слов. Например, слово *nokai* 'собака' у Рамштедта имеет звуковую форму *nogēi* в том же значении, а в диалекте марда, исследованном самим Л. Лигети, оно обозначено *noqai*, в то время как в диалекте мангут, изученном им же, – *noggei* [Лигети, 1954, 139]. Это же слово зафиксировано в Лейденской рукописи и в списке монгольских слов из глоссария Ибн-Муханны, в словаре Мукаддимат ал-Адаб – *noqai*, т.е. так же, как у Лигети и как в языке "Сокровенного сказания", а в тексте "Анонимного грузинского историка о монгольском языке" – *noχai* [там же]. В языке "Zirni Manuscript" тоже зафиксированы аналогичные факты лабиальной дисгармонии [Iwamura, 1961, 116, 119–120] и т.д. Такие же факты употребления *a* после *o* первого слога имеют место в языке памятников квадратной письменности: 1) в тексте Эдикта Мангалы 1276 г. – *oran* 'место' [КВП, 1941, 60]; 2) в тексте Малой Цзюйюнгуаньской надписи – *olda(qu)* 'найтись' [там же, 83]; 3) в тексте Большой Цзюйюнгуаньской надписи – *noyad* 'нойоны' [там же, 86] и т.д.

Таким образом, отсутствие губной гармонии, отмеченное в разных памятниках среднемонгольской речи, наблюдается лишь в некоторых современных языках и диалектах: 1) в литературно-письменном калмыцком языке; 2) в ойратском диалекте халха-монгольского языка, носители которого этнически связаны с ойратским языковым миром; 3) в языке жителей села Ныгда Аларского района Усть-Ордынского бурятского национального округа Иркутской области, например: *ошаад* вместо общепурятского *ошоод* 'уйдя туда', *олаа* вместо *олоо* 'нашел' и т.д. Подобные факты известны в аларском говоре бурятского языка, но не отражены в работе Н.Н. Поппе по этому говору; 4) в монгольском языке [Ramstedt, 1906; Лигети, 1954]. Несоблюдение губной гармонии прослеживается в языке ойратских племенных групп, населяющих территорию Азии и Европы, т.е. в западной ветви монгольских языков, по классификации Б.Я. Владимирцова [Владимирцов, 1929, 17].

Следовательно, из двух типов гармонии гласных (палатальной и губной) губная гармония не носит тотально общемонгольского характера. Напротив, палатальная гармония гласных является общемонгольской нормой употребления гласных в структуре слова. Аналогичное явление отмечено и в тюркских языках, в которых в качестве общей закономерности прослеживается последовательное проведение палатального сингармонизма и непоследовательное – губного. При этом указывается, что для пратюркского языка были характерны два типа сингармонизма – палатальный (более последовательный) и губной (менее последовательный) [СИГТЯ, 1984, 443].

Итак, сингармонизм гласных составляет исконную основу звуковой структуры слова в монгольских языках, и по признаниям Б.Я. Владимирцова, Г.Д. Санжеева и др. сингармонизм относится к наиболее древним фонетическим явлениям.

Представляется чрезвычайно важным проследить действенность, функциональную неизбежность этого общемонгольского фонетичес-

кого явления в звуковой структуре слов современных монгольских языков.

В материалах исследований сингармонизма в монгольском, калмыцком, бурятском языках (т.е. в языках, имеющих свой литературно-письменный язык) не уделяется должного внимания случаям нарушения гармонии гласных. Имеющиеся данные по фактам нарушения сингармонизма гласных характеризуют существенное различие между литературно-письменными и бесписьменными островными монгольскими языками в фонетическом облике общемонгольских слов, и потому целесообразно раздельное рассмотрение этого явления в письменных и бесписьменных языках.

Нарушение гармонии гласных в письменных монгольских языках

Факты нарушения гармонии гласных были замечены еще в 20-х годах XX в. акад. Б.Я. Владимирцовым в халха-монгольском языке. «Редкие отступления от соблюдения сингармонизма гласных в халхаском замечаются в заимствованных словах, недостаточно усвоенных еще "народной речью", а также в словах и формах, взятых из монгольского письменного языка в чтении неправильном, усвоенном и поддерживаемом случайно какой-либо школой. Явление это не общераспространенное, например: халх. *ečewācā* < СПМЯ *esebēsü* 'или... или'; халх. *хемēwācā* // *гемēwācā* < СПМЯ *kemēbēsü* 'если сказать', 'что касается'; зап.-халх. *дewāцаң* < тибет. *bde-ba-can* 'Всерадостная область: рай Будды Amitabha'» [Владимирцов, 1929, 117–118]. Нарушение гармонии гласных в приведенных словах выражается в употреблении заднерядного гласного *a* в мягкорядных словах. Источником происхождения подобных нарушений послужили иноязычные лексические заимствования в халхаском языке, которые еще не подверглись звуковой адаптации, но уже введены были, очевидно, ламами, владевшими тибетской религиозной терминологией. И потому понятно, что такие явления не были общераспространенными в тот период.

Современный уровень развития литературно-письменных монгольских языков характеризуется значительным обогащением лексического состава за счет заимствований в основном через посредство русского языка. Интернационализмы, советизмы, русизмы, проникшие в последние десятилетия в бурятский, калмыцкий и частично в халха-монгольский языки и зафиксированные в лексикографических трудах, преимущественно сохранили звуковую структуру языка-источника, например: бур. *вертолет*, *вазелин*, *венок*; калм. *каверн* 'каверна', *катлет* 'котлета', *кафе*; х.-монг. *оазис*, *опера* 'опера', *тенор* и т.д. Безусловно, таких заимствований значительно больше в бурятском и калмыцком языках, так как носители этих языков являются двуязычными, т.е. в Бурятии и Калмыкии наблюдается массовое двуязычие, и потому лексические заимствования усвоены "народной речью" и не

нуждаются в фонетической адаптации. Вместе с тем здесь имеет место несовпадение орфографии этих заимствований с их произношением в отдельных группах билингов. Иначе говоря, не все носители бурятского и калмыцкого языков могут произносить лексические заимствования в соответствии с выработанной нормой орфографии, в которой узаконена нулевая форма звуковой адаптации этих заимствований. Например, заимствованное слово *керосин* произносится в живой разговорной речи *харсиин* ~ *х̄аршиин*, т.е. в бытовой речи эти заимствования подчиняются звуковой норме языка-реципиента, в них соблюдается гармония гласных. По существу орфографические правила написания заимствований несколько опережают орфоэпические возможности носителей заимствующего языка.

Специфичным для этой группы языков является заимствование иноязычных слов с сохранением их звуковой структуры, т.е. с фактическим нарушением сингармонизма гласных монгольских языков. Однако неадаптированные заимствования бытуют преимущественно в письменной форме литературного языка и в устной речи билингов.

Следовательно, нарушение сингармонизма допускается лишь в заимствованных словах и не затрагивает основного словарного фонда заимствующего языка, в котором законы гармонии гласных остаются неизблемыми, поскольку в литературных языках регулируются орфографические нормы правописания слов. Иначе обстоит дело в бесписьменных островных монгольских языках, в которых наблюдается не нарушение, а разрушение гармонии гласных.

Нарушение гармонии гласных в бесписьменных монгольских языках

Исследователи островных бесписьменных монгольских языков отмечали факты нарушения гармонии гласных в структуре монгольских слов, т.е. речь шла о фактическом разрушении гармонии гласных в этих языках на общем фоне перестройки звуковой структуры слова под влиянием языка окружения. Очевидно, такое явление свойственно не только монгольским языкам.

Возможность разрушения гармонии гласных в результате иноязычного влияния прослежена на материале некоторых тюркских языков. Э.Р. Тенишев указывает, что гармония гласных – характерная черта тюркских языков, в сарыг-югурском языке она сильно нарушена как по нёбному, так и по губному ряду. В этом проявляется отсутствие четких границ между передне- и заднерядными гласными, с одной стороны, и открытыми и закрытыми – с другой [Тенишев, Тодаева, 1966, 12]. А.М. Щербак указывает, что в узбекском языке отсутствует параллельное деление гласных на твердо- и мягкорядные и в нем такое общетюркское явление, как гармония гласных, оказывается разрушенным [Щербак, 1970, 35]. Н.З. Гаджиева, рассматривая распространенную точку зрения в тюркологии относительно нарушения палатальной гармонии в некоторых диалектах узбекского языка под влиянием таджикского, указывает, что процесс десингармонизации обусловлен

не только действием внешних факторов и что фонетическая система тюркских языков имела внутренние импульсы, расшатывающие палатальную гармонию. Н.З. Гаджиева полагает, что разрушение палатальной гармонии в диалектах и говорах на территории Средней Азии было обусловлено внутренними особенностями системы ряда тюркских языков. Иранское влияние явилось тем внешним импульсом, который усилил десингармонизацию. Поэтому там, где таджикский субстрат был значителен, сингармонизм разрушался более активно [Гаджиева, 1977, 93–99].

В данном случае тюркский материал свидетельствует о разрушении сингармонизма при тесном взаимодействии внешних и внутренних факторов развития языка. В какой степени соотносима эта причинная обусловленность с явлением разрушения сингармонизма в монгольских языках?

Анализ фактических данных по десингармонизации в островных бесписьменных языках китайского региона показал закономерность разрушения сингармонизма, ибо звуковая система этой группы бесписьменных языков имеет существенные отличия от фонетической системы литературных монгольских языков. Прежде всего, бесписьменные островные монгольские языки обладают иным принципом звуковой организации структуры слова, иным составом гласных по сравнению с литературно-письменными языками. Кроме того, древние гласные **ö*, **ü*, составляющие существенное звено в оппозиции мягкорядных и твердорядных гласных, развились в заднерядные, или твердорядные, гласные *o*, *u* в монгорском, дунсянском, баоаньском языках, т.е. в этих языках нет мягкорядных гласных *ö*, *ü*.

Разрушение гармонии гласных в монгорском языке было отмечено всеми его исследователями [Mostaert, Smedt, 1930, 160; Котвич, 1962, 33; Тодаева, 1973, 16–17]. Б.Х. Тодаева, указывая на явление нарушения гармонии гласных, объясняет и причинную обусловленность десингармонизации: разрушение гармонии гласных характерно для тех монгольских языков, звуковой состав которых изменился, в результате чего исчезли гласные переднего ряда *ö* и *ü* [Тодаева, 1973, 17].

Наши наблюдения показали, что характер разрушения гармонии гласных является общим для монгольских языков китайского региона в том смысле, что в структуре одного слова употребляются и переднерядные, и заднерядные гласные. Однако в каждом из них изменения звуковой структуры слов достаточно своеобразны, поэтому они рассматриваются отдельно по островным языкам в сопоставлении с литературными языками.

Черты общности между монгольскими языками китайского региона обнаружены в самом механизме десингармонизации и в причинной обусловленности разрушительных действий в сфере исконной звуковой структуры монгольских слов. Суть сходства или общности заключается в следующем: 1) в этих языках остались следы сохранения сингармонизма в твердорядных монгольских словах; 2) значительный состав монголизмов трансформирован, т.е. произошла десингармонизация в монгольских словах; 3) заимствованные слова из китайского, тибет-

ского языков вошли в словарный фонд заимствующего языка с сохранением звуковой структуры, т.е. преимущественно в неадаптированной форме.

Следы сохранения сингармонизма в твердорядных монгольских словах

1. В монгорском языке имеется немало слов, сохранивших гармонию гласных. Примеры: СПМЯ *ala-* 'убить' > монгор. *ала-* 'то же'; СПМЯ *amin* 'жизнь' > монгор. *ами* 'жизнь'; СПМЯ *bayar* 'богатый' > монгор. *бажан* 'то же'; СПМЯ *gedesun* 'живот', 'внутренности' > монгор. *gedese* 'то же'; СПМЯ *tiqan* 'мясо' > монгор. *маха* 'то же'; СПМЯ *qalayun* 'жаркий' > монгор. *халун* 'то же'.

2. Исследователи отмечают, что в баоанском языке нет строго выдержанной гармонии гласных [Тодаева, 1964, 5–6]. Анализ материала подтверждает правомерность такого суждения. Однако следует отметить, что в баоанском языке также сохранились общемонгольские слова, в которых нет нарушения гармонии гласных, например: СПМЯ *atan* 'рот' > баоан. *аман* 'то же'; СПМЯ *pede* 'один' > баоан. *нэгэ* 'то же'; СПМЯ *olon* 'много' > баоан. *олон* 'то же'.

3. Вокализм дунсянского языка существенно отличается от вокализма остальных островных монгольских языков. Десингармонизация структуры слова в нем тоже весьма своеобразна [Тодаева, 1961, 8].

Анализ словарной части работы Б.Х. Тодаевой показал, что десингармонизация занимает существенное место в звуковой организации гласных в структуре слов дунсянского языка. Однако имеются общемонгольские слова, сохранившие гармонию гласных, например:

СПМЯ	монг.	бур.	дун.	
<i>burayui</i>	буруу	буруу	буру	'ошибочный, неверный'
<i>baqa</i>	бах	баха	бага	'лягушка'
<i>saga</i>	сар	һара	сара	'луна, месяц'
<i>ayula</i>	уул	уула	ула	'гора'

Разрушение сингармонизма в монгольских словах

Нарушение гармонии гласных в общемонгольских словах монгорского языка проявляется в употреблении заднерядных и переднерядных гласных в структуре одного слова по моделям: *a-e*, *y-e*. Модель *a-e* встречается в твердорядных словах с гласным *a* в первом слоге. Гласные и дифтонги следующих слогов переходят в *e*: СПМЯ *arasun* > монгор. *арасе* 'шкура, кожа'; СПМЯ *tabun* > монгор. *та̄вен* 'пять'. Появление *e* во втором слоге наблюдается также в словах, имевших долготный комплекс, но получивших иное развитие в монгорском языке, например: СПМЯ *adayusun* 'скот' > монгор. *а̄се* 'то же'; СПМЯ *yasiyun* 'горький', 'кислый' > монгор. *җашен* 'горький'.

Модель *о-е* встречается преимущественно в словах с переднерядным вокализмом – с *ö, ü* в первом слоге, которые в монгорском языке перешли в твердорядные *о, у*. Употребление *е* в непервых слогах после *о* в первом слоге объясняется: а) сохранением исконого *е* в структуре общемонгольских слов; б) переходом *ü* в гласный *е*. Примеры: СПМЯ *nüke* > монгор. *ноке* ‘яма’, ‘дыра’; СПМЯ *kögesün* > монгор. *кõрсе* ‘пена’; СПМЯ *ölösü* > монгор. *лосе-* ‘проголодаться’; СПМЯ *emüs* > монгор. *мосе-* ‘надевать, одевать’.

Иногда модель *о-е* встречается в твердорядных словах с гласным *о* в первом слоге с изменением гласного следующего слова, например: СПМЯ *tosun* > монгор. *тõдзе* ‘масло’; СПМЯ *qoyusun* > монгор. *хõдзен* ‘пустой, порожний’.

Модель *у-е* встречается в структуре трансформированных общемонгольских слов, имевших переднерядные гласные *ö, ü* в первом слоге и гласный *е* в следующем слоге, примеры: СПМЯ *kötele* > монгор. *кутела-* ‘вести, водить’; СПМЯ *sünesün* > монгор. *сунёсе* ‘дух; душа’; СПМЯ *büse* > монгор. *бусе* ‘пояс’.

Изредка встречается модель *е-а* в трансформированных монгольских словах с переднерядными и заднерядными гласными, например: СПМЯ *dörben* > монгор. *дõран* ‘четыре’; СПМЯ *darasun* > монгор. *дерãсе* ‘вино’.

Употребление переднерядного *е* в первом слоге вместо переднерядного *ö* и заднерядного *а* представляет собой необычное явление в процессе трансформации звуковой структуры общемонгольских слов в монгорском языке.

Закон гармонии гласных в монгольских языках не допускает употребления губного *о* в непервых слогах в позиции после гласных *а, у* в первом слоге слова. Г.Д. Санжеев писал, что ни в восточной, ни в западной группе монгольских языков не встречаются модели *а-о, у-о*, т.е. после гласных *а, у* в первом слоге в последующих не может употребляться губной *о* [Санжеев, 1953, 84].

В монгорском языке нарушен данный закон и общемонгольские слова трансформируются без соблюдения этой закономерности вокализма монгольских языков. Примеры:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	калм.	монгор.	
baraqun	баруун	баруун	барун	бароң	‘правый’
orun	ор(он)	орон	орн	уроң	‘место’, ‘кровать’
bulunq	булан(г)	булаң	булн	булоң	‘угол’

Это явление объясняется Б.Х. Тодаевой как тенденция к лабиализации гласных непервого слога, если гласный первого слога – огубленный, который соответствует гласным *о* или *ö* монгольского письменного языка [Тодаева, 1973, 23]. Однако употребление *о, ö* встречается также и после гласного *а* в первом слоге.

В баоаньском языке нарушение гармонии гласных прогрессирует.

Такое предположение основано на фактах звуковой трансформации общемонгольских слов баоанского языка. Факт звуковой трансформации общемонгольских слов с изменением вокализма слова, характеризующего нарушение общемонгольского фонетического закона гармонии гласных, свидетельствует о стабилизации этого фонетического явления в баоанском языке. Нарушение гармонии гласных проявляется в следующем:

а) в словах с заднерядными гласными *a, o, u* в первом слого наблюдается переднерядный *э* в последующих слогах. Зафиксированы модели *a-э, a-o, ö-o, u-a, ауи-у*, например:

СПМЯ	монг.	бур.	баоан.	
aba	аав	аба	абэ	'отец'
amtaq	амт	амтан	амтэг	'вкус'
ayula	уул	уула	олэ	'гора'
ökin	өх(ин)	охин	окэн	'дочь'
bulaq	булаг	булаг	балэг	'родник'
sayuŋa	суулга	һуулга	сулгэ	'ведро';

б) в словах с переднерядным *э* в первом слого в баоанском языке употребляются гласные *a, o, u* в последующих слогах. Зафиксированы модели *э-o, э-у, э-a*, например:

СПМЯ	монг.	бур.	баоан.	
pidün	нүд(эн)	нюдэн	нэдоң	'глаза'
niŋma un	нулимсан	нёлбоһон	нэмсоң	'слеза', слюна'
sibüge	шөвөг	шүбэгэ	сэбгу	'шило'
bilüqu	бүлүү	бүлюу	бэлу	'точильный камень'
miqan	мах	мяхан	мэжа	'мясо'
tegetme	тээрэм	тээрмэ	тэрмаң	'мельница'

в) в баоанском языке также встречаются общемонгольские слова, в которых за гласным *a* первого слога в последующих слогах употребляется гласный *o*, примеры:

СПМЯ	монг.	бур.	баоан.	
adayusun	адумал	адуһан	асоң	'скот'
taŋan	тарга(н)	тарган	таргоң	'полный, жирный'

Иначе говоря, в монгольских языках не допускается употребление гласного *o* после гласных *a, u* в первом слого. Между тем в баоанском языке этот закон также нарушен, т.е. баоанский язык не соблюдает общемонгольские законы дистрибуции гласных в структуре слова и даже перестраивает вокализм общемонгольских слов в соответствии со звуковой организацией слов в китайском языке.

В дунсянском языке нарушение гармонии гласных в общемонгольских словах наблюдается в основном в словах с переднерядным вокализмом, т.е. с гласными *ö, u*, отсутствующими в этом языке. Примеры:

СПМЯ	монг.	бур.	дун.	
nökür	нөхөр	нүхэр	нокэ	'друг; товарищ'
ebüdüg	өвдөг	үбдэг	одэу	'колено'
ödken	өтгөн	үдхэн	очэган	'густой'
möndür	мөндөр	мүндэр	мэндэу	'град'
mösun	мөс(өн)	мүлхэн	мэнсун	'лед'

Однако общая тенденция к нарушению гармонии гласных охватила также и слова с твердоярными гласными. Примеры:

СПМЯ	монг.	бур.	калм.	дун.	
amasar	амсар	амһар	амср	амасэ	'отверстие, дыра'
quduq	худаг	худаг	худг	гудэу	'колодец'
dalu	дал	дала	дал	далэу	'лопатка'
manqlai	магнай	магнай	манна	манлэу	'лоб'
suγu	суга	һуга	сү	сугэ	'подмышка'
qoguyai	хорхой	хорхой	хорха	ходэу	'червь'

Неадаптированные заимствования из китайского и тибетского языков

В монгорском языке немало китаизмов и тибетизмов. Нарушение гармонии гласных наблюдается в лексических заимствованиях из китайского и тибетского языков, которые проникли в монгорский язык в неадаптированной форме. Примеры: кит. *баньден* 'скамейка' – монгор. *банден* 'то же'; кит. *гунцзо* 'работать' – монгор. *гундзола*; кит. *я(цзы)* 'утка' – монгор. *јадзе*; тибет. *shyems-c'un* 'бедный' – монгор. *немчон*.

Китаизмы в дунсянском языке в целом сохранили вокалическую структуру языка-источника, в котором нет гармонии гласных. Примеры: дун. *гэчудэ* 'всюду' < кит. *гэчу*; дун. *давэйла* - 'охотиться' < кит. *да вэй* 'то же'; дун. *джаниэ* 'имущество' < кит. *чанье*; дун. *тау-эр* 'персик' < кит. *тау-эр*; дун. *тугуан* 'горшок' < кит. *тугуань*.

Характер звуковой адаптации китаизмов в дунсянском языке показывает, что многие из них зафиксированы исследователем в нулевой форме адаптации [Тодаева, 1961, 110–144]. Это свидетельствует о массовом двуязычии носителей дунсянского языка.

В китаизмах в баоаньском языке тоже наблюдается нарушение гармонии гласных. Примеры: кит. *ва* – баоан. *вагэ* 'копать'; кит. *вацзы* – баоан. *вазэ* 'чулки'; кит. *гуа* – баоан. *гуагэ* 'вешать'; кит. *соцза* – баоан. *созэ* 'замок'.

Таким образом, в монгорском, дунсянском, баоаньском языках имеет место разрушение гармонии гласных в структуре слова данных языков. Основным показателем факта десингармонизации служит перестройка звукового облика монгольских слов в основном в соответствии со звуковой структурой языка окружения, т.е. китайского и тибетского, в которых нет сингармонизма. Главной причиной десингармонизации в монгорском, дунсянском, баоаньском языках является массовое двуязычие носителей этих языков, которые перенесли звуко-

вую норму языка окружения на свой родной язык. Отсутствие своего литературно-письменного языка ускорило утрату ими исконно монгольских свойств родного языка в вокализме слова.

Аналогичное явление отмечено в монгольском языке под влиянием иранских языков, в которых нет сингармонизма [Лигети, 1954, 130]. Моголы фактически перешли на персидский язык. В могольском языке зафиксированы монгольские слова, в которых не соблюдается гармония гласных. Примеры: СПМЯ *dörben* > могол. *dorban* ~ *durbān* 'четыре'; СПМЯ *köke* > могол. *koke* 'синий'; СПМЯ *temegen* > могол. *tēmān* 'верблюды' [Шагдаров, Казанцева, 1968, 78–79].

Дагурский язык занимает особое положение относительно десингармонизации в бесписьменных монгольских языках, хотя в дагурском тоже нет переднерядных **ö*, **ü*, которые в первом слоге развились в другие гласные [Тодаева, 1986, 10, 13]. Б.Х. Тодаева отмечает, что "в дагурском гармония гласных нарушается, в одном и том же слове могут встречаться гласные не обязательно строго определенного ряда, к тому же они подвержены тенденции варьирования" [там же, 27]. Автором замечены "следы неразвившегося явления губного притяжения".

Словарный состав показал своеобразие в употреблении гласных в структуре слова. Изредка встречаются слова с заднерядным *a* в первом слоге и гласным *э* в следующем слоге слова типа *ан'эп* < *anir* 'звук', 'шум', 'гул'; *тап'э* < *tariya* 'посев', 'пашня'. Еще реже встречаются слова типа *гэлән* (*galān*) 'комната', *пэнлэ* 'ударяться чем-л. (обо что-то)', *нэмо* 'ящик' (в солонском *нэмо* в том же значении). Встречаются слова с гласными *у*, *э* в одном слове, но эти гласные интерпретируются как среднерядные гласные в дагурском языке [там же, 10]. Одним словом, особенности вокализма в звуковом облике слов дагурского языка обусловлены влиянием тунгусо-маньчжурских языков.

СТЕЧЕНИЕ ГЛАСНЫХ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Звуковой строй монгольских языков имеет свои закономерности в дистрибуции гласных и согласных в звуковой структуре слова. В частности, монгольским языкам не свойственно употребление рядом двух разных гласных. Литературно-письменные монгольские языки сохранили это свойство в исконных словах, и эта звуковая норма закреплена в орфографических правилах правописания слов в этих языках. Однако в лексических заимствованиях в бурятском и калмыцком, особенно в последние десятилетия в связи с распространением массового национально-русского двуязычия среди бурят и калмыков, наблюдается нарушение этого правила. Суть нарушения заключается в употреблении рядом двух гласных в советизмах, русизмах и интернационализмах. Заимствования типа *радио*, *наука* и др. прочно вошли в структуру языка и зафиксированы в словарях бурятского, калмыцкого и монгольского языков.

Стечение гласных *ya* встречается также и в китаизмах современного монгольского языка, например в словах *гуанз* 'столовая', 'ресторан',

хуантайз ‘царевич’ (наследный) принц’, хуандий ‘император’ и т.д. В монгольском языке имеются заимствования типа *театр, какао, реализм, пионер* и т.д., проникшие в него через посредство русского языка. Хотя подобных заимствований со стечением разных гласных (ау, ео, оа, ио, еа и т.д.) немало, особенно в бурятском, калмыцком и частично в монгольском языках, однако это явление не коснулось звуковой структуры исконных монгольских слов.

Совершенно иначе обстоит дело в бесписьменных языках – в монгорском, баоаньском, дунсянском, которые существенно отличаются от монгольских языков и приобрели свойства китайского и тибетского.

Стечение гласных в монгорском языке

Все разновидности стечения гласных встречаются в общемонгольских словах, видоизменившихся в монгорском:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	монгор.	
qоуауила	хоёулаа	хойуулаа	гуёло	‘вдвоем’, ‘двое’
поqоi	нохой	нохой	нохуё	‘собака’
qоуина	хойно	хойно	хуёно	‘после’, ‘позади’
qилaуai	хулгай	хулгай	холгуё	‘вор; воровство’

Как видно, стечение гласных уё возникло при изменении общемонгольских слов с долготным комплексом, а также с нисходящими дифтонгами.

Стечение гласных уо образовалось в результате звуковой трансформации переднерядных гласных ö, ÿ, e в структуре слов старописьменно-монгольского языка, например: СПМЯ *köke* > монгор. угуо ‘синий’; СПМЯ *nökür* > монгор. нукуор ‘товарищ; друг’; СПМЯ *önge* > монгор. нгуо ‘цвет’; СПМЯ *süke* > монгор. согуо ‘топор’; СПМЯ *üker* > монгор. фугуор ‘вол’, ‘бык’. Стечение гласных уо встречается также в трансформированных общемонгольских словах с заднерядными гласными: СПМЯ *olan* > монгор. олуон ‘много’; СПМЯ *qongqa* > монгор. хоңбуор ‘колокол’, ‘колокольчик’.

Стечение уā наблюдается в словах с заднерядными гласными преимущественно с долготным комплексом: СПМЯ *ugiya-* > монгор. нгуā- ‘стирать, мыть’; СПМЯ *ingyasun* > монгор. нгуāсе ‘шерсть’; СПМЯ *qibiya-* > монгор. хуфуā- ‘делить’, ‘раскалывать’, ‘вносить раздор’.

В стечениях двух гласных с первым компонентом у наблюдается определенная закономерность, заключающаяся в следующем: 1) второй элемент сочетания обычно является долгим гласным (уā, уё). Подобные стечения гласных обычно встречаются в монгольских словах с долготными комплексами и дифтонгами *ai, oi*; 2) употребление рядом двух кратких гласных – уо – наблюдается в трансформированных монгольских словах в позиции после согласных *г, к*; 3) стечение уе встретилось в слове *ргуен* ‘широкий’ < СПМЯ *örgeu* ‘широкий’; 4) в китаизмах встречается только стечение двух кратких гласных уа, например: монгор. чуан ‘стропила’ < кит. чуань ‘балка’.

Стечение разных гласных с элементом *i* в качестве первого компонента также имеет свои особенности. Прежде всего, гласный *i* в сочетаниях *ia*, *iā*, *ie*, *iē*, *iy*, *iū*, *iō* обычно смягчает предшествующие согласные *н, м, л, р, д, дж, ч, ш*.

1. Стечение *ia* употребляется преимущественно в заднерядных словах, например: СПМЯ *ʃabsar* > монгор. *дџиабсар* 'щель'; СПМЯ *ʃanggid* > монгор. *дџиангид* 'завязывать узел'. Стечение *iā* тоже наблюдается в словах с заднерядными гласными с долготными комплексами, например: СПМЯ *aʃijan* > монгор. *идџиā*. Изредка встречается *iā* в переднерядных словах: СПМЯ *ʃigür* > монгор. *дџиār*. Стечения *ia*, *iā* наблюдаются после согласных *дж, ш*.

2. Стечения *ie*, *iē* встречаются преимущественно в словах с переднерядными гласными, но *iē* употребляется в словах, имевших долготные комплексы. Примеры: СПМЯ *güjige* > монгор. *гудџиē* 'желудок', 'брюхо'; СПМЯ *tegegen* > монгор. *тимиēн* 'верблюды'; СПМЯ *eliye* > > монгор. *илиē* 'черт, бес'. Стечения *ie*, *iē* встречаются после согласных *д, л, м, р, дж*.

3. Стечения *iy*, *iū* наблюдаются преимущественно в переднерядных словах, *iū* – в словах с долготными комплексами, например: СПМЯ *ʃegüdüп* > монгор. *дџиүден* 'сон'; СПМЯ *sigüder* > монгор. *шиүдер* 'роса'; СПМЯ *ariyün* > монгор. *ариун* 'чистый'. Сочетания *iy*, *iū* употребляются после согласных *р, н, дж, ш*.

4. Стечение *iō* встречается редко: СПМЯ *ʃögen* > монгор. *чиōн* 'немного'. Сочетание *iō* свойственно трансформированным монгольским словам, в структуре которых были долготные комплексы *иуа, ауи, öge*. Примеры: СПМЯ *ʃiruуа* > монгор. *дџиоро* 'иноходец'; СПМЯ *ʃayün* > > монгор. *дџиоң* 'сто'; СПМЯ *ʃögelen* > монгор. *дџиōлон* 'мягкий'.

В группе стечений двух гласных с элементом *i* в качестве первого компонента количественно преобладает сочетание *ie* (*iē*), которое наблюдается преимущественно в монгольских словах с мягкорядным или переднерядным вокализмом, имевших долготные комплексы *ege, ige, iye*. Особенно хорошо в монгольском языке сохранились комплексы *ige, iye* на стадии выпадения интервокальных согласных *g, y*: СПМЯ *güjige* > монгор. *гудџиē*; СПМЯ *eliye* > монгор. *илиē* 'черт, бес'; СПМЯ *üliye-* > монгор. *илиē* 'дуть', 'трубить'. В некоторых словах выпадение согласных *g, y* дало долготу последнего гласного комплекса – *e*, в других же словах этой долготы нет. Как известно, комплексы *iye, ige* в письменных монгольских языках дали долгие гласные с предшествующим очень коротким скользящим звуком *i* [Владимирцов, 1929, 200]. Те же комплексы в монгольском языке, утратив согласные *g, y*, сохранились в виде *ie* (*iē*). Стабилизации этого явления на данном этапе способствовал звуковой строй монгольского языка, в котором сочетание двух гласных является обычной нормой в дистрибуции гласных в структуре слова.

При стечениях гласных *ia, io, iy, ie* первый элемент – *i* – смягчает предшествующий согласный.

Стечение гласных в баоаньском языке

Баоаньскому языку также свойственно стечение двух гласных разного качества. Оно наблюдается в разных позициях слова. Однако слов со стечением двух гласных в небольшом словаре баоаньского языка немного [Тодаева, 1964, 132–152]. Стечение гласных *ya* обусловлено влиянием китайского языка, так как китаизмы заимствованы баоаньским языком с полным сохранением звуковой структуры языка-источника. Примеры: баоан. *сигуа* ‘арбуз’ < кит. *сигуа* ‘то же’; баоан. *гуагэ* ‘вешать’ < кит. *гуа* ‘то же’.

Монгольские слова в баоаньском языке трансформированы посредством: 1) перестановки анлаутного гласного: баоан. *гуа*- ‘мыть, стирать’ // монг. *угаа*- ‘то же’; 2) выпадения согласного в интервокальной позиции: баоан. *хуа*- ‘делить’ // монг. *хубаа*- ‘делить, разделить’; баоан. *гуар* ‘два’ // монг. *хойор* ‘то же’; баоан. *гуалэ* ‘вдвоем’ // монг. *хойулаа* ‘то же’. Сам факт фонетической трансформации монгольских слов в баоаньском языке, допускающей стечение двух разных гласных в соответствии со звуковой организацией слов китайского языка, свидетельствует о сильнейшем влиянии последнего на звуковую систему баоаньского языка.

Стечение гласных в дунсянском языке

Дунсянский язык, так же как и баоаньский, характеризуется стечением двух гласных разного качества в различных позициях слова. Это явление не свойственно звуковой структуре слов монгольских языков в целом.

Встречаются стечения гласных *au, eu, ya, ye, ia, ie*, например: *au* – дун. *бау*- ‘спускаться’ // монг. *буу*- ‘то же’; дун. *баудэ* ‘пшеница’ // монг. *буудай*; дун. *даура* ‘под’, ‘низ; вниз’ // монг. *дор*, бур. *доро*; дун. *джалау* ‘молодой’ // монг., бур. *залуу*; дун. *сауга* ‘ведро’ // монг. *суулга*, бур. *һуулга*; дун. *джау*- ‘держат в зубах’ // монг., бур. *зуу*-; *ya* – дун. *гуанджеліэ* ‘одеяло’ // монг. *хөнжил*, бур. *хүнжэл*; дун. *дуан* ‘голос’, ‘песня’ // монг. *дуу(н)*, бур. *дуун*; дун. *джиэруан* ‘четыре’ // монг. *дөрөв*, бур. *дүрбэн*; дун. *джыгуан* ‘шесть’ // монг. *зургаан*, бур. *жоргоон*; дун. *куан* ‘нога’ // монг. *хөл*, бур. *хүл*; дун. *тавуан* ‘пять’ // монг. *тав(ан)*, бур. *табан*; *eu* – дун. *кырэу* ‘иней’ // монг. *хяруу*, бур. *хюруу*; дун. *арэуга* ‘чистить’ // монг. *арилга*; дун. *манлэу* ‘лоб’ // монг., бур. *магнай*; дун. *одэу* ‘колени’ // монг. *өвдөг*, бур. *үбдэг*; *уэ* – дун. *чуэ*- ‘таскать’, ‘перевозить’ // монг., бур., *зөө*-; дун. *чуэгуан* ‘мало, немного’ // монг. *цөөн*, бур. *үсөөн*.

Сочетания гласного *i* с гласными *a, э, у (ia, ie, iy)* встречаются либо в

словах с переднерядным, или мягкорядным, вокализмом, либо в позиции с мягкими или смягченными согласными в монгольских словах: дун. *бэлэн* 'готовый', 'приготовленный' // монг. *бэлэн* 'то же'; дун. *вiджiэн* 'дверь' // монг. *үүд(эн)*; дун. *каниадун* 'кашель' // монг. *ханиад(ан)*; дун. *ниу* 'лицо' // монг. *нуур*, бур. *нюур*.

Стечения гласных *ау*, *эу* наиболее часто встречаются в трансформированных монгольских словах дунсянского языка.

Как известно, стечение двух гласных разного качества в любой позиции слова является нарушением фонетических свойств слов в монгольских языках. Частотность этого явления в дунсянском указывает на изменение его фонетической системы. Причина происхождения подобного изменения звуковой структуры монгольских слов в дунсянском языке обусловлена влиянием китайского, в котором стечение гласных представляет собой норму. Многие китаизмы вошли в структуру языка-реципиента с сохранением своего звукового облика. Примеры: дун. *бау* 'газета' < кит. *бао*; дун. *данау* 'пушка' < кит. *данао*; дун. *баузы* 'леопард', 'пантера' < кит. *баоцзы*; дун. *гунлау* 'подвиг', 'заслуга' < кит. *гунлао*.

Как видно, стечение гласных *ао* в китайских словах дунсянского языка передано сочетанием *ау*, так как дунсянскому языку не свойственно стечение *ао*. В этом проявляется влияние традиционной фонетики монгольских языков, вокализм которых исключает употребление гласного *о* в словах с гласным *а* в первом слоге. Стечение гласных *уа* в китаизмах сохранено в дунсянском языке. Примеры: дун. *гуа* 'дыня' < кит. *тяньгуа*; дун. *гуафу* 'вдова; вдовец' < кит. *гуафу*; дун. *гуанмiэн* 'макароны' < кит. *гуаньмянь* и т.д. То же сочетание известно в китаизмах современного монгольского языка типа *гуанз* 'столовая', *гуанздах* 'питаться, столоваться'.

Бурятский и калмыцкий языки не знают подобных заимствований.

Дунсянский язык целиком воспринял свойства сочетаемости гласных контактирующего с ним китайского языка, за исключением сочетания *ао*.

В группе слов со стечением двух качественно разных гласных отмечено небольшое количество слов, имеющих долготные комплексы с выпадением интервокального *ү*, но без стяжения этих гласных, т.е. без образования долгих гласных из данных долготных комплексов, примеры:

СПМЯ	монг.	бур.	калм.	дун.	
<i>niyu-</i>	нуу-	нюу-	нуу-	ниу-	'прятать'
<i>jalayu</i>	залуу	залуу	залу	джалау	'молодой'
<i>pege-</i>	нээ-	неэ-	—	нiэ-	'открыть'
<i>dayun</i>	дуу(н)	дуун	дун	дуан	'голос', 'песня'
<i>gayučin</i>	хуучин	хуушан	хуучн	куаичын	'старый'
<i>sayu-</i>	суу-	һууха	оуух	сау-	'сидеть', 'жить'

Сохранение сочетаний *аи*, *иу* на месте долготных комплексов *аүи*, *иүү* старописьменного монгольского языка характерно для среднемонголь-

ской речи, зафиксированной в памятниках XIII–XIV вв. Эти комплексы не дали долгот в дунсянском языке, ибо в последнем нет долгих гласных. В целом можно сказать, что эти долготные комплексы сохранились в дунсянском языке в виде сочетаний гласных *iu*, *au*, *iə*, *əu* после выпадения интервокальных *γ*, *g*, *у*. Некоторые из них просто слились в краткий гласный, но таких случаев немного.

Сохранению стечения двух гласных в дунсянском языке способствовало влияние китайского языка, в котором изобилуют подобные сочетания гласных разной качественной характеристики. При этом некоторые сочетания гласных этих долготных комплексов получили иную огласовку, например в слове СПМЯ *daγun* ‘песня’, ‘голос’ имеет место метатеза, т.е. вместо ожидаемого *да’ун* в дунсянском бытует слово *дуан*; СПМЯ *qaγuɕin* ‘старый’ в дунсянском употребляется в форме *куаичын* в том же значении. Иначе говоря, комплекс *aγu* дал не *au*, а *ya*. Это объясняется, очевидно, влиянием китайского языка, так как по модели *ya* трансформируется не только долготный комплекс *aγu*, но также исконные слова без сочетания гласных: СПМЯ *ungɕiqi* > дун. *уанишы* ‘читать’; СПМЯ *tabin* > дун. *тавуан* ‘пять’ и т.д.

Таким образом, древнемонгольские долготные комплексы **aγu*, **ege*, **iγu* и т.д., давшие долгие гласные в письменно-литературных монгольских языках, сохранились в дунсянском языке в основном в формах *ai*, *ei*, *ie* (*ay*, *əy*, *iə*), т.е. в виде сочетания двух гласных разного качества без хиатуса.

Эти сочетания двух гласных напоминают примеры сохранения обоих гласных двослогов в долготных комплексах в разговорной речи монголов XIII–XIV вв., отраженной в памятниках квадратного письма, в могольском языке, в словаре Мукаддимат ал-Адаб. Однако стечения двух гласных дунсянского языка от двослогов среднемонгольской речи отличаются тем, что в указанных памятниках сохранены долготные комплексы в виде *o’a*, *a’u*, *i’a*, *ö’e*, *e’ü*, *i’e* и т.д. Иначе говоря, в них наблюдаются два явления: 1) гласные разъединены хиатусом; 2) кроме того, второй гласный является долгим. В дунсянском языке ничего подобного не наблюдается.

Стимулирующим фактором сохранения в дунсянском языке подобных двослогов долготных комплексов после выпадения интервокального согласного послужило влияние китайского языка – обилие в дунсянском языке китаизмов, для которых характерно стечение двух гласных разного качества. Во всяком случае, этот нынешний фактор способствовал сохранению в этом языке более архаичных форм монгольских языков. Сохранение же всего долготного комплекса в дунсянском носит единичный характер: например: СПМЯ *taγa-* > дун. *тага-* ‘отгадывать’. Наблюдаются отдельные случаи развития в дунсянском языке этих долготных комплексов в краткие гласные в словах типа *асу-* ‘спрашивать’ из *асаγu-*.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЗИЦИОННОМ УПОТРЕБЛЕНИИ СОГЛАСНЫХ

Развитие системы согласных в монгольских языках специфично в каждом из них. В данном разделе рассматриваются изменения в позиционном употреблении согласных, обусловленные влиянием иносистемных языков, а именно: 1) изменения в составе анлаутных согласных; 2) изменения в сочетаемости согласных.

Исследователи отмечают, что в монгольских языках вопрос о позиционном употреблении согласных и связанная с ними сочетаемость их между собой представляют серьезную практическую и теоретическую значимость, обусловленную исторически сложившимися артикуляционными закономерностями языка. Фонетисты полагают, что изучение этой проблемы приобретает особую актуальность в условиях интенсивно развивающегося билингвизма и современной языковой ситуации [Бураев, 1987, 149]. Однако этому вопросу не уделялось должного внимания ни в фонетических исследованиях, ни в практических пособиях по монгольским языкам. Этот пробел постепенно ликвидируется. Проблеме стечения согласных в старописьменном и современном монгольском языках посвящены работы Г.Д. Санжеева [Санжеев, 1964; 1977], а вопрос о позиционном употреблении согласных и об особенностях их сочетаемости между собой исследован И.Д. Бураевым на материале бурятского языка [Бураев, 1987].

Позиционная закрепленность согласных означает, что не все согласные могут употребляться в анлауте и в ауслауте слова. Кроме того, не все согласные могут сочетаться друг с другом, а также существует определенное ограничение в стечении согласных в разных позициях структуры слова. Позиционная закрепленность согласных рассматривается фонетистами как фонетическое явление, характеризующее исторически сложившуюся артикуляционную закономерность языка, которая отражает его древнее состояние [Бураев, 1987, 149–150].

В работах компаративистов были отмечены отдельные моменты дистрибуции согласных в старописьменном монгольском языке (см., например: [Рамстедт, 1908; Владимирцов, 1929]), но более подробное экспериментальное изучение этой проблемы с применением ЭВМ дано на материале бурятского языка [Бураев, 1987, 9–20].

Данные современных монгольских языков обнаруживают разный статус каждого из них в сохранении или реализации позиционной закрепленности согласных – этого общемонгольского признака консонантов.

АНЛАУТНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Исконно общим признаком для монгольских языков было то, что они в отличие от тюркских языков не знали дифференциации глухого или звонкого начала слова, т.е. в начале монгольских слов могут употребляться как глухие, так и звонкие консонанты, но с преобладанием сильных (глухих) согласных. При этом существовало ограничение:

в словах монгольского происхождения не могли употребляться в анлауте сонанты *л, р, џ*, как и в тюркских языках [Серебренников, Гаджиева, 1979], и губной сильный *п*.

При заимствовании иноязычных слов с согласными *л, р, п* в анлауте либо последние заменялись согласными, близкими по артикуляции, либо наращивался гласный элемент к началу слова. Например, китайское слово *пао* 'ружье' приобрело в монгольских (литературно-письменных) языках звуковой облик *буу*, т.е. анлаутный *п* заменен согласным *б*. Заимствованные слова *радио, лампа* произносились вначале *араажи, алаампа*, хотя в современной орфографии представлены их исконный облик – *радио, лампа*.

Процесс изменения в составе анлаутных согласных происходил постепенно и по-разному в литературно-письменных и бесписьменных островных языках, и потому следует рассмотреть это явление дифференцированно в двух группах монгольских языков.

Анлаутные согласные в письменных языках

В литературно-письменных монгольских языках изменился состав анлаутных согласных исключительно за счет лексических заимствований из иноструктурных языков. В числе анлаутных согласных оказались консонанты, функционирующие в заимствующем языке, но не употребляющиеся в начале монгольских слов (*л, р, п*), а также согласные, отсутствующие в языке-реципиенте например: *в, ф, џ, к, ц, ч* в бурятском; *в, ф, џ* в калмыцком и в языке монголов Внутренней Монголии; *ф, џ, к* в халха-монгольском.

Процесс пополнения состава анлаутных согласных происходил постепенно, неравномерно в зависимости от степени и характера фонетической адаптации слов, заимствованных из разных языков.

Прежде всего следует рассмотреть первую группу анлаутных согласных монгольских языков, не употреблявшихся в начале монгольских слов (*л, п, р*).

Анлаут *л, р* встречается в тибетизмах, проникших в монгольские языки в ранний период. Например, слово *блама* > *лама* 'буддийский монах' имело в начале слова два согласных. При фонетической адаптации был опущен первый элемент сочетания – согласный *б* и в анлауте слова оказался консонант *л*. Это старое заимствование, которое употребляется во всех монгольских языках в такой звуковой форме и имеет производные формы, например: х.-монг. *ламтах*, бур. *ламатаха*, калм. *ламлх* 'отправлять обязанности ламы', 'читать на манер ламы', бур. *ламашалха* 'вести себя как лама'.

Таким же путем, т.е. опущением первого согласного при стечении двух согласных в тибетских заимствованиях, адаптированы в монгольских языках собственные имена: *Лодон* < тибет. *blo-ldan* 'ученый', *Лубсан* < тибет. *blo-bzan* 'хороший ум' [Жамбалсурэн, 1961, 507]. Возможность образования новых производных слов типа *ламахай*,

ламбагай (вежливая форма обращения к ламам), т.е. новообразований с анлаутным *л*, означает закрепление этого согласного в начале слов. (В литературно-письменных языках встречаются заимствования из тибетского, китайского, русского языков.) Многие тибетизмы из буддийского пантеона уже вышли из употребления, например: бур. *лүндэн* 'пророчество', 'пророк', х.-монг. *лүндэн* 'указ, грамота, послание богдо-гэгэна, далай-ламы', калм. *лувсрһ* 'черт, сатана', *лувиц* 'панцирь, кольчуга'. Вместе с тем слова типа *лонхо* 'бутылка', *луу* 'дракон' сохранились во всех монгольских языках. Помимо этого типа заимствований изредка встречаются образные и звукоподражательные слова, например: *лүг-лүг* – о биении сердца и производное *лүгшэхэ* 'сердцебиение'.

Заимствования из русского языка пришли в разные периоды. Современные монгольские языки сохранили следы фонетической адаптации этих заимствований. Для начального периода заимствований было характерно наращение гласного элемента к слову с анлаутным согласным *л*, например: *лагерь* > бур. *алаагир* ~ *лаагир* ~ *лагерь*; *лавка* > бур. *алаабхи* ~ *лаабхи* ~ *алаабси* ~ *лавка*. Подобные фонетические варианты русизмов существуют в разных сферах бытования бурятского языка. Адаптированные варианты встречаются в родной речи бурят, слабо владеющих русским языком. В литературном языке приняты неадаптированные варианты.

В современных бурятском и калмыцком языках больше русизмов с анлаутным *л*, в халха-монгольском – больше китаизмов и тибетизмов с согласным *л* в начале слов. Б.А. Серебренников отмечает, что в начале слова согласный *л* в тюркском праязыке не был употребителен. Слова, начинающиеся с *л* в современных тюркских языках, чаще всего являются заимствованиями из персидского и арабского. В чувашском языке *л* в начале слова более терпимо [Серебренников, Гаджиева, 1979, 68]. Большая или меньшая допустимость употребления в начале слова согласных, не встречавшихся в начале исконно монгольских слов, свойственна и монгольским языкам, но анлаутный *л* – свойство только лексических заимствований. Наблюдаемая терпимость к такому началу была выработана под влиянием письменного языка.

В халха-монгольском и в языке монголов Внутренней Монголии значительно больше тибетизмов и китаизмов с анлаутным *л*, чем в бурятском и калмыцком. Это объясняется тем, что монголы непосредственно контактировали с китайцами начиная с XIII в. [Цыдендамбаев, 1972, 485–513]. Слова типа *линхуа* 'лотос' < кит. *лин-хуа* [Владимирцов, 1929, 244], *лай* 'напасть, беда' < кит. *лай* 'клевета, поклеп' [Захаров, 1875, 841] встречаются во всех монгольских языках, а слова *лан(г)* 'мера веса', *лантуу* 'кувалда', *лийр* 'груша', *лууван(г)* 'морковь' употребляются в халха-монгольском [Лувсандэндэв, 1957] и в языке монголов Внутренней Монголии [Тодаева, 1981].

Так же обстоит дело и с анлаутным *р*, который в калмыцком, бурятском и халха-монгольском языках употребляется в начале только

заимствованных слов, преимущественно из русского языка или через его посредство. В бурятском и халха-монгольском еще зафиксирован послелог *руу* 'в', 'к', 'по', образовавшийся в результате опущения гласного элемента *у* в слове *уруу* в том же значении.

В тибетизмах и русизмах раннего периода, начинающихся с согласного *р*, обычно наращивался гласный элемент, например: *Ринчэн* ~ *Эрэнчэн* ~ *Ириншэ* ~ *Эрэнш*; *рапорт* – *арапарта* и т.д. Появление в языке трансформированного *руу* свидетельствует о возможности употребления согласного *р* в начале слова не только под влиянием иноструктурных языков. В материалах Б.Х. Тодаевой по языку монголов Внутренней Монголии, как и по дунсянскому языку, не зафиксированы слова, начинающиеся с анлаутного *р* [Тодаева, 1981; 1964].

Принято считать, что губной смычный *п* встречался только в начале заимствованных слов и употреблялся вместо начальных *ф*, *пх* или *п*, например: *п' үзѳ* 'лавка', *п'анса* 'торговля' – заимствования из китайского; *пунт* 'фунт', *пүд* 'пуд' – заимствования из русского; *п'урвѳ* 'четверг' – заимствование из тибетского языка [Рамстедт, 1908, 11–12].

Последующие исследователи отмечали, что старый анлаутный **р* исчез бесследно в старописьменном монгольском и в большинстве монгольских языков, и только в наречии монголов в Ганьсу он сохранился донныне как *ф*. Заместителем его в XIII–XIV вв., как об этом свидетельствуют надписи квадратным письмом и ряд китайско-монгольских словарей [Pelliot, 1925, 193], а также труды мусульманских филологов, был *h*, т.е. гортанный спирант [Поппе, 1930₂, 129].

Таким образом, учеными отрицается возможность употребления *п* в начале слова, кроме лексических заимствований. Следовательно, исторический **р*, употреблявшийся в анлауте слова, утратил эту функцию в монгольских языках и лишь в отдельных языках сохранился в виде *ф*, *h* (**р > ф > h*) [Pelliot, 1925, 45].

Частотность употребления этого **р* в анлаутной позиции и время его исчезновения установить трудно. Известно, что китаизмы раннего периода (XIII–XIV вв.) с анлаутным *п* подвергались фонетической адаптации и сильный смычный губной *п* заменился в монгольском языке слабым *б*. Например, китайские слова *пао* 'ружье' [Турген, 1959, 17], *пао* 'пушка' [Голстунский, 1894, 238] и *пао-за* 'позы' [Турген, 1959, 15] при фонетической адаптации в монгольских языках получили звуковую форму *буу* 'ружье' во всех монгольских языках, за исключением островных монгольских языков: *пү* – в монгорском, *пу* – в баоаньском языке. Слово *пао-за*, сохранив свое значение, также изменило звуковой облик и употребляется в бурятском языке в виде *бууза*, в халха-монгольском – *бууз*, а в калмыцком языке слово *буз* означает 'черное пиво', 'напиток', но не род пельменей. В этом значении употребляется другое слово (*бѳрг*), но не китаизм. Все производные основы слов *буу*, *бууз* ~ *бууза* употребляются с анлаутным *б*.

Вместе с тем наблюдалось и другое явление: китаизмы получали

анлаутный *n*, если они имели в анлауте щелевой *ф*. Например, китайское *фа-лан* 'эмаль' заимствовано с тем же значением, но в форме *паалан* употребляется в халха-монгольском и в языке монголов Внутренней Монголии. В бурятском языке это слово вышло из употребления, заменившись на *эмааль*, но оно известно в памятниках старомонгольской письменности [Цыдендамбаев, 1972, 487]. Китайское слово *фанза* 'шелковая ткань' перешло в халха-монгольский и в язык монголов Внутренней Монголии в форме *панс*, т.е. *ф* заменился согласным *n* в начале слова.

Замена анлаутного *ф* смычным *n* представляет собой обычное явление при фонетической адаптации иноязычных заимствований. Это свидетельствует о том, что употребление *n* в начале слова не было чуждым явлением для монгольских языков. К тому же наличие в монгольских языках звукоподражательных слов типа *нииг-нииг* 'щебетанье птиц', образных слов *нисхагар* 'обрюзгший', *нүсхэгэр* 'пышный', 'вздутый' и т.д. с начальным *n* тоже характеризует анлаутную функцию этого согласного в более ранний период развития монгольских языков. Дело в том, что образные и звукоподражательные слова относятся к наиболее древнему пласту лексики монгольских языков, и они сохранились во всех литературно-письменных монгольских языках, но не нашли одинакового отражения в лексикографических работах. Более полно они представлены в бурятском языке [Черемисов, 1973] и в специальных исследованиях [Шагдаров, 1962; Манжикова, 1976]. Этот пласт лексики хорошо сохранился в основном в народной речи, в диалектах.

Таким образом, в современных литературно-письменных монгольских языках согласный *n* встречается в анлауте слова только в двух случаях: 1) в начале образных и звукоподражательных слов; 2) в начале лексических заимствований из русского языка в бурятском и калмыцком; из русского и китайского языков в халха-монгольском и из китайского в языке монголов Внутренней Монголии.

Следовательно, согласные *л*, *р*, не употреблявшиеся в начале слова в монгольских языках, и согласный *n*, утративший эту возможность, активизировали анлаутную позицию благодаря массовому характеру лексических заимствований, проникших из иноструктурных языков.

Заимствования в монгольских языках прошли два этапа звуковой адаптации. Для раннего периода их проникновения в монгольские языки характерны: 1) наращение гласного элемента к словам с анлаутными *л*, *р*; 2) замена согласного *n* консонантом *б*. Для современного периода характерна нулевая адаптация, т.е. заимствования с согласными *л*, *р*, *n* употребляются без изменения.

Состав анлаутных согласных пополнился и другими звуками, отсутствующими в современных монгольских языках как самостоятельные фонемы. К их числу относятся: *в*, *ф*, *щ*, *к*, *ц*, *ч* в бурятском языке; *в*, *ф*, *щ* в калмыцком и языке монголов Внутренней Монголии; *ф*, *щ*, *к* в халха-монгольском.

Источником пополнения заимствований с подобными согласными в начале слова были и являются: 1) русский язык для бурятского, калмыцкого и монгольского; 2) китайский язык в основном для языка монголов Внутренней Монголии и частично для халха-монгольского. Эти лексические заимствования из иноструктурных языков также подверглись звуковой адаптации, но основным способом адаптирования служила замена указанных анлаутных согласных на близкие по месту образования, имеющиеся в монгольских языках. Например, согласный *ф* заменялся на *п*, *б*, согласный *в* – на *б*, *ц* – на *ш*, *к* – на *х* и т.д.

Итак, изменение в составе анлаутных согласных в литературно-письменных монгольских языках произошло главным образом через посредство лексических заимствований из иноструктурных языков и лишь частично путем восстановления утраченных анлаутных функций с помощью консонанта *п*, а также активизации этих функций в структуре слов, заимствованных из иносистемных языков.

Анлаутные согласные в бесписьменных языках

Бесписьменные островные монгольские языки китайского региона обнаруживают существенные изменения в разных звеньях фонетической системы. В них происходит интенсивное вытеснение исконных фонетических черт монгольских языков иноструктурными вкраплениями. Это можно показать на примере характера изменений дистрибуции звуков, в частности на изменении состава анлаутных согласных. В бесписьменных монгольских языках наблюдаются черты общности в характере изменения анлаутных согласных в монгольских словах. Прежде всего в каждом из них сохранились рефлексы древнемонгольского анлаутного **р*. Кроме того, в них изменяется состав анлаутных согласных в соответствии с началом слова в языке контактирующих с ними иноструктурных языков.

Сохранение в анлауте элементов древнемонгольского языка

Бесписьменные монгольские языки сохранили в анлауте некоторые согласные древнемонгольского языка.

Известно, что исторические смычные консонанты **q*, **k* развились в литературно-письменных монгольских языках и диалектах в щелевую фонему /*х*/, но в отдельных говорах и диалектах бурятского языка (см., например: [Бураев, 1959; Дарбеева, 1978; Дамдинов, 1968; Будаев, 1965]), а также в калмыцком языке [Биткеев, 1975; Павлов, 1968; Кичиков, 1967; Убушаев, 1974] сохранился заднеязычный сильный глухой согласный *к*.

В бесписьменных островных баоаньском, дунсянском и монгорском языках эти исторические **q* и **k* сохранились [Тодаева, 1961; 1964; 1973].

Для дунсянского языка характерно сохранение **q* в виде увулярного глухого придыхательного *к* и сохранение **k* в виде заднеязычного глу-

хого согласного *к*, например: СПМЯ *qara* ‘черный’ > дун. *kara*; СПМЯ *kei* ‘ветер’ > дун. *kэi* [Тодаева, 1961, 123–126]. В словах с анлаутными *к* и *к* дунсянского языка мало китаизмов, это – в основном общемонгольские слова, которые в других монгольских языках употребляются с анлаутным щелевым *х*, например: дун. *кун* – монг., бур., *хун*, калм. *кун* ‘человек’; дун. *кутого* – монг. *хутга*, бур. *хутага* ~ *хотига* ‘нож’ и т.д.

В монгорском языке среди слов с анлаутным *к* немало китаизмов и тибетизмов, например: монгор. *кан* ‘отапливаемая печка’, ‘лежанка’ – кит. *кань* в тех же значениях; монгор. *кўла* – ‘опираться’ – кит. *као* в том же значении; монгор. *кадогла* – ‘посредничать’ – тибет. *k'a-jugra* в том же значении; монгор. *камба* ‘ароматическое растение’ – тибет. *кам-ра* в том же значении. Как видно, китайские и тибетские слова с согласным *к* в начале слова заимствованы монгорским языком с сохранением этого согласного. Увулярный смычный *к* употребляется в диалекте минхэ монгорского языка, например:

СПМЯ	монгор.				
	монг.	бур.	д-т минхэ	д-т хуцзу	
<i>kara</i>	хар	хара	кара	хара	‘черный’
<i>qonin</i>	хонь (хонин)	хонин	кони	хони	‘овца’
<i>qura</i>	хур	хура	кура	хура	‘дождь’

Заднеязычный *к* употребляется в обоих диалектах монгорского языка, а также в баоанском. Примеры:

СПМЯ	монг.	дун.	баоан.	монгор.	
<i>ken</i>	хэн	кэн	кан	кен	‘кто?’
<i>kedüi</i>	хэдий	–	кэтоң	кідин	‘сколько?’

Исторические **q*, **k* сохранились также в виде смычного *q* и *k* в начале слова монгольского языка [Ligeti, 1954, 127–135; Iwamura, 1961, 84–90] и среднемонгольской речи [Поппе, 1938, 47–50].

Бесписьменные языки китайского региона сохранили в начале слова также некоторые элементы среднемонгольского языка в виде рефлексов среднемонгольского спиранта *h*, восходящего к древнемонгольскому **p*.

Исследователи отмечали, что для языка XIII–XIV вв., как для разговорного, так и для квадратной письменности, является характерным наличие спиранта *h* в начале многих слов, которые в старомонгольском письменном языке начинаются с гласного элемента [там же, 44–47].

В исследованиях по разговорной речи монголов XIII–XIV вв.: в анонимном Лейденском глоссарии 1245 г., в трудах Ибн-Муханны начала XIV в. и Рашид-эд-Дина-Джами ат-Теварих 1310–1311 гг., в словаре Мукаддимат ал-Адаб, в “Сокровенном сказании” содержится много материала, характеризующегося наличием спиранта *h* в начале слов, утративших этот согласный элемент в современных монгольских языках, кроме бесписьменных островных языков.

Н. Поппе, анализируя словарь Мукаддимат ал-Адаб, указывает, что

в нем спирант *h* встречается в начале огромного количества слов и в их числе имеются слова, прежде не засвидетельствованные с *h*, например: *heber* 'рога', *hūnegen* 'лиса' (см. P. Pelliot – *hūnegen*), *hūmekei* 'вонючий' (см. P. Pelliot – *hūmegei*), *hūdeši* 'вечером', *huilaba* 'плакал', *hanisba* 'моргал' (см. P. Pelliot – *hanisqa* 'ресницы'), *honu* 'года' (см. P. Pelliot – *hon* 'год'), *herbēkei* 'бабочка' (см. P. Pelliot – *herbegei* [Pelliot, 1925; Поппе, 1938, 45–46]. Наряду с подобными словами с анлаутным *h* Н. Поппе отмечает наличие в этом памятнике многочисленных слов с утратой *h* из числа таких, которые в других памятниках этого периода начинаются с *h*.

Вместе с тем зафиксирован ряд слов, встречающихся в двух фонетических вариантах – с *h* и без него, например: *hečebe* ~ *ečebe* 'устал' (Лейденский глоссарий – *hečebe*), *öndür* ~ *höndür* 'высокий', *ulan* ~ *hulān* 'красный', *ūnegen* 'лиса' (см. P. Pelliot – *hūnegen*), *ečekksen* ~ *hečekksen* 'перерезанный' (Лейденский глоссарий – *he* 'kebe' 'перерезал'). Подобные случаи фонетических вариантов одного и того же слова автор объяснял двояко: с одной стороны, как следствие диалектного различия, а с другой – как наличие разных форм языка. Формы с *h* представляют собой разговорные формы XIII–XIV вв., а формы без *h* частично принадлежат языку письменности того времени, хорошо представленной в словаре Мукаддима ал-Адаб [Поппе, 1938, 47].

В списке монгольских слов из глоссариев Ибн-Муханны тоже имеется много слов с начальным *h*, например: *hav* 'колдовство', *harban* 'десять', *haluγa* 'молот', *hoqaratba* 'был короток', *haryal* 'навоз', *hūsün* 'волосы' и т.д. [Поппе, 1938, 437–438].

Таким образом в разных памятниках XIII–XIV вв. сохранилась анлаутная позиция спиранта *h*, восходящего к древнемонгольскому **p* в начале слова [Ramstedt, 1916–1920, 10; Pelliot, 1925; Поппе, 1938].

Однако исследователями была отмечена частичная утрата этой позиции спирантом *h* еще в среднемонгольский период, но материалы бесписьменных языков свидетельствуют о сохранении этого фонетического явления в живой речи современных монголоязычных народов китайского региона.

А. Мостарт и А. Смедт зафиксировали наличие рефлекса среднемонгольского спиранта *h* в монгорском "диалекте" в виде фрикативных: *f* перед "округленными" гласными, *x* – перед гласными *a*, *e* и переход *h* > *s*, *h* > *š* [Mostaert, Smedt, 1930, 804–806].

Существенное дополнение в этом вопросе сделано Б.Х. Тодаевой, которая отметила развитие начального *h*, восходящего к древнемонгольскому анлаутному **p* не только в монгорском, но и в дунсянском, баоаньском, шира-югурском языках [Тодаева, 1973; 1961; 1964; Тодаева, Тенишев, 1966]. Ею составлена таблица, отражающая употребление начальных *φ*, *x*, *ш*, восходящих к среднемонгольскому спиранту *h*, в сопоставлении с современным монгольским языком, утратившим анлаутный *h*, как и другие монгольские языки. Приведем некоторые примеры из этой таблицы [Тодаева, 1973, 36–38]:

Начальный Ф

монгор.

совр. монг.		д-т хуцзу	д-т минхэ	дун.	баоан.	ш.-юг.
үхэр	'вол', 'бык'	фугуор	хукур	фүгүэр	—	—
одон	'звезда'	фбді	—	ходун	ходоң	ходоң
улаан	'красный'	фулан	хулаң	хулан	фэлаң	халан, лхан
үхэ-	'умирать'	фугу-	—	фугу-	һгүдэ-	—

Начальный Х

монгор.

совр. монг.		д-т хуцзу	д-т минхэ	дун.	баоан.	ш.-юг.
алга	'ладонь'	халға	харға	һаңға	халуэ	халаған
алтан	'золото'	халдан	артан	антан	антаң	—
арван	'десять'	харван	харбаң	һаруан	һарваң	—
элэг	'печень'	хелге	—	—	хэлгэ	һелеген

Начальный Ш

монгор.

совр. монг.		д-т хуцзу	д-т минхэ	дун.	баоан.	ш.-юг.
илүү	'лишний'	шіліү, хіліү	—	шіліү	шлу	һүлү
ехэ	'большой'	шге	хге	фүгүэ	һго	—
эртэ	'рано'	шде, рде	шде	эчїэ	этэ	—
ичих-	'стесняться'	шджїс-	шджїэ-	шыджэ-	шїчэ-	—

Начальные щелевые *ф*, *х*, *ш* монгорского языка, соответствующие среднемонгольскому спиранту *h*, подробно описаны Б.Х. Тодаевой [Тодаева, 1973, 35–39]. Автор отмечает, что на месте среднемонгольского *h* в анлауте некоторых слов в монгорском употребляются согласные *ф*, *х*, *ш* в диалекте хуцзу, а в диалекте минхэ – *х*, *ш*, но не встречается *ф*. Б.Х. Тодаевой даны таблицы употребления начальных *ф*, *х*, *ш* [там же, 36–38] в разных диалектах монгорского языка в сопоставлении с данными А. Мостарта и А. Смедта, а также Г.Н. Потанина по монгорскому "диалекту", с одной стороны, и с данными баоаньского и дунсянского языков – с другой. Автор указывает, что эта архаичная черта монгорского языка свидетельствует о его обособленном положении в кругу близкородственных языков, но не дает четкой картины самого хода фонетических процессов в истории монгольских языков бассейна Ганьсу–Цинхай. Действительно, это сложный вопрос во всех отношениях, ибо трудно сказать, почему среднемонгольский *h* дал разные рефлексy в этой группе островных бесписьменных монгольских языков. Отсутствие их в анлауте слов литературно-письменных языков объясняется тем, что этих согласных не было в письменном монгольском, хотя они имелись в живой разговорной речи среднемонгольского периода. Возможно, группа островных монгольских языков, будучи изолированной от основного массива монгольских

языков, сохранила свойства более древнего состояния, т.е. среднемонгольской живой разговорной речи. На вариации $h > \phi \sim x$, $h > ш$ в начале одних и тех же слов, возможно, оказали влияние контактирующие языки, но этот вопрос требует специального изучения.

Из этой группы начальных щелевых ϕ , x , $ш$ нас интересует анлаутный ϕ . Дело в том, что консонанты x , $ш$ являются самыми употребительными анлаутными согласными во всех монгольских языках, в то время как спирант ϕ не употребляется в анлауте общемонгольских слов.

Монгорский, дунсянский и баоаньский языки представляют собой исключения, ибо только в них сохранился анлаутный * ϕ в монгольских словах, тогда как во всех других монгольских языках этот консонант утрачен, например:

СПМЯ	монг.	бур.	калм.	монгор.	
odun	од(он)	одон	одн	фōдi	'звезда'
egür	үүр	үүргэй	үр	фөр	'гнездо'
ükер	үхэр	үхэр	үкр	фугуор	
'вол', 'бык'	'крупный рогатый скот'	'то же'	'корова'	'вол'	
ulayan	улаан	улаан	улан	фулāн	'красный'
unesü	үнс(эн)	үнэнэн	үмсн	фунисе	'пепел'

Наличие согласного ϕ в анлауте общемонгольских слов монгорского языка может объясняться сохранением свойств среднемонгольской речи XIII–XIV вв. вследствие длительной изоляции от монголоязычных народов. Сохранению этой архаичной черты, очевидно, способствовало и соседство с китайским языком, в котором ϕ употребляется в начале слова.

Материалы баоаньского языка показывают, что многие слова, встречавшиеся с анлаутным h в памятниках среднемонгольской речи XIII–XIV вв., употребляются в баоаньском языке не только с анлаутным спирантом h , но также с согласными x , $ш$, ϕ . Примеры:

СПМЯ	Мук.	ИМ	баоан.	
arban	harban	harban	харваң	'десять'
ayur	ha'ür	–	һор	'гнев'
odun	hodun	hodun	ходоң	'звезда'
on	hon	hon	хоң ~ һоң	'год'
ulayan	hulān	hulān	фэлаң	'красный'
uyuta	ūta	hūta	фуда	'мешок'
ilegü	hüle	–	шлү ~ хэлу	'излишек'
içi-	hiçi-	hiçi-	шičэ-	'стесняться'

Из этих четырех анлаутных согласных лишь консонант ϕ употребляется в начале только подобных слов, которые сохранили свойства среднемонгольской разговорной речи XIII–XIV вв.

В отличие от анлаутного ϕ спирант h встречается в начале таких слов, которые в современных письменно-литературных языках имеют заднеязычно-увулярный консонант x , например: баоан. *хамтэ* – монг., бур. *хамта* 'вместе'. Сохранение этой специфики среднемонгольской

разговорной речи, зафиксированной в памятниках XIII–XIV вв., наблюдается только в этой группе островных бесписьменных монгольских языков.

Слова дунсянского языка с анлаутным *ф* являются в основном обще-монгольскими словами, утратившими этот анлаутный согласный элемент в большинстве монгольских языков. Однако в среднемонгольской разговорной речи, зафиксированной арабскими исследователями, эти слова встречаются с анлаутным спирантом *h*, которому соответствуют в дунсянском языке согласные *ф*, *h*, изредка *х*, *ш*.

Примеры:

дун.	Мук.	монг.	бур.	калм.	
фурун	hurul	урал	урал	–	‘губа’
фуңиэгэ	hūnegēn	үнэг	үнэгэн	үнгн	‘лиса, лисица’
фушэсун	hūnesūn	үнс(эн)	үнэһэн	үмсн	‘зола’
фумугі	hūmekēi	өмхий	үнхэй	унртэ	‘вончий, тухлый’
фурэ	–	үр	үрэ	–	‘семена’
ходун	hodun	од(он)	одон	одн	‘звезда’
хон	hon	он	он	он	‘год’
хулаган	hulān	улаан	улаан	улан	‘красный’
һэчэ-	heče-	эцх	эсэхэ	эцх	‘устать’
шыджэ-	hiči-	ич-	эшхэ	ич-	‘стыдиться’
шылы	hül'eün	илүү	үлүү	үлү ~ үллһн	‘излишек’

Характерно, что в дунсянском языке *ф* употребляется в позиции лишь перед гласным *у*, хотя китаизмы не знают подобного ограничения, например: дун. *фа* – кит. *фа*, *ифа* ‘раз’; дун. *фэйджі* – кит. *фэйцзи* ‘самолет’.

Что же касается анлаутных *h*, *х*, *ш* в подобных словах, утерявших эти консонанты в других монгольских языках, то они могут употребляться перед *i*, *o*, *э*, *а*, например: дун. *һаңга* ‘ладонь’ – монг. *алга*; дун. *хани-* ‘смыкать глаза’ – монг. *ани-*; дун. *хуја-* ‘привязывать; завязывать’ – монг. *уя-*; дун. *шиніэдун* – монг. *инээд(эн)* ‘смех; насмешка’.

Субституция анлаутных согласных

В составе анлаутных согласных звуковой структуры слова в бесписьменных языках китайского региона произошли изменения в результате проникновения лексических заимствований и трансформации монгольских слов с заменой анлаутных согласных. В анлауте слов монгорского языка употребляются согласные: *в*, *ф*, *к*, *л*, *п*, *р*, *ң*; в баоаньском: *в*, *ф*, *к*, *л*, *п*, *р*, *ң*, *һ*; в дунсянском: *в*, *ф*, *к*, *л*, *п*, *һ*.

Иноязычные слова заимствованы с сохранением анлаутных согласных, и потому в составе последних оказались консонанты, несвойственные для начала монгольских слов. Приведем некоторые примеры из словарной части трудов Б.Х. Тодаевой [Тодаева, 1973; 1961; 1964]. Согласный *в* употребляется в анлауте китаизмов: 1) монгорского: *ваң* – кит. *ван* ‘принц’, ‘князь’; *ва* – кит. *ва* ‘черепица’; 2) баоаньского: *вагэ* –

кит. *ва* 'копать; 3) дунсянского: *вазы* – кит. *вацзы* 'чулки', *вунхуа* – кит. *вэньхуа* 'культура' и т.д.

В монгорском языке согласный *л* употребляется в анлауте китаизмов: монгор. *ли* – кит. *ле* 'грива'; монгор. *лудзе* – кит. *лу-цзы* 'печка'; в анлауте тибетизмов: монгор. *лицга* – тибет. *las-ka* 'дело', 'работа'; монгор. *лоф* – тибет. *lugs* 'способ, манера, прием'. В дунсянском языке консонант *л* употребляется в начале китаизмов: дун. *лауса* – кит. *лоцзы* 'мул'; дун. *лаушы* – кит. *лаоши* 'учитель'. В баоаньском: *лузэ* – кит. *лу-цзы* 'печка'.

Согласный *п* употребляется: 1) в монгор. *пүдзэ* – кит. *пу-ца* 'лавка'; 2) в баоаньском: *пагэ-* – кит. *па* 'ползать', 3) в дунсянском: *папала-* – кит. *па* 'ползать'.

Согласный *ң* употребляется в монгорском в анлауте трансформированных общемонгольских слов, а в баоаньском – в начале тибетизмов: *ңгамоң* 'верблюду', *ңгар* 'храм' и т.д. В дунсянском языке этот согласный не употребляется в начале слова.

Перечисленные выше консонанты встречаются не только в начале иноязычных заимствований. Основную массу слов с указанными согласными составляют трансформированные монгольские слова с изменением начального слога слова. При этом используются разные приемы изменения начала монгольских слов:

1. Опущение начального слога слова. В монгорском и баоаньском выпадают гласные начала слова, так как в этих языках ударение падает не на первый слог, как в языках литературно-письменных, а на последний слог. Очевидно, не является случайностью, что в монгорском языке в анлауте слова не употребляется гласный *э*, и поэтому он выпадает в начале общемонгольских слов. Примеры:

СПМЯ	монг.	бур.	монгор.	
ebür	эвэр	үбэр	вер ~ үер	'рога', 'пазуха'
ebesün	эвс(өн)	үбэһэн	весе (jесе)	'трава', 'сено'
ebüdüg	эвдөг	үбдэг	ведег	'колено'

Опущение анлаутного слога сопровождается также изменением всего корпуса слова. Примеры:

СПМЯ	монг.	бур.	монгор.	
engger	энгэр	энгэр	ңгэ	'борта одежды'
ongen	өнгө	үнге	ңуо	'цвет', 'окраска'
ögen	өргөн	үргэн	ргуен	'широкий'
uyila	уйлах	уйлаха	ла-	'плакать'
ilya	ялгах	илгаха	лаға-	'отбирать, выбирать'
ülü	үл	үлэ	лї	'не'

Также меняется звуковой облик и в баоаньском языке:

СПМЯ	монг.	бур.	баоан.	
ebür	эвэр	үбэр	вэр	'рога'
uyila	уйлах	уйлаха	ла-	'плакать'
ula	ул	ула	ла	'подошва'
araki	араки	архи	рачэ	'вино'

2. Нарращение согласного *в* к общемонгольским словам с гласным началом встречается в монгорском:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	монгор.	
ildii	илд	элдэ	велдэ	'меч'

и дунсянском:

СПМЯ	х.-монг.	бур.	дун.	
ugiya	угаах	угааха	ваја-	'мыть; стирать'
egüden	үүд(эн)	үүдэн	віджіэн	'дверь; ворота'
učir-	учир-	ушар-	вочыра-	'встречать', 'случаться'

В монгорском языке наблюдается наращение заднеязычно-увулярного носового *ң* с метатезой гласного *у* в слове: СПМЯ *ugiya-* > монгор. *ңуу* 'мыть; стирать'. Монгольские слова, имеющие в первом слоге сочетание гласного с консонантом *ң*, подвергаются изменению в монгорском языке. Гласный элемент слога опускается, и в анлауте остается заднеязычно-увулярный носовой *ң*, несвойственный монгольским языкам. Этот консонант имеется во всех монгольских языках, но употребляется только в середине слова перед согласными *г, к, х* и в ауслауте. В начале слова *ң* не встречается. Исключение в этом плане представляют монгорский и баоанский языки, в которых заднеязычно-увулярный *ң* встречается в анлауте под влиянием тибетского языка. Тибетологи отмечают, что в тибетском языке велярный носовой *ң* употребляется в начале слова [Рерих, 1961₂, 50].

Сам факт звукового изменения общемонгольских слов в монгорском языке по типу тибетских слов с консонантом *ң* в анлауте свидетельствует о том, что монголы хорошо владеют тибетским языком.

3. Замена анлаутного согласного общемонгольских слов согласными, близкими по месту образования, занимает центральное место в процессе изменения состава анлаутных согласных. Субституция анлаутного смычного *б* щелевым *в* наблюдается в монгорском, баоанском, дунсянском языках:

СПМЯ	х.-монг.	монгор.	дун.	баоан.	
bari-	бари-	варі-	барі-	вар-	'держать'
bayi-	байх	вё-	вэй-	ві-	'есть, имеется'
bol-	болох	болі- (блі-)	волу- (полу-)	-	'быть', 'становиться'

Анлаутный *б* чаще заменяется смычным сильным *п*, а также переднеязычный носовой *н* в анлауте слова заменяется согласным *л*:

СПМЯ	х.-монг.	монгор.	дун.	баоан.	
navčın	навч(ин)	лавчі	лачын	лабчоң	'лист; листва'
noyту	ногт	ноғдб (лоғдб)	лото	лохтэ	'недоуздок', 'уздечка'
berke	бэрх	перге	-	-	'трудный'
bičig	бичиг	пуджіг	пчы- 'писать'	пэджэг	'письмо'
batu	бат	паду	-	батэ	'крепкий, прочный'

Таким образом, состав анлаутных согласных в звуковой структуре монгольских слов в бесписьменных монгольских языках изменяется в соответствии с фонетикой языка окружения.

Много общего между указанными бесписьменными языками прослеживается в тенденциях развития их звукового строя. Фонетический облик слов, включая китаизмы и тибетизмы, свидетельствует о перестройке исконной фонетической нормы в соответствии со звуковым строем китайского и тибетского языков. Характер подобных изменений свидетельствует о двуязычии носителей этих островных монгольских языков. Двуязычие охватило, очевидно, значительные слои монголоязычного населения. Контактный тип двуязычия создал благоприятные условия для освоения всех уровней языка окружения билингвами.

Стремление трансформировать звуковую структуру слов родного языка в соответствии с фонетическим обликом слов второго языка характеризует далеко продвинутый этап двуязычия, способствующий перестройке звуковой системы родного языка, особенно при отсутствии литературно-письменной формы родного языка в ситуациях постоянного массового двуязычия. Вследствие этого в анлауте появляются такие согласные, которые не свойственны монгольским языкам. Ярким примером нарушения фонетической нормы в употреблении звуков в анлауте монгольских языков служит функция заднеязычно-увулярного *ʒ* в монгорском и баоанском языках.

Появление в начале монгольских слов согласных *в, ф, п, л, р* в указанной группе бесписьменных островных монгольских языков тоже обусловлено влиянием иноструктурных языков. Употреблению этих согласных в анлауте монгольских слов сопутствует трансформация их звуковой структуры.

Особой частотностью отличается субституция начального смычного слабого *б* щелевым *в*, а также смычным сильным *п*:

СПМЯ	х.-монг.	монгор.	дун.	баоан.	
bari-	барих	барі- ~ вари-	барі-	вар-	'держатъ'
bayi-	бий-, бай-	вѣ-	бі- ~ вѣі	ві-	'есть, имееся', 'находится'
beri	бэр	вері ~ бері	бэрі	вэрэ	'невестка'
bol-	болох	болі-	волу- ~ полу-	–	'быть', 'становиться'
ebür	өвөр	вер ~ уер	эвэ	вэр	'пазуха'
ebüsün	өвсөн	весе ~ жесе	осун	вэсоң	'трава', 'сено'
ebed-	өвдөх	виді- ~ жіді-	оту-	вэтэ-	'болеть'
batu	бат	паду	–	батэ	'крепкий, прочный'
berke	бэрх	перге	–	–	'трудный, 'затруднительный'
büküli	бүхэл	пуглі	–	–	'целый, весь'
bičiq	бичиг	пуджіг	пчы- 'писать'	пэджэг	'письмо'
bütun	бүтэн	–	путусэн	путоң	'целый'

В приведенных примерах характер изменения звуковой структуры монгольских слов с заменой анлаутного **h* щелевым *в* и смычным сильным *п* показывает развитие исторического **h* в новых языковых ситуа-

диях. Здесь следует остановиться на суждении И.Д. Бураева относительно консонанта *p* в монгорском, который пишет: «Традиционная алтаистика, а также монголоведение предполагали, что монгорский *p* является остатком древнемонгольского или даже общеалтайского инициального **p*. Монгольский языковед Ш. Лувсанвандан по этому поводу высказал оригинальную, отличную от установившейся в алтаистике, точку зрения. Он сравнивает появление в монгорском языке начального согласного *p* с наличием в современном халхаском глухого *v*: "аналогично тому, как в халхаском перед краткими гласными *v* произносится глухо, в монгорском согласный *v* становится еще более глухим и сильным *p*"» [Бураев, 1987, 41] (ссылка на работу Лувсанвандана 1975 г., с. 5). Безусловно оригинальна позиция проф. Ш. Лувсанвандана. Однако здесь следует учитывать также конкретные условия функционирования бесписьменных монгольских языков, звуковая система которых развивалась под сильнейшим влиянием китайского и тибетского языков. В частности, появление в начале слова заднеязычно-увулярного *ɣ* в монгорском и баоанском, являющееся аномальным явлением для монгольских языков, но вполне закономерным для этих языков, обусловлено влиянием тибетского.

В дунсянском языке заднеязычно-увулярный *ɣ* не встречается в анлауте слова, так как этот язык испытал значительное влияние китайского языка. В баоанском же, так же как и в монгорском, есть заимствования из тибетского языка с анлаутным *ɣ* типа *ɣ̣ʁar* 'храм', *ɣ̣ʁamon* 'верблюды' и т.д.

СПМЯ	х.-монг.	монгор.	дун.	баоан.	
örgeṅ	өрген	ргуэн	–	–	'широкий'
ogül ~ ebül	өвөл	ргул	увун	үгөң	'зима'
eqüden	үүд(эн)	рдие	виджэн	ндаң	'дверь'
eljiqe	илжиг	рджиге	–	–	'осел'
ire-	ирэ-	ре-	ирэ-	рэ-	'прийти'
ariki	архи(н)	–	–	рачэ	'водка, вино'

Согласный *p* не употребляется в начале слова в дунсянском языке и обычно встречается в середине слова. Поэтому ауслатный *p* монгольских слов опускается, например: СПМЯ *öndür* 'высота' > дун. *унду*; СПМЯ *nökür* 'друг, товарищ' > дун. *нокэ*.

Употребление *f* в анлауте монгольских слов монгорского, дунсянского, баоанского языков отражает следы среднемонгольской речи, т.е. архаические черты, которые утрачены литературно-письменными языками, например:

Мук.	х.-монг.	монгор.	дун.	баоан.	
hon	он	фен	хон	хоң	'год'
hodun	од(он)	фоді	ходун	ходоң	'звезда'
hulān	улаан	фулан	хулан	фэлаң	'красный'
hüneqen	үнэгэн	фунигэ	фунізгэ	–	'лиса'
hünesün	үнс(эн)	фунисэ	фунізсун	–	'пепел'
huta	уут	фуда	фуда	фуда	'менлок'
hurtu	урт	фудур	фуду	фду	'длинный'

В дунсянском языке есть китаизмы с анлаутным *ф*, например: дун. *футу* 'удобно' – кит. *фу*; дун. *фэйджи* 'самолет' – кит. *фэйцзи*. Как видно, анлаутный *ф* китайских слов сохранил свое звучание в заимствующем дунсянском языке. Между тем китайские слова с начальным *ф*, как правило, трансформировались при заимствовании их литературно-письменными монгольскими языками, например: монг. *паалан* 'эмаль' – кит. *фа-лан*; монг. *пунлуу* 'жалованье', 'пенсия' – кит. *фэн-лу*, *фын-лу* [Цыдендамбаев, 1972, 489–490]. Замена *ф* смычным *п* в китаизмах в группе литературно-письменных языков обусловлена влиянием заимствующих языков, в которых консонант *ф* не употреблялся в начале слова. В рассматриваемой группе бесписьменных островных языков не наблюдается замена анлаутного *ф* в китаизмах, ибо для них характерна трансформация звуковой структуры исконных монгольских слов в соответствии с звуковой организацией слов языка окружения.

Именно этим обстоятельством объясняется вторжение в функциональную сферу анлаутных согласных монгольских слов в бесписьменных островных монгольских языках таких консонантов, как *в*, *ф*, *л*, *р*, *п*, *ң*, которые не употребляются в начале исконно монгольских слов в литературно-письменных монгольских языках.

В бесписьменных островных монгольских языках происходит изменение в составе анлаутных согласных не только в китаизмах и тибетизмах, но также и в звуковом облике общемонгольских слов. Это указывает на изменение фонетической системы в данной группе монгольских языков, начиная с введения в состав анлаутных согласных таких консонантов, которые не употребляются в начале общемонгольских слов в литературно-письменных языках.

Таким образом, в этой группе островных бесписьменных монгольских языков наблюдаются конвергентные явления, характеризующиеся определенными сдвигами в фонетической системе в сторону сближения со звуковой системой языка окружения, в частности в дистрибуции звуков.

Показательным является процесс трансформации звуковой структуры монгольских слов в этой группе монгольских языков. Характер изменения состава анлаутных согласных в структуре общемонгольских слов свидетельствует о двух явлениях: с одной стороны, здесь имеет место отход от исконных свойств фонетической системы монгольских языков, а с другой – наблюдается тенденция к уподоблению состава анлаутных согласных с анлаутными согласными тех языков, с которыми рассматриваемые языки контактируют в течение последних семи-восьми веков, т.е. с тибетским и китайским.

Причины и процесс изменения звуковой структуры монгольских слов в принципе сходны в этих языках (за небольшим исключением), например замена смычного слабого *б* согласными *в* и *п*. Замена носового *н* плавно-боковым *л* наблюдается как в монгорском, так и в дунсянском и баоаньском языках.

Опущение гласного элемента в начале слова свойственно монгор-

скому и баоаньскому языкам. Причину этого явления исследователи объясняют ослаблением гласных начального неударного слога, ибо в данных языках ударение падает на последний слог в отличие от других монгольских языков с ударением на первом слоге слова [Тодаева, 1973, 17–19; 1964, 8]. Особенно регулярное выпадение анлаутного гласного отмечается в позиции перед согласными *л, м, н, ң, р, д, п, с*. Поэтому в начале монгольских слов оказываются согласные *л, ң, р*, не употребляющиеся в анлауте исконных слов в других монгольских языках. Гласный *е (э)* выпадает перед любым консонантом в связи с тем, что в монгорском языке этот гласный не употребляется в анлауте слова. Возможно, перемена места ударения в монгорском и баоаньском языках произошла под влиянием тибетского языка, в котором силовое ударение падает либо на последний слог, либо на предпоследний, но не на первый [Рерих, 1961₁, 54–55].

В дунсянском языке не наблюдается опущения анлаутного гласного элемента и нет редукции гласного первого слога, ибо ударение в нем силовое (экспираторное) и падает оно на первый слог слова. Б.Х. Тодаева отмечает отсутствие редукции гласных также и в непервых слогах слова. Это обстоятельство способствовало тому, что опущение анлаутного гласного неизвестно в дунсянском. Кроме того, дунсянский язык отличается от монгорского и баоаньского языков еще и тем, что в анлауте слова не употребляются согласные *ң, р*. Возможно, это явление объясняется тем, что дунсянский язык подвергся большему влиянию китайского языка, отличаясь "изобилием чуждых элементов, примесью китайского" [Потанин, 1893, т. 1, 346–347], в котором эти согласные не встречаются в анлауте слова.

Наблюдается также и наращение консонанта к словам с гласным анлаутом. В дунсянском языке обычно наращивается согласный *в*, например: дун. *вага-* 'стирать; мыть' < СПМЯ *ugiya-*, х.-монг. *угаа-*; дун. *віджіэн* 'дверь; ворота' < СПМЯ *egüden*, х.-монг. *үүд(эн)*; дун. *вочыра-* 'встречать', 'случаться' < СПМЯ *učira-*, х.-монг. *учир-*. Все остальные слова с анлаутным *в* в дунсянском языке являются китаизмами.

Присоединение консонанта к началу монгорских слов происходит несколько иначе, чем в дунсянском языке. Здесь специфичным является не столько наращение согласного к гласному началу слова, сколько присоединение консонантов *ң, р* в результате опущения гласного начала, например: СПМЯ *ögül* 'зима' > монгор. *ргул*; СПМЯ *egüden* 'дверь' > монгор. *рдіе ~ удіе*; СПМЯ *eljige* 'осел' > монгор. *рджіге ~ джіге*. Подобное строение слова характерно для тибетского языка, влияние которого, очевидно, отразилось на звуковой организации слов монгорского языка.

Итак, кратко резюмируя сказанное об изменении в составе анлаутных согласных в звуковой структуре слов современных монгольских языков, следует выделить два момента: причинную обусловленность этих изменений и глубину проникновения их в фонетическую систему монгольских языков. Причина инноваций в составе анлаутных согласных в звуковой структуре слова является единой для всех монгольских

языков: влияние иноструктурных языков через посредство лексических заимствований. Однако сфера действия этих инноваций, т.е. глубина их проникновения, разная в двух группах монгольских языков. В литературно-письменных языках, т.е. в бурятском, халха-монгольском, калмыцком, согласные *в, ф, л, р, н, щ* встречаются только в анлауте лексических заимствований, проникших из русского языка или через его посредство. В языке монголов Внутренней Монголии употребляются согласные *в, л, н* в начале китаизмов и не встречаются консонанты *р, ф* в анлауте слова. В бесписьменных островных языках, т.е. в монгорском, баоаньском и дунсянском, изменение состава анлаутных согласных наблюдается не только в китаизмах и тибетизмах, но также и в общемонгольских словах, подвергшихся звуковой трансформации под влиянием языка окружения, т.е. китайского и тибетского. Следовательно, в этой группе монгольских языков замечена перестройка исконных черт фонетики родного языка в соответствии со звуковой организацией структуры слова языка окружения.

СТЕЧЕНИЕ СОГЛАСНЫХ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Сочетаемость согласных специально не изучалась в монголистике; исследователи обычно отмечали только отдельные факты сочетаемости согласных, их позиционного употребления с учетом возможности и невозможности стечения согласных в разных позициях слова. Мы также не ставим цели всестороннего рассмотрения данной проблемы, ибо это – предмет специального исследования. В данном разделе речь идет лишь об изменении консонантного начала слова, проявляющегося в употреблении рядом двух согласных, с обобщением этого явления в двух группах монгольских языков.

Стечение согласных в письменных языках

Известно, что звуковая структура старописьменного монгольского языка не знала употребления рядом двух и более согласных в анлауте и ауслауте слова. Лишь в середине слова могут встретиться два согласных на стыке двух слогов, если предшествующий слог оканчивается на согласный, а последующий слог начинается с согласного, например: СПМЯ *arban* ‘десять’, *erte* ‘рано’, *haysa* ‘учитель’. Двухсложные, трехсложные слова, существовавшие в праязыке, постепенно подверглись изменению. Из некогда трехсложных слов типа *malayai* ‘шапка’ образовалось двухсложное *malgai*. В современных монгольских языках слово *malgai* употребляется без краткого гласного *a* после согласного *л*. В аналогичных случаях произошла перестройка слоговой структуры слова со стечением двух согласных в середине слова, например: СПМЯ *ničiyün* ‘голый’ > х.-монг. *нүцгэн*, бур. *нүсэген*, калм. *нүцкн*. Как видно, трехсложное слово старописьменного монгольского языка сохранило количество слогов лишь в бурятском после перелома гласного **i*.

Характерная для калмыцкого и монгольского языков редукция гласного непервых слогов трансформировала исконно трехсложное слово, в результате чего появилось стечение двух согласных в середине слова в халха-монгольском и трех согласных — в калмыцком.

Образование долгих гласных из древнемонгольских долготных комплексов ГСГ, а также процесс редукции кратких гласных непервых слогов в многосложных словах существенно преобразили исходную звуковую структуру монгольских слов. Эти общемонгольские процессы привели к разным результатам в письменных языках при сохранении отдельных общемонгольских черт. К числу последних следует отнести невозможность употребления рядом двух согласных в начале слова. Б.Я. Владимирцов указывал, что в халха-монгольском "наречии" два согласных никогда не могут стоять ни в начале слова, ни в конце его, за исключением ономатопоэтик и слов заимствованных [Владимирцов, 1929, 178—189]. Однако и это положение, зафиксированное Б.Я. Владимирцовым в начале XX в., несколько изменилось в 80-х годах. Анализ материала письменных языков показал, что в изменении сочетаемости согласных решающую роль сыграла редукция гласных, которая в разной степени охватила эту основную группу монгольских языков. Лишь бурятский язык (особенно его литературная форма) более последовательно сохранил исконную сочетаемость согласных только в середине слова на стыке разных слогов. Исследователи отмечают, что в бурятском языке только в середине слова встречается сочетание согласных, которые при слогоделении обязательно распределяются по разным слогам. Историческое развитие бурятского языка сложилось так, что в нем полностью исключается сочетание согласных в начале или конце слова [Бураев, 1959, 181—189].

Сочетание двух согласных в начале слова также не встречается в калмыцком и монгольском языках, которые имеют свою специфику в структуре слога в связи с разным характером редукции кратких гласных в непервых слогах.

В калмыцком редукция гласных наиболее ярко выражена; она оказала сильнейшее влияние на современную орфографию, допускающую стечение согласных (от 2 до 11 в слове), например: *бурлт* 'болтовня, пустословие', *герлтх* 'светиться; сиять; озариться', *зерлгшх* 'дичать, становиться диким' и т.д. Калмыковеды отмечают, что необозначение на письме редуцированных гласных зачастую влечет за собой скопление в слове большого количества согласных и что для современного калмыцкого языка перестало быть характерным то общее положение, когда слог образовывался сочетанием согласного и гласного. Теперь слог может состоять из сочетания гласного и нескольких согласных [Павлов, 1963, 181—182]. Вместе с тем вопрос об орфографии в калмыцком языке остается открытым и спорным. Исследование природы редуцированных гласных позволило установить, что неясные гласные калмыцкого языка являются самостоятельными фонемами, противопоставленными кратким и долгим гласным своей очень слабой напряженностью [Биткеев, 1975, 126—142]. Эти исторически краткие гласные непервых слогов в процессе своего развития редуцировались коли-

чественно и изменились качественно, но в живой речи они воспроизводятся носителями калмыцкого языка. Экспериментальное изучение и фонетический анализ неясных гласных калмыцкого языка выявили наличие самостоятельных фонем. Следовательно, они должны быть обозначены на письме, так как современная орфография обнаруживает существенное расхождение между артикуляцией слов и их графическим изображением.

Редукция кратких гласных непервых слогов трансформировала также звуковую структуру слов халха-монгольского языка, в котором произошло не только падение конечного *н* основы, но вообще полная редукция и отпадение всего последнего слога, например: СПМЯ *narap* 'солнце' > х.-монг. *нар*; СПМЯ *yasun* 'кость' > х.-монг. *яс* [Рассадин, 1982, 162–164]. В халха-монгольском языке, так же как и в языке монголов Внутренней Монголии, наблюдается сочетание двух согласных на конце слова, например: *тоонч* 'мастер по изготовлению круга верхнего отверстия юрты', *тэнд* 'там', *угзралт* 'рывок' и т.д.

Таким образом, ослабление артикуляции кратких гласных непервых слогов по-разному отразилось на звуковой структуре слов бурятского, калмыцкого и монгольского языков. При этом начало слова остается общим в этих языках в связи с тем, что в них ударение сохраняется на первом слоге и поэтому исключает сочетание двух согласных в исконных словах. Однако и это свойство фонетики монгольских языков оказалось нарушенным вследствие проникновения в них лексических заимствований из русского языка или через его посредство.

В ранних лексических заимствованиях наблюдается их полная звуковая трансформация, т.е. они целиком подчинялись звуковой норме монгольских языков. В частности, в словах, имевших сочетание двух согласных в начале слова, либо усекался один из согласных компонентов, либо наращивался гласный элемент. Это явление было отмечено еще Б.Я. Владимирцовым, который писал, что при заимствовании иноязычные слова перестраиваются по законам халхаского слога: либо отпадают согласные, либо появляются эпентетические гласные, например: халх. *eswip* – рус. *спирт*, зап.-халх. *дарашиник* – рус. *стражник* [Владимирцов, 1929, 417–418]. Здесь приведены типичные модели звуковой адаптации русизмов в монгольском языке. Заимствования типа *парнцс* 'француз', *патыр* 'квартира' в калмыцком и *парансуус* 'француз', *пат'ээрэ* ~ *кабартшир* 'квартира', *пашнииса* ~ *пэшниисэ* 'пшеница' в бурятском, давно вошедшие в эти языки, зафиксированы в современных словарях вместе с фонетическими вариантами, например: *парнцс* ~ *француз*, *патыр* ~ *квартира* в калмыцком, *парансуус* ~ *француз*, *пат'ээрэ* ~ *квартира* в бурятском. Неадаптированные варианты заимствований относятся к современному периоду в условиях массового калмыцко-русского двуязычия среди калмыков и бурятско-русского – среди бурят. Это означает, что практически среди бурят функционируют и адаптированные, и неадаптированные формы заимствований, дифференцируясь по разным социальным слоям в зависимости от степени владения русским языком билингвами. В

литературных формах бурятского и калмыцкого языков употребляются неадаптированные лексические заимствования, среди которых имеются слова со стечением согласных в начале слова типа *трактор*, *трамвай* и т.д.

В современном монгольском языке также встречаются неадаптированные заимствования типа *квас*, *классик*, *прокурор*, *практик*, *спорт*, *стрихнин* и т.д., т.е. слова с сочетанием двух-трех согласных в анлауте. Однако подобных заимствований в монгольском языке значительно меньше по сравнению с бурятским и калмыцким. Кроме того, такие заимствования имеют ограниченные сферы употребления в связи с отсутствием массового монголо-русского двуязычия среди монголов. И потому в монгольской языковой среде бытуют прежде всего адаптированные формы русизмов, интернационализмов и советизмов, а их неадаптированные варианты, зафиксированные в словарях [Лувсандэндэв, 1957], не имеют широкого распространения.

В языке монголов Внутренней Монголии отсутствуют русские заимствования, но имеются китаизмы типа *пиу* 'билет', *байцай* 'капуста', *гуа* 'дыня' и т.д.

В бурятском, калмыцком, монгольском можно видеть следующее:

- 1) литературно-письменные монгольские языки сохранили исконное начало монгольских слов: им в принципе не свойственно сочетание двух и более согласных в анлауте слова. Эта фонетическая норма звукового облика монгольских слов в целом остается без изменения;
- 2) нарушение этой нормы наблюдается только в лексических заимствованиях современного периода, преимущественно в бурятском и калмыцком под влиянием русского языка, который стал вторым родным языком для бурят и калмыков. Это нарушение не коснулось звуковой структуры исконных слов благодаря наличию кодифицированной формы литературно-письменного языка.

Стечение согласных в бесписьменных языках

В бесписьменных языках звуковая структура слова полностью перестраивается в соответствии с фонетической организацией слов языка окружения. Каждый из них обладает своей спецификой.

Стечение согласных в анлауте слов монгорского языка

Для монгорского языка свойственно стечение двух и более согласных в начале слова. Это является нарушением фонетической закономерности в звуковой структуре монгольских языков, не допускающих стечения двух разных согласных в начале слова. Происхождение данного явления связано с влиянием тибетского языка, для которого характерно сочетание нескольких согласных в начале слова. Существующее различие в этом явлении между монгольскими языками и тибетским особенно четко отражено в лексических заимствованиях. Известно, что тибетско-монгольские контакты продолжались на

протяжении нескольких веков, поэтому наблюдалось проникновение не только тибетизмов в монгольские языки [Жамбалсурэн, 1961; Цыдендамбаев, 1972, 496–513], но и монголизмов в тибетский язык [Рерих, 1961₁, 271–286]. Тибетизмы, проникая в монгольские языки, обычно подвергались звуковой адаптации в соответствии с фонетической нормой последних. И поэтому тибетские слова, имевшие стечение нескольких согласных в начале слова, утрачивали первый из них, например: тибетское слово *nam-tar* ‘жизнеописание, биография’ заимствовано монгольскими языками в форме *namtar*, т.е. с усечением анлаутного *p*; тибет. *bla-ma* ‘буддийский монах’ заимствовано монгольскими языками в звуковом облике *лама* в том же значении; тибет. *gling-bu* ‘флейта’, ‘лимба’ заимствовано в адаптированной форме *лимбэ* [Жамбалсурэн, 1961, 16], т.е. с опущением начального элемента *g*. Так же адаптировались личные имена из тибетского языка, т.е. с опущением первого компонента из сочетания двух согласных в начале слова [Цыдендамбаев, 1972, 506].

Бурятские личные имена тибетского происхождения типа *Лхасаран*, *Лхамажаб* имели такое написание только в официальных документах, но практически бытовали лишь в звуковом облике *Хасаран*, *Хамажаб*, поскольку сочетание двух согласных в начале слова чуждо фонетике бурятского языка. Правда, в тибетском языке, в графической системе которого были простые и сложные графемы, графическое обозначение слова отличается от его артикуляционного воспроизведения. Сложные графемы, кроме корневого согласного элемента, имеют еще надписные и подписные согласные (например, *sgra* состоит из *s + g + r + a*, где *g* является корневым, а *s* и *r* – надписными и подписными знаками) [Рерих, 1961₂, 38–45]. Судя по письменным формам в тибетском языке, стечения согласных в начале слова относятся к закономерным явлениям его фонетического строя. Ю.Н. Рерих писал, что в древне-тибетском языке надписные и подписные буквы имели, по-видимому, слоговое значение и произносились, ибо в некоторых архаических наречиях, например в наречии балти, сохранилось их произношение. Так, письм. тибет. *rtswa* произносится как *рува* ‘трава’. Надписные со временем превратились в проточные, которые исчезли из современного произношения, например: письм. тибет. *dgra-dmag* в голокском наречии произносится как *граутау* ‘дружина, отряд’ [там же, 39]. Очевидно, эта специфика тибетского языка отразилась на монгорском языке.

Исследователи отмечают, что сочетания начальных согласных в монгорском языке развились под влиянием тех тибетских диалектов, в которых сохранились старые тибетские префиксы [Rona-Tas, 1960, 263–267]. Ю.Н. Рерих указывал, что в современном тибетском разговорном языке префиксы не произносятся, но в некоторых архаических наречиях северо-востока Тибетского нагорья сохранилось произношение и неударенного первого слога [Рерих, 1961₂, 42]. Б.Х. Тодаева также не отрицает влияния тибетского языка на монгорский в этом отношении. Ею отмечена допустимость сочетания в начале

слова лишь сонорных и щелевых *с* и *ш* со смычными звонкими и аффрикатами, т.е. сочетания *нд, ндж, нг, нз, рг, рз, рд, рдж, рм, сб, сг, сд, сдз, см, шг, шз, шд, шдз, шдж*. Такие стечения согласных с определенным составом первого компонента рассматриваются автором как существование в монгорском языке выработанной нормы сочетаний начальных согласных [Тодаева, 1973, 39].

Это явление, возникшее в монгорском под несомненным влиянием тибетского языка, представляет собой новый факт в фонетике монгольских языков. Анализ фактического материала, т.е. изучение способов образования этих стечений согласных в анлауте слова, обнаруживает, что этот процесс продолжается: происходит утрата монгорским языком исконных черт фонетики монгольских языков и приобретение им элементов иноструктурного тибетского языка. При этом наблюдается:

а) выпадение гласного элемента в анлауте слова:

СПМЯ	монг.	бур.	калм.	монгор.	
undan	унд	ундан	ундн	ндасбу	'питье, напиток'
ende	энд	эндэ	энд	ндё	'здесь, тут'
öndügen	өндөг	үндэгэн	өндгн	ндиге	'яйцо'
öndür	өндөр	үндэр	өндр	ндур	'высокий'
erdem	эрдэм	эрдэм	эрдм	рдем	'наука', 'ловкость', 'образованье, наука', 'специалист', 'мастерство', 'умение, талант, искусство';

б) выпадение гласного первого слога в позиции между согласными:

СПМЯ	монг.	бур.	калм.	монгор.	
sedkil	сэтгэл	сэдхэл	санан	сгил	'мысль', 'дума'
saqal	сахал	хахал	сахал	сҫал	'борода'
sitaya	шатах	шатаха	шатх	сда- (шда)	'зажигать, разжигать'
šida-	чагах	шадаха	чадх	сда- ~ шда-	'мочь, быть в состоянии'
šidün	шуд	шүдэн	шудн	шді	'зуб'
šiyai	шагай	шагай	шагээ	шгё	'нога от колена до ступни, голень';

в) выпадение анлаутного гласного и гласного следующего слога в позиции между согласными, например: СПМЯ *isegei* 'войлок' > монгор. *шгё* (*сгё*), монг. *эсгий*, бур. *эһэгы* ~ *һэы*, калм. *шкё*.

Сам процесс выпадения гласных первых слогов связан с местом ударения в монгорском языке, в котором ударение падает на последний слог слова, поэтому наблюдается редукция гласных первых слогов в отличие от других монгольских языков с ударением на первом слоге и с редукцией гласных непервых слогов. Между тем известно, что тибетскому языку свойственна такая же локализация ударения, как и монгорскому, т.е. ударение падает обычно на последний слог, иногда на предпоследний [Рерих, 1961₂];

г) субституция, суть которой заключается в замене начальных элементов общемонгольских слов согласными *ң, р, с* (*сд*), *ш* (*шд*).

Заднеязычно-увулярный носовой согласный *ɳ* встречается в начале слова в позиции перед *ɣ* вместо опущенного гласного начала слова, например: СПМЯ *uɣiɳa* 'мыть, стирать' > монгор *ɳɣуа-*, дун. *ваḡа*, баоан. *ɣуа* = монг., бур., калм. *угаа-* в том же значении. В памятниках среднемонгольской речи это слово употребляется без вставных элементов: *uɣāba dēli* 'стирал одежду' [Мук., 362]. Нарращение *ɳ* к слову *угааха* 'стирать, мыть' и замена элемента *у* встречаются только в монгорском языке.

Согласный *р* заменяет анлаутный слог в следующих словах:

СПМЯ	монг.	бур.	калм.	монгор.	
<i>eβul</i> ~ <i>öqül</i>	овөл	үбэл	увл	ргул	'зима'
<i>eɣüden</i>	үүд(эн)	үүдэн	үүдн	рдие	'дверь'
<i>eɣiɣe</i>	илжиг	элжэгэн	ээлжгн	рджиге	'осел'

В монгорских словах *ргул*, *рдие*, *рджиге* согласный *р* заменил анлаутные слоги *e* (*ö*), *eɣü*, *el*. В них проявляется тенденция к аннулированию анлаутного гласного *e* (*э*), который в монгорском языке не употребляется в начале слова.

Согласный *с* (иногда стечение *сц*) также заменяет анлаутные слоги с гласным началом в структуре общемонгольских слов в монгорском языке. Примеры:

СПМЯ	монг.	бур.	калм.	монгор.	баоан.	
<i>utasun</i>	утас	утаһан	утцн	сдäдзе ~ шдäдзе	ндасоң	'нитка'
<i>oytal</i> ~ <i>oytol</i>	огтлох	отолхо	утлх	сдолі-	—	'резать, отрезать'
<i>üsün</i>	үс(эн)	үһэн	үсн	сдзе (фудзе)	суң	'волосы'
<i>usun</i>	ус(ан)	уһан	усн	сдзу (фудзу)	сэ	'вода'

Звуковое изменение начала монгольских слов в монгорском языке посредством замены гласного элемента согласным *с*, стечением согласных *сд* обусловлено влиянием звуковой системы тибетского языка, в котором в начале сложных графем с надписными знаками встречается согласный *s* [Рерих, 1961₂, 40]. Это явление наглядно отражено в звуковой структуре тибетизмов монгорского языка, в целом сохранивших стечение согласных *сб*, *сг*, *сд*, *см* в анлауте слова, например: монгор. *сбäваḡ* 'лягушка' – тибет. *shal-pa*; монгор. *сгала* 'худеть' – тибет. *sket-pa*; монгор. *сгор* 'вращение', 'обход; объезд' – тибет. *skor*; монгор. *сдäp* 'по', 'согласно' – тибет. *ltar*; монгор. *сман* 'лекарство' – тибет *smān* [Тодаева, 1973, 359].

Характер звуковой адаптации тибетизмов в монгорском языке свидетельствует о том, что монголы хорошо владеют тибетским языком и звуковую структуру исконных слов трансформировали в соответствии с фонетической структурой слов тибетского языка.

Согласный *ш* и стечения *шд* ~ *шдж* заменяют анлаутные слоги в исконных словах, например:

СПМЯ	монг.	бур.	калм.	монгор.	баоан.	
erte	эрт(эн) 'рано'	эртэ 'то же'	эрт 'то же'	шде (рде)	этэ	'утро; рань'
ačiyan	ачаа(н)	ашаан	ацан	шджйā	—	'груз'
ičeqügi	ичгүүр	эшэгүүри	ичр	шджйүр	—	'стыд; совесть'
ökin	охин	үхин	куүлkn	шджун	окэң	'девушка', 'дочь'
iḡayur	ёзоор, узуур, үндэс	узуур	үндсн	шджүр	—	'основание, дно; корень; конец'
yisün	ес, есөн	юһэн	йисн	шдзен	јэсоң	'девять'
učiḡa-	учрах	ушарха	учрх	шджурā-	—	'встретить, встречать'
eči-, iči-	очих	ошохо	одх, иовх	шджі-	шджэ-	'идти, отправляться'

Приведенные примеры показывают характер звукового изменения общемонгольских слов в монгорском языке. Видно, что изменению подверглось не только начало слова. Например, в слове *шдэ ~ рдэ* показано ослабление глухого сильного *t* в слабый звонкий *d*, что представляет собой закономерное явление [Тодаева, 1973, 28–30]. Однако наращение глухого щелевого *ш*, точнее, субституция этим консонантом гласного элемента начала монгольских слов в монгорском языке образовало новое фонетическое явление в последнем, отличающее его от других монгольских языков: возникло стечение двух и более согласных в начале слова, характерное для тибетского языка. Аналогичное явление наблюдается изредка и в баоанском, который также был подвержен влиянию тибетского языка. Возникает вопрос относительно природы анлаутного *ш* в приведенных примерах, является ли в монгорском языке согласный *ш* рефлексом среднемонгольского анлаутного *h* в словах типа *шде > erte; шджйүр > ičeqüri* или же это приставочный элемент типа субституттов *с, ң, р*, которые заменяют гласные слоги в анлауте общемонгольских слов монгорского языка, тем самым образуя стечение нескольких согласных в начале слова по типу звуковой структуры слов тибетского языка. Для практического решения этого вопроса необходимо обратиться прежде всего к памятникам среднемонгольской речи.

В материалах словаря Мукаддимат ал-Адаб [ИМ], в глоссариях Ибн-Муханны [Мук., 1938; 1939], Р. Лича [Лигети, 1954], монгольских материалах Лейденской рукописи [Porpe, 1927; 1928] имеются приведенные нами слова, но без анлаутного *h*. Исключением является слово *hiči-* 'стыдиться, стесняться', которое зафиксировано в словаре Мукаддимат ал-Адаб в виде *hiči-* [Мук., 1938, 184], а в списке монгольских слов Ибн-Муханны – *hičibe* [ИМ, 1939, 438]. Это дает основание предполагать, что в приведенных выше примерах со стечением двух-трех согласных с анлаутным *ш* в общемонгольских словах имеет место явление инновации, возникшее под влиянием тибетского языка. При этом исследователи отмечали, что стечения начальных согласных в мон-

горском языке развились под влиянием тех тибетских диалектов, в которых сохранились старые тибетские префиксы [Rona-Tas, 1960, 263–267].

Среди тибетизмов монгорского языка имеются слова с первым элементом *ш* при стечении согласных в анлауте, например: монгор. *шдаг* ‘признак; примета’ – тибет. *rtaqs*; монгор. *шджуен* ‘причина; основание’, ‘дело’ – тибет. *rkyen* [Тодаева, 1973, 384–385].

Стечение согласных в анлауте слов баоаньского языка

В баоаньском языке стечение двух согласных в начале слова встречается редко, значительно реже, чем сочетание двух разных гласных.

Сочетание согласных *нд* замечено в анлауте некоторых слов, например:

СПМЯ	монг.	бур.	баоан.	
equden	үүдэн	үүдэн	ндаң	‘дверь’
öndeqen	өндөг	үндэген	ндэгi	‘яйцо’
eļiqen	эльжиг	эльжигэн	нджиге	‘осел’

Изредка встречаются сочетания *шб* в слове *шбар* ~ *бар* ‘глина’ – бур. *шбар*; *шд* в слове *шдоң* ~ *доң* ‘зуб’ – бур. *шүдэн*.

Образование подобных стечений двух согласных в начале монгольских слов происходит благодаря выпадению: 1) анлаутных гласных в словах типа *ндэги* < СПМЯ *öndeqen* ‘яйцо’; 2) гласного элемента в позиции между согласными в словах типа *шбар* < СПМЯ *sibar*; *шдоң* < СПМЯ *sidün*; 3) первого слога монгольских слов с последующей заменой последнего либо стечением согласных *нд*, либо *н*, например: баоан. *ндаң* < СПМЯ *equden* ‘дверь’; баоан. *нджиге* < СПМЯ *eļiqen* ‘осел’.

Причина происхождения подобных стечений двух согласных в анлауте трансформированных монгольских слов баоаньского языка заключается во влиянии тибетского языка, с которым контактирует баоаньский язык в течение длительного времени [Тодаева, 1964, 21]. Это – не единичное явление. Употребление в анлауте слова заднеязычного *ң* тоже объясняется влиянием тибетского языка, ибо с этого согласного начинаются только тибетизмы в баоаньском языке, например: *ңга* ‘много’, *ңгоң* ‘зима’, *ңге* ‘седло’ и т.д.

В анлауте и ауслaute слова нет особых отклонений в употреблении согласных.

Выпадение согласных в структуре слов дунсянского языка

В дунсянском языке, в отличие от монгорского и баоаньского, не наблюдается стечения двух и более согласных в анлауте и ауслaute слова, хотя и в дунсянском языке исконно монгольские слова подверглись звуковой трансформации.

В работе Б.Х. Годаевой указывается на следующее: 1) в дунсянском языке выпадают некоторые согласные (*в, б, г, р, л*) в середине и конце слова; 2) дунсянский язык резко отличается от остальных монгольских языков тем, что в нем преобладают открытые слоги и потому недопустимо стечение двух или более согласных [Годаева, 1961, 14–15, 18]. Действительно, слоговая структура слова имеет свою специфику в этом языке. Это явление обусловлено, очевидно, тем, что на формирование дунсянского языка оказал существенное влияние китайский.

Анализ характера изменения общемонгольских слов в дунсянском языке позволил установить определенные тенденции: 1) не допускать стечения двух разных согласных в звуковой структуре слова; 2) иметь открытый слог в ауслауте слова. В соответствии с этим общемонгольские слова трансформировались по-разному.

Изменения в инлауте слова

Общемонгольские слова с сочетанием двух разных согласных в инлауте подверглись следующим изменениям: 1) опущение первого компонента из двух сочетаемых согласных; 2) замена первого компонента сонантом *н*; 3) замена первого согласного сочетанием гласных.

1. Опущение первого компонента из двух сочетающихся согласных можно проиллюстрировать примерами:

СПМЯ	монг.	бур.	дун.	
berqen	бэргэн	бэргэн	бэгэн	'жена старшего брата'
tobči	товч	тобшо	тыджы	'пуговица'
gulaγai	хулгай	хулгай	γуγи	'воровство'

В этих словах выпали согласные *р, б, л*. Материалы языка показывают, что практически могут выпадать не только указанные согласные при стечении двух согласных, но также и другие.

2. Наиболее распространенный характер носит субституция первого компонента из сочетающихся двух согласных консонантом *н*:

СПМЯ	монг.	бур.	дун.	
altan	алт(ан)	алтан	антан	'золото'
alda-	алд-	алда-	анда-	'лишаться, терять'
amtatai	амтатай	амтатай	андату	'вкусный'
böqelji-	бөөлжи-	бөөлжэ-	бэнджэ-	'тошнить, рвать'

В приведенных словах стечение двух разных согласных произошло в результате соединения в структуре слова закрытого слога, оканчивающегося на согласный, со слогом, начинающимся с согласного. Дунсянский язык допускает стечение двух согласных лишь при условии наличия консонанта *н* в первом из сочетаний согласных, т.е. первый закрытый слог должен иметь в конце носовой *н* независимо от качества согласного начала следующего слога слова. В китаизмах в дунсянском языке наблюдается аналогичное явление, при этом китаизмы усвоены языком с сохранением звуковой структуры источника: дун. *бынзы* – кит. *бэньцзы* 'тетрадь'; дун. *вэнзы* – кит. *вэньцзы* 'комар'; дун. *ганбу* –

кит. *ганбу* ‘кадры; кадровый работник’; дун. *гунлау* – кит. *гунлао* ‘подвиг; заслуга’ и т.д. Это явление свидетельствует о тенденции дунсянского языка к идентификации звуковой структуры слов родного языка с фонетическим обликом слов китайского.

3. Субституцию первого согласного в сочетании согласных сочетанием гласных *эу*, *ау* иллюстрируют примеры:

СПМЯ	монг.	бур.	дун.	
arilya-	арилга-	арилга-	арэуға-	‘чистить, очищать’
bayulya-	буулга-	буулга-	бауга-	‘опускать, спускать’
sayulya	суулга	һуулга	сауга	‘ведро’

Таким образом, сочетание двух согласных в инлауте общемонгольских слов трансформировалось в дунсянском языке, в котором возможно стечение двух согласных в этой позиции слова только с сонантом *н* в качестве первого элемента.

Изменения в ауслауте слова

Дунсянский язык существенно отличается от других монгольских языков структурой конечного слога слова. В исходе дунсянских слов употребляются все гласные дунсянского языка, а из согласных – только переднеязычный сонант *н* и реже заднеязычный *ң*. В соответствии с этим все общемонгольские слова, имеющие в ауслауте согласный элемент (кроме сонанта *н*), подверглись следующим изменениям:

1. Опускание конечных согласных слова:

СПМЯ	монг.	бур.	дун.	
ger	гэр	гэр	гэ	‘дом, юрта’
alčiyur	алчуур	аршуур	анчу	‘платок’
yar	гар	гар	ка	‘рука’
bulay	булаг	булаг	була	‘источник’
čay	цаг	саг	ча	‘время’

Наблюдается опускание любого конечного согласного, кроме *н*:

СПМЯ	монг.	бур.	дун.	
altan	алт(ан)	алтан	антан	‘золото’

В словаре Б.Х. Тодаевой приведено много слов с опусканием согласного *р* [Тодаева, 1961, 110–114].

2. Субституция ауслаутного согласного носовым *н*:

СПМЯ	монг.	бур.	дун.	
bal	бал	бал	бан	‘мед’
qadam	хадам	хадам	гадун	‘родня по жене, мужу’
qudal	худал	худал	гудан	‘ложь’
yal	гал	гал	кан	‘огонь’
sam	сам	һам	сан	‘гребень’
ebül	өвөл	үбэл	увун	‘зима’

Согласным *н* заменяются обычно конечные согласные *л, м* общемонгольских слов.

3. Субституция ауслautного согласного сочетанием гласных *эу*:

СПМЯ	монг.	бур.	дун.	
quduy	худаг	худаг	гудэу	'колодец'
möndür	мөндөр	мүндэр	мэндэу	'град'
ebüdüg	өвдөг	үбдэг	одэу	'колено'

Иногда сочетание *эу* наращивается к словам с конечным согласным, например:

СПМЯ	монг.	бур.	дун.	
dalu	дал	дала	далэу	'лопатка'

Употребление сочетания гласных *эу, ау* в ауслaute дунсянских слов представляет собой обычное явление. Среди дунсянских слов встречается немало китаизмов, оканчивающихся на *ао* и вошедших в дунсянский с концовкой *ау*, например: дун. *гунлау* – кит. *гунлао* 'подвиг'; дун. *дапау* – кит. *дапао* 'пушка'; дун. *путау* – кит. *путао* 'виноград'; дун. *мадау*, – кит. *мадао* 'меч; сабля' и т.д.

Как видно, китаизмы восприняты дунсянским языком почти с полным сохранением их звуковой структуры. Между тем общемонгольские слова подверглись сильнейшей трансформации. Характер изменения фонетического облика общемонгольских слов дунсянского языка отражает тенденцию к идентификации их со звуковой структурой слов китайского языка. Идет активный процесс конвергентного развития фонетической системы дунсянского языка в направлении сближения с фонетическим строем языка окружения и постепенной утраты ими исконных черт монгольских языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монгольские языки, функционирующие на территории разных стран, на протяжении многих веков существуют вдали друг от друга и развиваются как самостоятельные языки, постоянно контактируя с иноструктурными языками. Каждый из них обладает определенными общественными функциями в зависимости от своего социального статуса. Лишь могольский язык, контактировавший свыше семи веков с иранскими языками на территории Афганистана, находится на стадии ассимиляции в ираноязычной среде.

Историко-сопоставительное изучение фонетики монгольских языков свидетельствует о разном характере изменения их звукового строя, несмотря на общие закономерности происшедших изменений.

Существенные расхождения прослеживаются в звуковой системе литературно-письменных и бесписьменных монгольских языков.

Л и т е р а т у р н о - п и с ь м е н н ы е монгольские языки (монгольский, бурятский, калмыцкий) развиваются и совершенствуют свою фонетическую систему в общем русле звукового строя данной семьи языков. В этой группе языков наблюдаются изменения в составе гласных, а именно: 1) перелом гласного **i* первого слога слова; 2) образование долгих гласных из древнемонгольских долготных комплексов ГСГ с выпадением интервокального согласного; 3) опереднение (в различной степени в разных языках) исторических заднерядных гласных **a*, **o*, **u* первого слога в позиции перед **i*; 4) монофтонгизация дифтонгов; 5) качественная и количественная редукция кратких гласных непервых слогов, за исключением бурятского, в котором отсутствует количественная редукция.

В составе согласных прослеживается: 1) аффрикатизация смычных придыхательных **t*, **d* в позиции перед **i*; 2) спондантизация смычных заднеязычно-увулярных **k*, **q* и переход их в щелевой заднеязычный *x*; 3) палатализация твердых согласных; 4) дезаффрикатизация всех аффрикативных согласных в бурятском языке.

В литературно-письменных языках произошли количественные и качественные изменения в составе гласных и согласных в соответствии с фонетическими закономерностями монгольских языков. Эти изменения в целом обусловлены внутриструктурными особенностями звукового строя самих монгольских языков.

В бесписьменных островных языках изменения происходили несколько иначе, чем в литературно-письменных.

Для вокализма характерно следующее: 1) преимущественное сохранение исторического гласного **i* первого слога слова; 2) древнемонгольский долготный комплекс ГСГ дал разные рефлексy: а) во всех бесписьменных языках он сохранился в форме двослогов с выпадением интервокального согласного, как в языке памятников XIII–XIV вв.; б) частично развился в долгие гласные в могольском, дагурском и в диалекте хуцзу монгорского языка. По признанию Б.Х. Тодаевой, долгота в этих языках не имеет фонематического значения; 3) исторические переднерядные гласные **ā*, **ō*, **ī* полностью утратили свои функции и развились в заднерядные гласные *a*, *o*, *y*. В могольском языке частично сохранились гласные **ō*, **ī*.

Специфичным для консонантизма бесписьменных языков является: 1) сохранение анлаутной функции среднемонгольского спиранта *h*, восходящего к древнемонгольскому **p*, полностью утратившему анлаутную функцию в литературно-письменных языках. Следы анлаутной функции среднемонгольского спиранта *h* сохранились во всех бесписьменных языках: дагурском, монгорском, дунсянском, баоаньском; 2) сохранение **k*, **q*, наблюдаемое в среднемонгольской речи и отмечаемое во всех бесписьменных языках наряду со щелевым *x* в некоторых общемонгольских словах; 3) исторический анлаутный **b*, сохранившийся во всех монгольских языках и частично развившийся в глухой сильный *n* в бесписьменных языках китайского региона.

Специфичным для звукового состава бесписьменных языков данного региона является сосуществование в них двух полярных признаков: с одной стороны, сохранение реликтовых черт – свойств среднемонгольского языка, а с другой – утрата ими отдельных фонетических признаков монгольских языков под влиянием языка окружения.

При сохранении относительной общности звукового состава в двух группах монгольских языков обращают на себя внимание существенные расхождения между ними в звуковой структуре слова, касающиеся синтагматической связанности гласных и согласных. В литературно-письменных и бесписьменных языках прослеживаются неадекватные нормы дистрибуции звуков. При этом литературно-письменные языки в целом отражают нормы монгольской фонетики, а в бесписьменных языках наблюдается определенный отход от общемонгольской фонетической системы. Особенно ярко это проявляется на материале синтагматического распределения гласных и согласных в звуковой структуре слова.

Для фонетики монгольских языков не свойственно употребление стоящих рядом двух гласных разного качества, стечение двух и более согласных в начале и конце слова, стечение больше двух согласных в инлауте, а также употребление согласных *l*, *p*, *n* в начале слова.

В литературно-письменных языках эта фонетическая норма неизменно соблюдается в монгольских словах, включая ранние заимствования. Исключения из этого правила составляют новые заимствования, проникшие в бурятский и калмыцкий языки через посредство русского

языка. Эти заимствования зафиксированы в двуязычных словарях с сохранением звуковой структуры языка-источника при незначительном изменении флексий. Возможность введения неадаптированных заимствований обусловлена распространением массового бурятско-русского двуязычия среди бурят и калмыцко-русского двуязычия среди калмыков.

В этих заимствованиях наблюдаются следующие явления, нарушающие фонетическую норму слов заимствующего языка: 1) нарушение гармонии гласных; 2) стечение двух разных гласных в разных позициях слова; 3) стечение двух и более согласных в начале и конце слова; 4) употребление в анлауте слова согласных, которые не употребляются в начале слова в монгольских языках. Подобные нарушения фонетических норм заимствующего языка узаконены в правилах орфографии языка-реципиента. Неадаптированные заимствования бытуют во всех жанрах письменного языка, а также в устной форме литературного языка и в бытовой речи разных социальных слоев билингов. Однако в разговорной речи широких масс нередко используются адаптированные варианты заимствований.

Таким образом, есть основание утверждать, что в бурятском и калмыцком языках образовалась особая подсистема в фонетической системе данных языков, обслуживающая только заимствованные слова. Следовательно, явления фонетической интерференции, наблюдаемые лишь в структуре заимствованных слов, не проникли в звуковой облик исконных слов и остаются лишь фактом фонетической интерференции.

В бесписьменных языках наблюдается обратное явление. В них исконно монгольские слова трансформированы в соответствии со звуковой структурой китаизмов и тибетизмов.

В монгорском, дунсянском, баоаньском, шира-югурском, дагурском языках нередко встречается стечение двух гласных разного качества: *ау, эу, уа, уо, ие*. Суть этой уже сложившейся нормы в группе бесписьменных языков состоит в том, что такие стечения гласных имеют место не только в китаизмах и тибетизмах, но также и в общемонгольских словах, которые подверглись изменению по типу звуковой структуры заимствованных слов. Сохранение среднемонгольских двоеслогов, являющихся рефлексом звуковых долготных комплексов ГСГ, с выпадением интервокального согласного, возможно, обусловлено влиянием контактирующих с монгольскими языками иноструктурных языков, в которых стечение двух гласных представляет собой обычное явление. В этой группе островных языков не соблюдается гармония гласных не только в заимствованных, но и в общемонгольских словах.

Употребление в анлауте слова согласных *ң, п, л, р*, а также стечение двух согласных в начале слова свидетельствуют об изменении звуковой структуры монгольских слов под влиянием иноструктурных языков.

Подверглась изменению и звуковая структура монгольских слов во всех бесписьменных монгольских языках китайского региона в сторону сближения со звуковым обликом слов контактирующих с ними языков.

Итоги наблюдения свидетельствуют о значительном различии между письменными и бесписьменными языками в соотношении

удельного веса различных факторов, влияющих на процесс развития фонетической системы этих двух групп монгольских языков.

Литературно-письменные монгольские языки развиваются в соответствии с законами и нормами монгольских языков, сохраняя при этом свою специфику и модернизируя, совершенствуя фонетическую и фонологическую системы посредством реализации своих внутрискруктурных особенностей. Однако и письменные языки не были свободны от влияния контактировавших с ними языков на всех уровнях языковой системы. Возможность и степень проникновения иноструктурных элементов регулировались нормами литературного языка. Следовательно, фонетическая система литературно-письменных языков развивалась в соответствии с закономерностями фонетического строя монгольских языков.

Бесписьменные монгольские языки китайского региона, сохранив рудименты древнемонгольского языка, существенно видоизменили свою фонетику под влиянием китайского и тибетского языков. Результатом проникновения всего нового из иноструктурных языков явилась кардинальная перестройка системы гласных и согласных бесписьменных языков.

Отсутствие своего литературно-письменного языка в островных бесписьменных языках способствовало беспрепятственному переходу иноязычных элементов как фонетической интерференции в строевые элементы фонетики монгольских языков, сопровождавшемуся вытеснением исконных свойств воспринимающего языка.

Это направление в развитии звукового строя бесписьменных монгольских языков характеризуется тенденцией к приспособлению фонетической системы родного языка к фонетике контактирующих с ним иносистемных языков. Объективным показателем этого явления служит звуковая трансформация общемонгольских слов, утрата ими своих исконных свойств в вокализме, изменение в сочетаемости звуков в структуре слова.

Тем не менее бесписьменные монгольские языки китайского региона в целом сохранили свой исконный облик, несмотря на то что находились в постоянном контакте с языком окружения на протяжении семи с лишним веков.

Примечательным является то, что и в письменных и в бесписьменных языках одни и те же звенья фонетической системы оказываются открытыми для иноязычных элементов, но глубина и возможность их восприятия различны в каждой из этих групп. Письменные языки не допускают иноязычных вкраплений в структуру исконных общемонгольских языков, хотя имеют в лексическом фонде значительный пласт заимствований, содержащих необычные для заимствующего языка звуки, стечения гласных и согласных в разных позициях слова. Бесписьменные языки развиваются стихийно, активно усваивая строевые элементы иноструктурных языков, со временем вытесняющие исконные свойства фонетики монгольских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашеев Д.А.* Тункинский говор // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1965. Вып. 1.
- Бертагаев Т.А.* Влияние русского языка на развитие фонетической системы бурят-монгольского языка // Учен. зап. БМГПИ им. Д. Банзарова. Улан-Удэ, 1947. Вып. 1.
- Бертагаев Т.А.* Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964.
- Бертагаев Т.А.* Бурятский язык // Языки народов СССР. М.; Л., 1968. Т. 5.
- Бертагаев Т.А.* Сингармонизм, ударение и изменение звукового строя бурятского языка // ВЯ. 1968. № 2.
- Бертагаев Т.А.* К вопросу о взаимовлиянии языков // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969.
- Бертагаев Т.А.* Количественные чередования гласных и аблаут в монгольских языках // ВЯ. 1971. № 6.
- Бертагаев Т.А.* Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974.
- Биткеев П.Ц.* Неясные гласные калмыцкого языка // Зап. Калм. НИИЯЛИ. Сер. филол. Элиста, 1964. Вып. 3.
- Биткеев П.Ц.* Согласные фонемы калмыцкого языка. Улан-Удэ, 1965.
- Биткеев П.Ц.* Фонетические причины сингармонической трансформации слов в монгольских языках // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1968. Вып. 3, № 11.
- Биткеев П.Ц.* Фонематические оппозиции в результате квантитативных изменений в системе гласных калмыцкого языка // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы межвузовской конференции (11–13 мая 1960, Новосибирск). Томск, 1969.
- Биткеев П.Ц.* Квантитативные изменения гласных в монгольских языках // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970. Вып. 5.
- Биткеев П.Ц.* Твердорядный гласный *ы* в монгольском языке Тувы // Учен. зап. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Сер. филол. Элиста, 1973. Вып. 11.
- Биткеев П.Ц.* Проблемы фонетики калмыцкого языка. Элиста, 1975.
- Биткеев П.Ц.* Сравнительно-типологическая характеристика гласных фонем монгольского и калмыцкого языков // Исследования по монгольской филологии. М., 1978.
- Биткеев П.Ц.* Языки и письменные системы монгольских народов. Москва; Элиста, 1995.
- Бордаев Э.Ч.* Современный калмыцкий язык: Лексикология. Элиста, 1985.
- Будаев Ц.Б.* Фонетические особенности цонгольского говора // Краткие сообщения БКНИИ СО АН СССР. Сер. ист.-филол. Улан-Удэ, 1962. Вып. 4.
- Будаев Ц.Б.* Цонгольский говор // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1965. Вып. 1.
- Будаев Ц.Б.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1978.
- Бураев И.Д.* Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959.
- Бураев И.Д.* Сингармонизм в бурятском языке // Труды БКНИИ СО АН СССР. Сер. востоковед. 1960. Вып. 3.
- Бураев И.Д.* Сартульский говор // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1965. Вып. 1.
- Бураев И.Д.* Некоторые фонетические особенности говора аларо-унгинских бурят // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.
- Бураев И.Д.* Фарингальный *h* в бурятских диалектах. // Языки и топонимия. Томск, 1976.
- Бураев И.Д.* Спирантизация согласных в монгольских языках // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Улаанбаатар, 1977. Б. 3.
- Бураев И.Д.* Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск, 1987.
- Вандуй Э.* Дөрвөд аман аялгуу. Улаанбаатар, 1965.
- Вандуй Э.* К вопросу о классификации говоров и подговоров в халхаском наречии // Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. Улаанбаатар, 1973. Б. 1.

- Верба Н.К.* Древнемонгольский комплекс с интервокальным согласным и его эквиваленты в современных монгольских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
- Викторова Л.Л.* К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII–XIII вв.) // Языки народов Востока. Л., 1961.
- Викторова Л.Л.* Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
- Владимирцов Б.Я.* О двух смешанных языках Западной Монголии // Яфетический сборник. Пг., 1923. Вып. 2.
- Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л., 1929.
- Владимирцов Б.Я.* Монгольские литературные языки // Зап. ИВ АН СССР. Л., 1932. [Вып.] 1.
- Владимирцов Б.Я., Понне Н.Н.* Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // Докл. РАН. Апрель–июнь. Л., 1924.
- Гаджиева Н.З.* Соотношение внешних и внутренних факторов в изменении структуры тюркских языков при их контактировании с неродственными языками. (Отт. из материалов XIX Междунар. конф. алтаистов.) Хельсинки, 1977.
- Голстунский К.Ф.* Монголо-русский словарь. СПб., 1893. Т. 1; 1894. Т. 2; 1895. Т. 3.
- Даль В.П.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1882. Т. 4.
- Дамдинов Д.Г.* Этнолингвистический очерк хамниганского говора // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.
- Дарбеева А.А.* Предварительные данные о языке нижеудинских бурят // Труды БКНИИ СО АН СССР. Сер. востоковед. Улан-Удэ, 1960. Вып. 3.
- Дарбеева А.А.* Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху. М., 1969.
- Дарбеева А.А.* О сказках нижеудинских бурят // Исследования по монгольской филологии: К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. М., 1974.
- Дарбеева А.А.* Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта: На материале монгольских языков. М., 1978.
- Дарбеева А.А.* Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия. М., 1984.
- Дарбеева А.А.* Проблемы контактов монгольских языков с иноструктурными в социолингвистическом освещении: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1985.
- Дондуков У.-Ж.Ш.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.
- Дораева Р.П.* Залоги. Наклонение. Деепричастие. Время // Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
- Жамбалсурен Н.* Тибетские слова в монгольском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961.
- Жамьян Г.* Обозначение долгих гласных в ойратском "ясном письме" // Народы Азии и Африки. М., 1970.
- Захаров И.* Полный маньчжуро-русский словарь. СПб., 1875.
- Золхоев В.И.* Сочетаемость согласных и редукция гласных в бурятском языке // Вопросы бурятской филологии. Улан-Удэ, 1972. Вып. 1.
- Золхоев В.И.* Сильные и слабые позиции гласных фонем в бурятском языке // Вопросы бурятской филологии. Улан-Удэ, 1973. Вып. 2.
- Ивановский А.Ф.* Mandjurica: Образцы солонского и дахурского языков. СПб., 1894.
- Илишкин И.К.* Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования двуязычия. Элиста, 1972.
- Каляев А.Л.* Имена прилагательные в современном калмыцком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972.
- Кичиков А.Ш.* Дербетский говор. Элиста, 1963.
- Кичиков А.Ш.* Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка // Учен. зап. КНИИЯЛИ. Сер. филол. Элиста, 1967. Вып. 5.
- Климов Г.А.* Языковые контакты // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
- Константинова О.А.* Эвенкийский язык: Фонетика. Морфология. М.; Л., 1964.

- Котвич В. Исследование по алтайским языкам: Пер. с польск. М., 1962.
- Кузменков Е.А. Киданьские элементы в маньчжурском и диалектная база старомонгольской письменности // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тез. докл. XXIX сессии ПИАК. М., 1980. [Вып.] 11: Лингвистика.
- Лигети Л. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана // Acta Orient Hung. 1954. Т. 4, fasc. 93–117.
- Лигети Л. [Рецензия] // ВЯ. 1955. № 5. – Рец. на кн.: Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. Т. 1.
- Лигети Л. Монгольские элементы в диалектах хазара в Афганистане // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. 1964. № 83.
- Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний зүй: Монгол хэлний авианы бүтэц. Улаанбаатар, 1967₁.
- Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний урт эгшгийн гарлын тухай асуудалд // Хэл зохиол: Монгол хэл уран зохиолын зарим асуудал. Улаанбаатар, 1967₂. Б. 4.
- Лувсанвандан Ш. Дистрибуция гласных и ударение в монгольских языках // Исследования по восточной филологии: К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. М., 1974.
- Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний авиа зохиох тухай асуудалд // Studia Mongolica. Ulan-Bator, 1975. Т. 2.
- Лувсанвандан Ш. К проблеме долгих гласных среднемонгольского языка // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Улаанбаатар, 1977. Б. 2.
- Лувсандэндэв А. Орос монгол толь. М., 1957.
- Лувсандэндэв А. К вопросу о периодизации монгольского литературного языка // Хэл зохиол судлал. Улаанбаатар, 1972. Б. 11, д. 1–21.
- Лувсандэндэв А. Формирование монгольского национального литературного языка // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Улаанбаатар, 1977. Б. 2.
- Лувсандэндэв А. Хэл бичгийн ухааны зарим асуудал. Улаанбаатар, 1980. Б. 1; 1982. Б. 2.
- Манжикова Б.Б. К особенностям фонетической структуры звукоподражательных слов и их значений в калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М., 1976.
- Матхеев Б.В. Эхирит-булагатский говор // Зап. Бур.-Монг. НИИК. Улан-Удэ, 1956. Вып. 22.
- Матхеев Б.В. Звуковой состав эхирит-булагатского говора // Учен. зап. БМГПИ. Улан-Удэ, 1957. Вып. 2.
- Матхеев Б.В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.
- Мелиоранский П. Араб-филолог о монгольском языке // Зап. Вост. отд. Рус. Археолог. об-ва. СПб., 1904. Т. 15.
- Митрошкина А.Г. Говор качугских (верхоленских) бурят // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.
- Монраев М.У. Наречие в современном калмыцком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- Мөөмөө С. Об общих фонетических особенностях монгольского языка // Хэл зохиол судлал. Улаанбаатар, 1975. Б. 10.
- Мөөмөө С. Монгол хэлний авиан зүй. Улаанбаатар, 1979.
- Мөөмөө С., Мөнх-амгалан Ю. Орчин үеийн монгол хэл, аялгуу. Улаанбаатар, 1984.
- Мушаев В.Н. Средства осложнения структуры простого предложения в калмыцком языке: (Включенные компоненты). М., 1987.
- Наделяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестн. ЛГУ. 1957. № 8.
- Номиханов Ц.Д. К вопросу об общих законах развития долгих гласных в тюркских и монгольских языках // Зап. КНИИЯЛИ. Сер. филол. Элиста, 1964. Вып. 3.
- Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.
- Орловская М.Н. Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов" // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.
- Орловская М.Н. О некоторых грамматических особенностях языка "Алтан Тобчи" // Проблемы алтаистики и монголоведения. Сер. лингв. М., 1975. Вып. 2.

- Орловская М.Н. Язык "Алтан Тобчи". М., 1984.
- Очиров У.У. Грамматика калмыцкого языка: Синтаксис. Элиста, 1964.
- Павлов Д.А. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста, 1963.
- Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык: Фонетика и графика. Элиста, 1968.
- Павлов Д.А. Развитие дифтонгов в монофтонги в калмыцком языке // Исследования по восточной филологии. М., 1974.
- Павлов Д.А. Фонетика современного калмыцкого языка. Элиста, 1983.
- Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Поппе Н.Н. Аларский говор. Л., 1930₁. Ч. 1.
- Поппе Н.Н. Дагурское наречие // Материалы комиссии по исследованию Монгольской, Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Л., 1930₂. Вып. 6.
- Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л., 1938. Ч. 1, 2; 1939. Ч. 3.
- Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие Г.Н. Потанина 1884–1886 гг. СПб., 1893. Т. 1, 2.
- Пюрбеев Г.Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.
- Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1977.
- Пюрбеев Г.Ц. Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979.
- Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология. М., 1984.
- Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков: Синтаксис словосочетания. М., 1993.
- Раднаев Э.Р. Баргузинский говор // Исследования бурятских говоров. Улан-Удэ, 1965. Вып. 1.
- Рамstedт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхатургинского говора. СПб., 1908.
- Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Рассадин В.И. Тюркизмы в халха-монгольском языке // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970. Вып. 5.
- Рассадин В.И. Развитие монгольских аффрикат в свете данных других алтайских языков // Финно-угорские народы и Восток: Тез. докл. Тарту, 1975.
- Рассадин В.И. История развития отдельных фонетических явлений бурятского языка // Лингвистические исследования. 1976: Вопросы фонетики, диалектологии и истории языка. М., 1976.
- Рассадин В.И. Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов // Исследование бурятских и русских говоров. Улан-Удэ, 1977.
- Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982.
- Рерих Ю.Н. Монгольские заимствования в тибетском языке // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. Улан-Батор, 1961₁. Д. 2.
- Рерих Ю.Н. Тибетский язык. М., 1961₂.
- Руднев А.Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.
- Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. Пг., 1913–1914. Вып. 1: Опыт исследования.
- Рудов Л.Н. Проблемы киданьской письменности // Сов. этнография. 1963. № 1.
- Санжеев Г.Д. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят // Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурятской АССР. Л., 1930. Вып. 8.
- Санжеев Г.Д. Дархатский говор и фольклор // Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Л., 1931. Вып. 15.
- Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. Т. 1.
- Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1959.
- Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1963. Т. 2: Глагол.
- Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
- Санжеев Г.Д. Монгольские анлаутные т и д и их тюркские соответствия // Олон улсын монгол хэл эрдэмтний II их хурал. Улаанбаатар, 1973. Б. 2.
- Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
- Санжеев Г.Д. Проблемы сравнительно-исторической монголистики // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Современное состояние и проблемы. М., 1981.

- Серебрянников Б.А.* Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
- Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- СИГТЯ* – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984.
- Сусеева Д.А.* Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху. Элиста, 1978.
- Сусеева Д.А.* Словообразовательный словарь калмыцкого языка. Элиста, 1985.
- Таскин В.С.* Опыт дешифровки киданьской письменности // Народы Азии и Африки. 1963. № 1.
- Таскин В.С.* Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) // Памятники письменности Востока. М., 1979. [Вып.] 35.
- Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.
- Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х.* Язык желтых уйгуров. М., 1966.
- Тодаева Б.Х.* Грамматика современного монгольского языка. М., 1951.
- Тодаева Б.Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.
- Тодаева Б.Х.* Дунсянский язык. М., 1961.
- Тодаева Б.Х.* Баоаньский язык. М., 1964.
- Тодаева Б.Х.* Монгорский язык. М., 1973.
- Тодаева Б.Х.* Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. М., 1981.
- Тодаева Б.Х.* Язык монголов Внутренней Монголии: Очерк диалектов. М., 1985.
- Тодаева Б.Х.* Дагурский язык. М., 1986.
- Төмөртоого Д.* Дундад үеийн монгол эгшиг авианы ижилшил // Монголын судлал. Улаанбаатар, 1971. Б. 8.
- Төмөртоого Д.* Монгол хэлний түүхийг ангилах тухай асуудалд // Хэл зохиол судлал. Улаанбаатар, 1972. Б. 11, д. 1–21.
- Төмөрцэрэн Ж.* Халхын аялгууны уужимших зохицол // Монголын судлал. Улаанбаатар, 1970. Б. 7.
- Турген Б.* Об употреблении китайских заимствований в современном письменном языке монголов // Монгольский язык, литература и история. Хүх-Хот. 1959. № 4 (38).
- Убушаев Н.Н.* Фонетика торгутского говора. Элиста, 1979.
- Хомонов М.П.* Боханский говор // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1965. Вып. 1.
- Цинцоз В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Цолонж Ж.* Орчин үеийн хэлний авиазүй. Улаанбаатар, 1976.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* О диалектных различиях в разговорном бурятском языке // Труды БКНИИ СО АН СССР. Сер. востоковед. Улан-Удэ, 1960. Вып. 3.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* К итогам экспедиционного изучения говоров забайкальских бурят // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные: Историко-лингвистические исследования. Улан-Удэ, 1972.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Об ойрат-монгольских элементах в этническом составе и языке бурят // Проблемы алтаистики и монголоведения. Сер. лингв. М., 1975. Вып. 2.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
- Цыдытов Ц.-Ж.* Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
- Черемисов К.М.* Заметки по бурят-монгольскому языку, IV. О кабанском подговоре // Зап. БМ НИИКЭ. 1947. Вып. 7.
- Черемисов К.М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973.
- Шагдаров Л.Д.* Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962.
- Шагдаров Л.Д.* Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967.
- Шагдаров Л.Д.* Разработка вопросов фонетики, диалектологии, лексики и орфографии бурятского языка за советский период // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969₁.
- Шагдаров Л.Д.* Бурятский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: Тюркские, монгольские, финно-угорские и тунгусо-маньчжурские языки. (Отд. отт.) М., 1969₂.

- Шагдаров Л.Д.* Язык и письменность // Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1972. Т. 1.
- Шагдаров Л.Д.* Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974.
- Шагдаров Л.Д., Казанцева А.М.* О языке моголов Афганистана (по материалам Ш. Ивamuры и X.Ф. Шурмана) // О зарубежных монголоведных исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968.
- Шагдарсурен Ц.* К вопросу о происхождении монгольской письменности // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Улаанбаатар, 1979. Б. 3.
- Шагдарсурэн Ц.* Монгол сэг зүй. Улаанбаатар, 1981.
- Шевернина З.В.* Времена в современном монгольском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960.
- Шевернина З.В.* Семантико-функциональная характеристика некоторых глагольных форм в монгольском языке // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987.
- Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
- Castrén A.M.* Versuch einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St.-P., 1857.
- Činggeltei.* Dumdadu ulus-taki mongyol törül-ün kele-nügüd ba Mongyol kelen-ü ayalу nuyud-un yerüngkei bayidal // Mongyol kele bičig. 1957. N 11–12; Mongyol teüke kele bičig. Хүхэ-Хото. 1958. № 1–4, 6, 8, 12.
- Doeffler G.* Langvokale im Urmongolischen? // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1964. N 65.
- Haenisch E.* Die Geheime Geschichte der Mongolen aus einer mongolischen Niederschrift des Jahre 1240 von der Insel Kode'e im Kerulen-Fluss, erstmalig übersetzt und erläutert. 2. Aufl. Leipzig, 1948.
- Hattori Sh.* The length of vowels in Proto-Mongol // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. Улаанбаатар, 1961. Д. 2.
- Iwamura Sh.* The Zirni manuscript: A Persian-Mongolian glossary and grammar. With the collaboration of Natsukii Osada and the late Tadashi Yamasaki with preliminary remarks on the Zirni manuscript by Nicholas Poppe. Kyoto, 1961.
- Iwamura Sh., Schurmann H.F.* Notes on Mongolian groups in Afganistan / Kyoto University. Kyoto, 1954.
- Kaluzyński St.* Dagurisches Wörterverzeichnis nach F.V. Muromski's handschriftlichen Sprachaufzeichnungen // Rocznik Orientalistyczny. W-wa, 1969. T. 33, z. 1; 1970. T. 33, z. 2.
- Kara Gy.* Sur le dialecte üjümüčin // Acta Orient. Hung. 1962. T. 14, fasc. 2.
- Kara Gy.* Un glossaire üjümüčin // Acta Orient. Hung. 1963. T. 16, fasc. 1.
- Kara Gy.* Chants d'un barde mongol. Bud., 1970.
- Kotwicz W.* La langue mongole parle par les materiaux recueillis par S.E. Malov et autres voyageurs // RO. Wilno. 1939. T. 16.
- Ligeti L.* Le lexique monghol de R. Leech // Acta Orient. Hung. 1954. T. 4, fasc. 1–3.
- Ligeti L.* Un vocabulaire mongol d'Istanboul // Acta Orient. Hung. 1962. T. 14, fasc. 1.
- Ligeti L.* Notes sur le vocabulaire mongol d'Istanboul // Acta Orient. Hung. 1963. T. 16, fasc. 2.
- Ligeti L.* A propos du "Manuscript de Zirni". Bud., 1964₁.
- Ligeti L.* Les voyelles longues en moghol // Acta Orient. Hung. 1964₂. T. 17, fasc. 1.
- Mostaert A.* Le dialecte des mongols urdus // Antropos. Wien, 1927. T. 22.
- Mostaert A. de, Smedt A.* Le dialecte monguor parle par les mongols du Kansu Occidental, I. Phonetique // Anthropos. Wien, 1930. T. 25.
- Murayama Gh.* Die Entwicklung der Theorie von den Primären, langern Vokalen im Mongolischen // Mongolian Studies. Bud., 1970.
- Ozawa Sn.A.* Study on the verbal endings in the language of the secret history of the Mongols. Especially on -bi and -ligi, -li'i // Area and Culture Studies / Tokyo University of Foreign Studies. 1955. [N] 4.
- Pelliot P.* Les mots à h initiale, aujourd'hui amués dans le mongol des XIII-e et XIV-e siècles // Journal Asiatique. Avril–juin, 1925.
- Poppe N.* Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // Изв. АН СССР. 1927 (Bulletin de l'Academie des Sciences de 1928).

- Poppe N.* [Рецензия] // Зап. Коллегии востоковед. Л., 1928. Т. 3. – Рец. на кн.: Pelliot P. Les mots à h initiale, aujourd'hui amuie dans le mongol des XIII-e et XIV-e siècles.
- Poppe N.* Khalkha Mongolische Grammatik. Wiesbaden, 1951.
- Poppe N.* Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955.
- Poppe N.* Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960. Т. 1: Vergleichende Lautlehre.
- Poppe N.* The primary long vowels in Mongolian // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1962. Т. 63, N 2.
- Poucha P.* Die Sprache der Mogholen in Afganistan und die Theorie der Mischsprachen // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. Улан-Батор, 1961.
- Ramstedt G.J.* Das Schriftmongolische und die Urgamundart Phonetisch verglichen. Helsingfors, 1902.
- Ramstedt G.J.* Mogholica: Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1906. Bd. 23, N 4.
- Ramstedt G.J.* Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1916–1920. Bd. 30, N 2.
- Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- Rawling K.E.* Modern Mongols of contemporary Afganistan // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Улаан-Баатар, 1979. Б. 1.
- Rona-Tas A.* Remarks on the phonology of the Monguor language // Acta Orient. Hung. 1960. Т. 10, fasc. 3.
- Rona-Tas A.* On some finals of the Monguor language // Acta Orient. Hung. 1962. Т. 14, fasc. 3.
- Schröder D.* Der Dialekt der Monguor // Mongolistik Handbuch der Orientalistik. Leiden; Köln, 1964. Bd. 5. Abschn. 2, Abt. 1.
- Smedt A. de, Mostaert A.* Le dialecte monguor parlé par les mongols du Kansou occidental // Dictionnaire monguor-français. Peking, 1933. Т. 3.
- Smedt A. de, Mostaert A.* Le dialecte monguor // Grammaire. Peking, 1945. Т. 2.
- Weiers M.* Untersuchungen zu einer historischen Grammatik des Praklassischen Schriftmongolisch. Wiesbaden, 1969.
- Weiers M.* Zu den langen Vokalen in den Moghol Sprache // Zentralasiatische Studien. Wiesbaden, 1970. 4.
- Weiers M.* Das Moghol-Vokabular von W.R.H. Merk // Zentralasiatische Studien. Wiesbaden, 1971. 5.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ, ГОВОРОВ

алар.	– аларский говор бурятского языка	ОПЯ	– ойратский письменный язык
арухорч.	– арухорчинский говор монгольского языка	орд.	– ордосский говор монгольского языка
баоан.	– баоанский язык	орх.	– язык древних тюрок Орхона
бох.	– боханский говор бурятского языка	СПМЯ	– старописьменный монгольский язык
бур.	– бурятский язык	тибет.	– тибетский язык
вост.-бур.	– восточные говоры бурятского языка	торг.	– торгутский говор калмыцкого языка
даг.	– дагурский язык	тугн.	– тугнуйский говор бурятского языка
даг. И.	– дагурский язык по материалам А. Ивановского	тунг.	– тунгусо-маньчжурские языки
даг. М.	– дагурский язык по материалам Ф. Муромского	тунк.	– тункинский говор бурятского языка
даг. П.	– дагурский язык по материалам Н. Поппе	тюрк.	– тюркские языки
дун.	– дунсянский язык	уйгур.	– уйгурский язык
зап.-бур.	– западные говоры бурятского языка	х.-монг.	– халха-монгольский язык
калм.	– калмыцкий язык	х.-ург.	– халха-ургинский говор монгольского языка
кит.	– китайский язык	халх.	– халхаский диалект современного монгольского языка
клас.	– классический монгольский язык	хамн.	– хамниганский говор бурятского языка
лит. бур.	– литературный бурятский язык	хор.	– хоринский диалект бурятского языка
маньчж.	– маньчжурский язык	хорч.	– хорчинский говор монгольского языка
мин.	– диалект минхэ монгорского языка	хуц.	– диалект хуцзу монгорского языка
мог.	– могольский язык	цонг.	– цонгольский говор бурятского языка
монг.	– монгольский язык	ш.-юг.	– шира-югурский язык
монгор.	– монгорский язык	эх.-бул.	– эхирит-булагатский говор бурятского языка
н.-у. бур.	– нижнеудинский говор бурятского языка	ЯВМ	– язык монголов Внутренней Монголии КНР
общемонг.	– общемонгольский	якут.	– якутский язык
ойрат.	– ойратский диалект халха-монгольского языка		
окин.	– окинский говор бурятского языка		

НАЗВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

ИМ	– Список монгольских слов из глоссария Ибн-Муханны.	Разд. 2. С. 1251–1274; Разд. 3. С. 5570. Отд. гум. наук.
КВП	– <i>Поппе Н.</i> Квадратная письменность. М.; Л., 1941.	Мук. – <i>Поппе Н.</i> Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л., 1938. Ч. 1, 2; 1939. Ч. 3.
ЛР	– <i>Поппе Н.</i> Монгольский языковой материал одной Лейденской рукописи // Бюллетень АН СССР. 1927. Разд. 1. С. 1009–1040;	СС – <i>Козин С.А.</i> Сокровенное сказание монголов. М., 1941.
		ZM – <i>Iwamura Sh.</i> The Zirni Manuscript... Kyoto, 1961.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Глава первая</i>	
ВОКАЛИЗМ	18
Состав гласных	18
Краткие гласные	19
Долгие гласные	44
<i>Глава вторая</i>	
КОНСОНАНТИЗМ	69
Губные согласные	69
Переднеязычные согласные	74
Среднеязычный согласный *j.....	92
Заднеязычные согласные	93
Увулярные согласные	99
<i>Глава третья</i>	
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ	103
Изменения в вокализме	103
Явления, обусловленные эволюцией гласного *i.....	104
Гармония гласных	111
Нарушение гармонии гласных в письменных монгольских языках	116
Нарушение гармонии гласных в бесписьменных монгольских языках	117
Следы сохранения сингармонизма в твердоядных монгольских словах	119
Разрушение сингармонизма в монгольских словах	119
Неадаптированные заимствования из китайского и тибетского язы- ков	122
Стечение гласных в монгольских языках	123
Стечение гласных в монгольском языке	124
Стечение гласных в баоанском языке	126
Стечение гласных в дунсянском языке	126
Изменения в позиционном употреблении согласных	129
Анлаутные согласные в монгольских языках	129
Анлаутные согласные в письменных языках	130
Анлаутные согласные в бесписьменных языках	134
Сохранение в анлауте элементов древнемонгольского языка	134
Субституция анлаутных согласных	139
Стечение согласных в монгольских языках	146
Стечение согласных в письменных языках	146
Стечение согласных в бесписьменных языках	149
Стечение согласных в анлауте слов монгольского языка	149
Стечение согласных в анлауте слов баоанского языка	154
Впадение согласных в структуре слов дунсянского языка	154
Изменения в анлауте слова	155
Изменения в ауслауте слова	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
ЛИТЕРАТУРА	162
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	169

A.A. Darbeeva

Historical-comparative Studies of the Mongolian Languages. Grammar. Phonetics.

The book is devoted to the historical-comparative study of the phonetics of the Mongolian languages. The research traces back the evolution of the Old Mongolian vowels and consonants. The phenomena of the vowel harmony and problems of sound distribution in the word structure manifesting in the groups of the written languages and languages of oral tradition are studied. The influence of the contacts with the languages of different structure on the development of written languages and languages of oral tradition is shown in the book.

For specialists of Mongol languages and Altaian as well as teachers, students and post-graduates.

Научное издание

Дарбеева Анна Ангадыковна

**ИСТОРИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ГРАММАТИКЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ**

Фонетика

Утверждено к печати

Ученым советом

Института языкознания РАН

Заведующая редакцией "Наука – культура"

А.И. Кучинская

Редактор *В.С. Матюхина*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*

Технический редактор *Т.А. Резникова*

Корректор *З.Д. Алексеева*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 2331

ЛР № 020297 от 27.11.1991

Подписано к печати 23.10.96. Формат 60 × 90 ¹/₁₆

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл.печ.л. 11,0. Усл.кр.-отг. 11,3. Уч.-издл. 12,7

Тираж 600 экз. Тип. зак. 465

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ГОТОВЯТСЯ КНИГИ:

И.В. Кормушин. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и переводы. 20 л.

В монографии исследуются тексты древнетюркских рунических надписей VIII–XI вв. из обширного региона Верхнего и Среднего Енисея – главным образом из Тувы, Хакасии и некоторых прилегающих к ним районов. На основании длительного и неоднократного изучения оригиналов памятников, собранных в большинстве своем в музеях Минусинска, Абакана, Красноярска, а также частично находящихся еще на местности, автору удалось внести значительное количество поправок и уточнений в состав и чтение текстов более 50 хорошо сохранившихся надписей, дать их новые переводы и толкования.

Для филологов, историков, специалистов по истории тюркских народов и языков.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. 40 л.

Монография представляет собой четвертую книгу коллективного труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков». В ней дается реконструкция лексики тюркского языка и прослеживается его эволюция в современном и древних языках. Впервые на основании лингвистических данных делаются заключения об особенностях материальной и духовной культуры пратюрков.

Для лингвистов-тюркологов и специалистов по языкам алтайской группы и общему языкознанию.

100 р
(ссылка на сайт)

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга—почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой");
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой"); 664033
Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой"); 660049 Красноярск, проспект
Мира, 84; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 117383 Москва, Мичуринский
проспект, 12; 103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 630200 Новосибирск,
ул. Восход, 15, комн. 5086; 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—
почтой"); 142292 Пушкино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой"); 443022
Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой"); 191104 Санкт-Петербург,
Литейный проспект, 57; 199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; 194064
Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой"); 450025 Уфа, ул. Коммунисти-
ческая, 49

Монография посвящена изучению фонетики монгольских языков в историко-сопоставительном освещении. Прослежена эволюция древнемонгольских гласных, согласных, а также исследуются явления гармонии гласных и дистрибуции звуков, по-разному проявляемые в группах письменных и бесписьменных языков. Показано влияние контактов с иноструктурными языками на фонетическое развитие письменных и бесписьменных языков.

